

Верхи и низы русского национализма

Составитель:
Александр Верховский

Москва
Октябрь 2007

УДК 323.12(470+571)“1990/2007”
ББК 66.094+66.1(2)64-231
В36

В36 **Верхи и низы русского национализма: (сб. статей)** / сост.: А. Верховский. — М.: Центр «Сова», 2007. — 256 с.: табл. (Научное издание)
ISBN 5-98418-009-X

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей посвящен таким актуальным проблемам, как рост национализма, преступления на почве ненависти, противодействие этим явлениям со стороны государства и общества, а также тенденции злоупотребления мерами противодействия.

Книга сфокусирована преимущественно на различных аспектах развития и распространения националистических идеологий.

Сборник следует рассматривать как продолжение выпущенных в 2005 и 2006 годах книг «Цена ненависти: национализм в России и противодействие расистским преступлениям» и «Русский национализм: идеология и настроение».

Сборник составлен и выпущен при поддержке
«Национального фонда за демократию»

Веб-сайт проекта, включающий публикации
и новости — <http://xeno.sova-center.ru>

Составитель — А. Верховский
Редактура и корректура — В. Ахметьева
Дизайн, коллаж на обложке — Н. Винник
Верстка — М. Гаврилова

Подписано в печать 18.10.2007. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 16. Уч.-изд. л. 15. Тираж 1200. Заказ № .
ОО Центр «Сова». Адрес для писем: 103982, Москва, Лучников пер., д.4, под.3, к.2.
Телефон/факс: (495) 628-63-46. E-mail: mail@sova-center.ru. Веб-сайт: <http://sova-center.ru>
Типография Россельхозакадемии. 115598 Москва, ул. Ягодная, 12.

ISBN 5-98418-009-X

© Авторы, 2007 — тексты статей
© Верховский А.М., 2007 — составление
© Винник Н.В., 2007 — оформление

Содержание

От составителя.....	4
<i>Александр Верховский</i> Идейная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы	6
<i>Галина Кожевникова</i> Радикальный национализм в России и противодействие ему	33
2006 год	34
Январь—июнь 2007 года	72
Приложения. Статистика преступлений и наказаний	107
<i>Галина Зверева</i> Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины»	121
<i>Татьяна Смирнова</i> Образ «другого» в «национальном» государстве: мультипликационный проект «Князь Владимир»	145
<i>Виктор Шнирельман</i> Расология в действии: мечты депутата Савельева	162
<i>Виктор Шнирельман</i> «Цепной пес расы»: диванная расология как защитница «белого человека»	188
<i>Антон Шеховцов</i> Религиозно-националистический радикализм и политический процесс	209
<i>Роджер Гриффин</i> От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой	223
Коротко об авторах	255

От составителя

Сейчас, когда мы выпускаем этот сборник, проблема национализма, столь острая в момент распада СССР, а потом ушедшая на второй план, снова стала одной из наиболее обсуждаемых и, мы уверены, действительно одной из наиболее значимых. Национализм — сложный и очень динамичный общественный феномен. Научные и общественные дискуссии обычно не успевают за его развитием. И мы стремимся способствовать пониманию новейших явлений, связанных с национализмом в России.

Эта книга — часть длительного проекта, который «СОВА» реализует при поддержке «Национального фонда за демократию» (NED). Основное содержание проекта — ежедневный мониторинг деятельности националистических групп и движений, а также деятельности правоохранительных органов, иных государственных структур и общественных объединений по противодействию преступлениям и правонарушениям на почве этнической, расовой, религиозной ненависти. Результаты мониторинга доступны в разделе «Национализм и ксенофобия» нашего сайта (<http://xeno.sova-center.ru>). На основе этого мониторинга выпускаются квартальные, годовые и специальные доклады по этим темам (см. там же).

Предлагаемый вашему вниманию сборник — продолжение выпущенных нами ранее: «Цена ненависти: национализм в России и противодействие расистским преступлениям» (2005) и «Русский национализм: идеология и настроение» (2006). Фокус нашего внимания постепенно смещается от криминальной активности и правоприменения в рассматриваемой сфере — к новым идеологическим и политическим феноменам в русском национализме. Новый сборник посвящен преимущественно идеологическим аспектам последнего.

Впрочем, уже традиционно, в нем есть и обзор основных событий и тенденций последних полутора лет, касающихся развития националистической активности, государственного и общественного противодействия ей, а также политического использования национализма и антифашизма, — в большой статье Г. Кожевниковой.

А открывает сборник статья А. Верховского, в которой сделана попытка охарактеризовать идеологическую и отчасти политическую трансформацию русского национализма с начала 90-х годов до нашего времени. В статье также сопоставляется «низовой», более традиционный национализм и относительно новый — истеблишментарный. Это сопоставление принципиально для нашего сборника, хотя мы понимаем, что делаем лишь первые шаги в исследовании этого поля.

Если дискурс власти уже не раз подвергался анализу в последние годы, то идеологические проекты групп, претендующих на сотрудничество с властью, пока изучены мало. Поэтому важным шагом мы считаем работу Галины Зверевой о «Русской доктрине» — наиболее разрекламированном проекте такого рода.

Формируемый сверху дискурс о нации создается разными средствами. И одному из них посвящено исследование Татьяны Смирновой. Некоторая легкомысленность предмета (статья целиком посвящена одному мультфильму) не отменяет значимости поднятой темы.

Связи националистических движений и политической элиты разнообразны. Самый банальный, но от этого не менее интересный, случай такой связи — участие националистов в парламенте. И Виктор Шнирельман пишет об одном из самых заметных таких деятелей — Андрее Савельеве.

Следующая статья В. Шнирельмана посвящена менее известному человеку — теоретику «расологии» Владимиру Авдееву. Несмотря на изрядную экзотичность его воззрений, Авдеев — достаточно влиятельный автор, тесно связанный, кстати, с тем же А. Савельевым.

Но есть место в нашем сборнике и для изучения действительно маргинальных группировок. Одной из них посвящена статья Антона Шеховцова. Маргинальность группы или конкретного деятеля, как можно было не раз убедиться за прошедшие 20 лет, порой оказывается не пожизненным статусом. И, что еще важнее, маргинальные группы тоже оказывают существенное влияние на развитие общественных движений, в том числе националистических.

Этот феномен исследует один из видных британских исследователей ультраправых Роджер Гриффин. Он предложил для изучения таких динамичных, хотя и маргинальных, групп новое понятие — «группушкилы». Введению этого понятия и посвящена его статья, перевод которой завершает наш сборник.

Александр Верховский

Идеиная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы

Рассуждая о подъеме русского национализма в сегодняшней России — а об этом сейчас говорят практически все, — необходимо, во-первых, по возможности четко разграничить связанные с этим понятия, а во-вторых, попытаться определить, в чем же суть происходящих сейчас перемен и куда они предположительно могут привести. Данная статья, конечно, не может дать полноценные ответы на все эти вопросы, ее задача скромнее: проанализировать траекторию развития идеологического феномена, который можно обозначить как русский политический национализм.

Сегодня в России очень важно различать разные смыслы, которыми нагружены выражения «национализм» и «русский национализм».

Обычно при этом имеется в виду массовая этническая ксенофобия, но эти настроения (постоянный предмет исследования социологов) не являются еще национализмом, так как не предполагают сами по себе никакой «программы».

Всеобщее беспокойство справедливо вызывает рост преступлений на почве расовой, этнической и религиозной вражды¹, но такие действия являются лишь верхушкой айсберга массовой ксенофобии или скорее ее авангардом: если кого-то недолюбливают десятки миллионов, а ненавидят сотни тысяч, то естественно, что находятся тысячи тех, кто готов эту ненависть воплотить на практике криминальными методами. Столь активные действия, как правило, уже невозможны без определенных программных представлений, но динамика насилия лишь намекает нам на то, что это за программные представления.

Все-таки национализм как политический феномен, а не как эмоциональная оценка в бытовом или газетном языке, подразумевает определенную систему представлений о том, что есть нация, каковы критерии ее отграничения от других наций, каковы ее политические цели

¹ Все, что можно сегодня сказать об этом, написала Галина Кожевникова: см. ее статью в этом сборнике.

(национализм всегда предполагает, что целеполагание присуще, хотя бы потенциально, именно нации как целому), какого типа государство желательно иметь (создать) для достижения этих целей.

При этом, в соответствии со сложившейся в научном и общественном дискурсах традицией, мое внимание привлекает национализм не как вообще любой дискурс о нации, а только как исключаящий, более или менее этноксенофобный, агрессивный к внешним и, в большинстве случаев, к внутренним «врагам», расистский в культурном, а то и в биологическом смысле слова².

Это естественным образом фокусирует внимание на идеологических построениях националистических политических групп. Разумеется, такие построения существуют не сами по себе: они тесно связаны с массовыми настроениями, поскольку группы эти обращаются (или хотят обращаться) именно к массам, да и сами участники групп — члены того же общества. Эти построения также находятся в определенной связи с институционально закрепленными практиками. Практики формируют фон для инициатив националистов и способствует пополнению их рядов; достаточно упомянуть господство этноцентристских трактовок в школьном и вузовском образовании и дискриминационное поведение правоохранительных органов. Наконец, было бы очень интересно проследить, как связаны идеологические траектории националистов с их личной жизненной стратегией. Но все эти темы в этой статье рассматриваться не будут, я ограничусь лишь «историей идей».

И последняя необходимая оговорка. Очень часто у тех, кто говорит и пишет о русском национализме, спрашивают, почему такое же внимание не уделяется национализмам этнических меньшинств. Им действительно уделяется непропорционально мало внимания, и эта статья также их не будет касаться. В данном случае причина такого ограничения — в желании сконцентрироваться на том, что представляется наиболее значимым для общества сегодня.

Период взлета национализмов меньшинств пришелся на начало 90-х годов и давно закончился, уступив инициативу этнонационализму большинства³. Они полностью исчерпали свой мобилизационный потенциал,

² Такое узкое понимание национализма подвергается справедливой критике: Малинова Ольга. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // *Pro et Contra*. 2007. № 3. С. 60. Но и Малинова констатирует, что такое понимание уже утвердилось, и с этим приходится мириться.

³ Тема соотношения национализмов большинства и меньшинств рассматривается в: Паин Эмиль. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 178–247.

так как региональный сепаратизм давно перестал быть сколько-нибудь реальной целью, а механизмы этнонациональной автономии были «приватизированы» региональными элитами. Тема этнического культурного возрождения перешла в «оборонительную фазу» и связывается теперь скорее с понятием «защита прав этнического меньшинства», чем с понятием «этнонационализм» (хотя тут зачастую не все так уж просто). В некоторых регионах Северного Кавказа протестный потенциал этнонационализма был перехвачен радикальным политическим исламом (возможно, в кадыровской Чечне сейчас происходит возрождение этнонационализма, но эта гипотеза для данной статьи не имеет значения). Так или иначе, национализмы меньшинств сейчас мало влияют на путь развития страны.

Таким образом, предмет данной статьи — эволюция идей русского национализма. Поскольку речь идет о довольно длинном отрезке времени — с конца 80-х годов до нынешнего момента, то есть до середины 2007 года, а разнообразие носителей русского национализма все это время было довольно велико, придется ограничиться лишь предварительным и достаточно беглым обзором.

К сожалению, придется исключить из этого обзора властные группы: их влияние на формирование националистической «повестки дня» было и остается весьма значительным, но информация об этой их деятельности весьма скудна и пока практически не изучена.

Соответственно, эволюцию идей мы можем наблюдать на примере наиболее значительных авторов и политических организаций, которые либо сами относили себя к русским националистам (возможно, с теми или иными оговорками), либо могут быть отнесены к таковым потому, что в их деятельности и в их представлениях о России основной является тема русской нации, как бы они ее ни понимали.

Формирование и упадок основных течений русского национализма в период «перестройки» и в 90-е годы

Русский национализм периода «перестройки» и первой половины 90-х годов достаточно хорошо изучен⁴. Вторая же половина 90-х принесла довольно мало нового на «националистическую сцену», что облегчает изложение.

⁴ Полезный обзор: Умланд Андреас. Правый экстремизм в современной России // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4.

К сожалению, тема русского национализма с начала 90-х осмысливалась преимущественно как тема «русского фашизма», что крайне искажало картину, заставляло авторов выискивать и выпячивать признаки фашизма. В сочетании с разноречием в понимании самого термина «фашизм» это часто не позволяло разглядеть реальные идейные тенденции⁵. Попыток идеологической классификации всего националистического спектра общественно-политических групп и движений, как ни странно, также было очень мало⁶.

Обзор, представленный в этой главе, суммирует (без детализации и, соответственно, без множества необходимых ссылок) наблюдения над выступлениями националистических организаций и популярных публицистов в 90-е годы. Разумеется, многое в таком обзоре окажется неточным, а какие-то нюансы будут вовсе забыты. Необходимо также иметь в виду, что описываемые идейные течения практически никогда не находили «чистого» в идейном смысле организационного воплощения.

Наиболее естественной формой национализма в момент краха СССР было прямое наследование представлений советских номенклатурных националистов⁷, которые идеализировали позднесталинскую империю (многие из них — как реинкарнацию Российской империи). Часть публицистов из этой «Русской партии» и их последователей и в бурные годы «перестройки» сохранили коммунистическую ориентацию: для них советский, сталинский миф вполне органично сливался с этническим русским мифом.

⁵ Соколов Михаил. Изучая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х // *Русский национализм в политическом пространстве*. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 30–53

⁶ Ситуация середины 90-х была достаточно подробно описана и с организационной, и с идеологической точки зрения в: Верховский Александр, Пап Анатолий, Прибыловский Владимир. *Политический экстремизм в России*, М.: Институт экспериментальной социологии, 1996; Верховский А., Прибыловский В. *Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции*, М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. (Можно упомянуть критику предпринятой тогда нами классификации со стороны националистов: Лебедев Сергей. *Альтернатива справа. Национально-патриотическое движение в России. Историческая традиция, идеологические направления и перспективы*. СПб.: Нестор, 1999.)

Недавно я предпринял предварительную попытку описать трансформацию националистических движений в 2000-х годах в: Verkhovsky A. *The rise of nationalism in Putin's Russia* // *Helsinki Monitor: Security and Human Rights*. 2007. Vol. 18. N 2. P. 125–137.

⁷ Митрохин Николай. *Русская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы*. М.: НЛО, 2003.

Если признать, что любая империя должна легитимироваться некоторой «высшей», наднациональной идеей, то «красные патриоты» мыслили русский народ создающим новую великую империю, движимую глобальным идеалом коммунизма. При этом реальный коммунизм, сталинский и постсталинский, понимался как эманация «русского духа», а не как отвлеченная западная идеология. Француз или узбек, став коммунистом, не становился русским, но лишь младшим союзником русского коммуниста.

С этих идей начинала «Память», они были популярны среди многих организаций и движений, возникавших при агонии КПСС (Объединенный фронт трудящихся, ВКП(б) и т.д.). Часть организаций была весьма активна в начале 90-х — Союз офицеров и затем другие «военно-патриотические» организации, созданные по его образцу. В этом ряду почетное место занимает, конечно, Фронт национального спасения (ФНС). После событий октября 1993 года основным средоточием «красного патриотизма» стала КППРФ Геннадия Зюганова.

К концу 90-х КППРФ смогла в значительной степени поглотить или маргинализовать идейных конкурентов. Но параллельно сами идеи «русской партии» оказались в глубоком кризисе. В 90-е годы целью «красных патриотов» была реставрация СССР, но в более русском духе; однако какая бы то ни было реставрация СССР к концу прошлого десятилетия уже практически всем представлялась совершенно нереальной. Соответственно, «красный патриотизм» в новом десятилетии деградировал, а Геннадий Зюганов и его последователи обратились к иным вариантам национализма, лишь сочетая их с социал-популистской демагогией, свойственной, впрочем, большинству националистов.

У наблюдаемого ныне ослабления КППРФ много причин (в том числе и общая деградация партийной системы в стране), но не последняя среди них — утрата собственного «идейного лица».

Второй по естественности формой русского национализма было возрождение националистической традиции дореволюционной «черной сотни». Сто лет назад черносотенное движение объективно способствовало превращению империи Романовых в империю с этническим самоопределением, наподобие соседней империи Гогенцоллернов. Не следует путать эту цель с целью трансформации в национальное государство: имперская суть России должна была остаться неприкосновенной.

Более того, сами черносотенцы не сомневались, что этническое самоопределение империи должно оставаться второстепенным по сравнению с ее конфессиональным самоопределением как главной и фактически единственной православной державы. Эта форма православного русского

национализма казалась многим вполне реальным путем «возрождения России».

Соответственно, в постсоветских условиях требовалось, в первую очередь, реконструирование забытой православной политической идеологии. Работа эта велась довольно активно, но успешной ее назвать нельзя. Чисто черносотенные группы (Национально-патриотический фронт «Память», «Черная сотня», Союз «Христианское возрождение» и т.д.) имели очень мало успеха, хотя не исчезли до сих пор. И главным тормозом оказалась именно архаичная риторика, в первую очередь — религиозная. В высочайшей степени секуляризованное постсоветское общество смогло предоставить новым черносотенцам лишь тонкий слой неопитов, увлекшихся православием в его имперско-архаической политизированной версии⁸.

Православно-националистические организации, в том числе и отошедшие от буквализма черносотенной традиции, активно действовали и продолжают действовать⁹, но ни в какой момент двух последних десятилетий они не выходили на политическую авансцену. Лишь иногда их активность пробивается хотя бы на медиаповерхность (участие Русского общенационального союза (РОНС) в гей-погромах, скандал вокруг «письма пятисот» и тому подобные события).

«Православное царство» осталось экзотикой или символом (вообще, монархические идеи, хотя и обсуждаются до сих пор, явно остаются маргинальными), но некоторая «обязательность» православия в политических доктринах «серьезных» националистов действительно быстро утвердилась. При этом она была порождена скорее не усилиями Церкви, очень пассивной в 90-е, а усилиями тех, кто транслировал дореволюционную черносотенную традицию.

Элементы православного национализма сегодня представлены достаточно широко, но чтобы оценить значение этой тенденции, следует вычлесть, с одной стороны, дежурные выражения лояльности православия, принятые в сегодняшней российской политической культуре¹⁰, а с

⁸ Каарияйнен Киммо, Фурман Дмитрий. Религиозность в России в 90-е годы; Они же. Религия и политика в массовом русском сознании // Старые церкви, новые верующие. СПб., М.: Летний сад, 2000. С. 7–78.

⁹ Об этом я подробно писал в: Верховский А. Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М.: Центр «СОВА», 2003.

¹⁰ Papkova Irina. The Russian Orthodox Church and Political party platforms. the paper, presented on American Association for Advancement of Slavic Studies (AAASS) in Washington DC in November, 2006 // Центр «СОВА». Религия в светском обществе. 2006. 12 декабря (<http://religion.sova-center.ru/publications/194EF5E/86A8AAF>).

другой стороны, высказывания людей, для которых именно православие в политике важнее всего: они, хотя и не вовсе маргинальны, явно остаются на вторых ролях, и вряд ли эта ситуация скоро изменится¹¹.

Первая половина 90-х стала временем бурного роста популярности понятия «евразийства», хотя неоевразийство 90-х имело весьма отдаленное отношение к наследию русских евразийцев 20-х годов. Популярность понятия не привела к реальному внедрению в общественное сознание сложных, а иногда, прямо скажем, заумных идей неоевразийцев. В сущности, действительно широкое распространение получило лишь представление, что Россия базируется на двойной этнической (славянской и тюркской) и религиозной (православной и мусульманской) основе, и потому она — и не Восток, и не Запад, что самым банальным образом подтверждает необходимость «особого пути». Я бы назвал эти широко распространенные представления «приблизительным евразийством».

Идеологические маневры вокруг «особого пути» не могли не быть связаны с фашистской традицией. И эту традицию активно продвигал в 90-е годы Александр Дугин. Тогда он много сделал для интеллектуального развития Российского национализма¹², но позже ученики практически поголовно отмежевались от своего учителя. В новом десятилетии Дугин сумел из ультраоппозиционного идеолога Национал-большевистской партии (НБП) стать респектабельным политическим экспертом и идеологом прокремлевского толка¹³, создал «под себя» Международное евразийское движение. Но движение это остается эфемерным, а избытие достаточно высокопоставленных политических и общественных деятелей в его руководстве не означает, что они разделяют идеологические построения Дугина: привлеченные деятели ограничиваются именно «приблизительным евразийством».

Неоевразийство находится с русским этнонационализмом в сложных отношениях. Сейчас Дугин выступает как сторонник некой новой вне-

¹¹ Верховский А. Российское политическое православие: понятие и пути развития // Путиами несвободы. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 48–80; Он же. Православные националисты: стратегии действия в Церкви и в политике // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 175–195.

¹² Ларюэль Марлен. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. С. 226–253.

¹³ Эту трансформация до сих пор удовлетворительно не описана. Можно указать, наверное, только на: Sedgwick Mark. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 233–237.

национальной глобальной «евразийской империи»¹⁴. Сегодняшние идеи Дугина (и практику курируемого им Евразийского союза молодежи), как и прежде, следует рассматривать как экзотическую крайность в сравнении с более принятыми версиями официального и полуофициального национализма, которые можно объединить термином «цивилизационный национализм» (см. об это ниже), но, несомненно, неоевразийство внесло весомый вклад в становление последнего.

Протестная романтизация нацизма существовала уже в советские годы. Один из организаторов нацистского митинга в начале 80-х в Москве, Виктор Якушев, создал в начале 90-х одну из первых чисто неонацистских группировок (и снова появился недавно на «русских маршах»).

Нацизм оказался наиболее широко известной формой национализма¹⁵; его популярность обеспечила в начале 90-х в достаточно массовый приток молодежи в организации, явно стилизующиеся под нацизм, в первую очередь — в Русское национальное единство (РНЕ)¹⁶. С небольшими необходимыми поправками эти организации разделяли чисто расистские представления нацистов, но де-факто членство в них было открыто и для «дружественных нерусских», например, для татар.

РНЕ было не единственной такой организацией, но сумело (гораздо эффективнее, чем КПРФ в своей нише) маргинализировать конкурентов, создав крупнейшую до сих пор организацию радикальных националистов. Большой размер и слабость «идеологической работы» привели к тому, что русский национализм в РНЕ понимался заметно шире чисто неонацистского стандарта; чего стоит демонстративное, хотя и глубоко не церковное, православие РНЕ. Таким образом, РНЕ заняло и «испортило» поляну неонацизма.

В силу внутренних причин в 2000 году организация раскололась, и с тех пор осколки РНЕ активны лишь в некоторых регионах, не мешая уже развитию других течений.

Зато во второй половине 90-х приобретает заметный масштаб движение наци-скинхедов, скопированное с аналогичного западноевропей-

¹⁴ Дугин Александр. Евразийский Союз — демократическая империя постмодерна // Сайт фонда «Либеральная миссия». 2007 (<http://liberal.ru/sitan.asp?Num=657>).

На этом сайте развернулась интересная дискуссия «Российское государство: вчера, сегодня, завтра», на которую я еще буду ссылаться.

¹⁵ «Красный патриотизм», конечно, был популярнее, но его многие и не воспринимали как национализм.

¹⁶ О РНЕ см.: Лихачев Вячеслав, Прибыловский Владимир. Русское Национальное Единство, 1990–2000. В 2-х т. Stuttgart: Ibidem, 2005.

ского¹⁷. Принципиальным отличием наци-скинхедов была беспартийность (хотя случаи сотрудничества скинхедов с радикально-националистическими организациями были и есть), несклонность к систематической самоорганизации и систематическому идеологизированию. Теоретически движение наци-скинхедов должно было опираться на идеологию White Power, но на практике уже через несколько лет скинхедом мог стать любой хулиган, хоть в какой-то степени разделяющий агрессивно этноксенофобные представления основателей движения. Скин-движение¹⁸ лишь в ядре своем (точнее, в многочисленных разрозненных ядрах) является неонацистским, в массе же оно агрессивно расистское, но равнодушно к остальным идеологическим моментам.

Скин-движение росло необычайно быстро, поскольку было не столько новым идейным веянием, сколько новой молодежной субкультурой (пусть и неотделимой от определенных идей), причем вырвавшейся не на пустом месте, а в тесной связи с субкультурой футбольных фанатов. Скинхеды оказались привлекательнее, чем даже РНЕ до его кризиса и распада. Скорее всего, в начале нового века наци-скинов было уже больше, чем участников более традиционных ультранационалистических организаций, вместе взятых.

Тогда стали наблюдаться попытки некоторых из этих организаций (Партии свободы Юрия Беляева, Народной национальной партии Александра Иванова (Сухаревского)) опираться на скинхедов. Эти попытки, в конечном счете, мало что дали самим организациям, зато добавили авангарду скинхедов политического опыта, который они, впрочем, не использовали для создания собственных больших организаций, сохранив прежние структуры, сходные с фанатскими или криминальными.

В целом неонацистские движения и в 90-е годы, и сейчас распространялись в обществе не столько собственно неонацистские идеи, а просто агрессивный расизм. Но само ядро таких движений со временем все больше утверждалось именно в «идеях НС». Можно, наверное, считать, что сегодня скин-движение состоит из трех слоев: организованные группы неонацистов; ассоциированные с ними или объединенные по месту жительства расистские группировки, ориентирующиеся на неонацистские

¹⁷ Тарасов Александр. Бритоголовые // Дружба народов. 2002. № 2; Он же. Скинхеды в путинской России: новейшие тенденции // Индекс/Досье на цензуру. 2005. № 22; Лихачев В. Нацизм в России. М.: Центр «Панорама», 2002. С. 108–119.

¹⁸ Теоретически скинхеды могут быть также «красными» и аполитичными, но в России безусловно доминируют именно наци-скинхеды, что позволяет, учитывая данную оговорку, употреблять слово «скинхед» как синоним «наци-скинхеда».

идеи и идеологию White Power скорее в общих чертах; наконец, аморфная масса эпизодических расистских хулиганов и скинхедов-«модников», политизированных лишь в малой степени.

Численность политически активных скинхедов может быть приблизительно оценена по участию в легальных митингах. Москва вместе с Подмосковьем смогли «выставить» на «русские марши» 4 ноября 2005 и 2006 годов примерно по две тысячи молодых людей достаточно характерной наружности¹⁹. В Петербурге таких набралось никак не больше полутысячи. Но скинхеды существуют чуть ли не во всех крупных городах и во многих мелких. Так что по стране в целом на митинги способны выйти от 10 до 20 тысяч человек. Вместе с аморфной третьей группой, упомянутой выше, набираются как раз те 50, а то и больше, тысяч человек, о которых обычно говорят²⁰.

Наконец, стоит упомянуть и такую форму русского национализма, как идея обособления этнического русского сообщества от «инородцев», то есть ориентация на превращение России в максимально «этнически чистое» национальное государство путем исключения значительной части национальных республик. (Существовали даже сторонники реального раздела России на «национальные республики» и «Русскую республику», но таких радикалов было мало.) Эта «оборонительная», принципиально антиимперская форма этнонационализма казалась в начале 90-х естественным продолжением отказа от союзных республик и косвенно опиралась на авторитет Александра Солженицына, выступавшего за «сбережение» русского народа путем отказа от бремени империи.

Такое понимание национализма всегда было довольно редким, но сама по себе задача обособления этнических русских была и остается предметом размышлений среди этнонационалистов. В свою очередь, эта дискуссия привлекла внимание к критериям определения русскости. Сам Солженицын выступал за культурное определение, но такое определение

¹⁹ По моим наблюдениям, в марше 2005 года участвовало 2,5–3 тысячи человек, подавляющее большинство которых могут быть отнесены к скинхедской молодежи. В марше и митинге 2006 года участвовало не более тысячи человек, и лишь примерно две трети составляла такая молодежь, но следует принять во внимание плохую погоду и достаточно правдоподобные (судя по наблюдениям) сообщения о превентивном задержании сотен участников.

²⁰ Статистические оценки восходят обычно к социологу Александру Тарасову. Он оценивает нынешнюю численность скинхедов приблизительно в 60–65 тысяч человек, 60 % которых – «модники», см.: Тарасов А. Меняющиеся скинхеды. Опыт наблюдения за субкультурой // Дружба народов. 2006. № 11.

является слишком инклюзивным для реального обособления на постсоветском пространстве и тем более — в пределах Российской Федерации, поэтому большинство сторонников обособления определяло русскость скорее в духе биологического расизма.

Доктрина обособления исходила из того, что стабильное государство не может быть построено в столь полиэтничной стране, как сегодняшняя Россия: слишком свеж был пример распада СССР. Но к концу 90-х ощущение угрозы распада Российской Федерации заметно ослабло, практически исчезли сепаратистские движения так называемых титульных народов республик (Чечня — особый случай), в путинские годы резко ослабли и позиции республиканских элит (опять же за исключением Чечни, где, напротив, сложился почти неуправляемый режим Рамзана Кадырова). Таким образом, «оборонительная» аргументация в пользу обособления этнических русских внутри России потеряла убедительность.

Как уже говорилось, описанные идейные течения не существовали в чистом виде, но все же они осознавались современниками. Первыми были осознаны различия между «красными» и «белыми» национал-патриотами²¹, затем — между православными и неоязычниками (более влиятельными в те годы в своем политическом секторе, чем сейчас). Но, соответственно, возникал и обратный импульс: объединения любых националистов, готовых признать главное — приоритетность интересов этнической «русской нации» — и согласиться в том, что многие разногласия можно оставить до лучших (для националистического движения в целом) времен.

Наверное, первым наиболее последовательным сторонником такой идеологической гибкости стал Николай Лысенко, активно выступавший в начале 90-х за приоритет кавказофобии перед антисемитизмом (тогда это было подлинным новаторством в националистической среде) и формировавший свою Национально-республиканскую партию на максимально широкой основе. С тех пор примеру Лысенко иногда следовали и другие националисты, например, ушедший из РНЕ Александр Федоров, создававший в 1994 году свою Партию русских националистов. Правда, серьезных успехов такие националисты не добились и сошли с

²¹ Термин «национал-патриот» служил названием и самоназванием широкого спектра националистических движений в начале 90-х, сейчас термин почти вышел из употребления. См. о термине: Прибыловский В. Национал-патриотическое движение. История и лица // Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.: ООО «Панорама», 1998. С. 22–23.

политической сцены²². Можно предположить, что причинами этого стали организационные просчеты и конкуренция со стороны еще активных тогда идеологических движений, описанных выше.

Формирование нового русского национал-популизма в 2000-е годы

Общим важным недостатком всех описанных выше течений была их оторванность от массовых настроений. Конечно, определенная массовая поддержка у националистов была и в 90-е годы, но она неуклонно снижалась, что было видно хотя бы по их результатам на выборах²³. С одной стороны, все описанные выше идеи было довольно затруднительно сделать популярными: слишком многих отталкивали любые внешние ассоциации с фашизмом, большинство не воспринимало архаичные черносотенные идеи или авангардные неоевразийские. Даже сама идея, что «национальные проблемы» — это главное, что это важнее других социальных проблем, не усваивалась людьми, которые постоянно наблюдали те или иные социальные или политические катаклизмы, но не видели уже серьезных «межэтнических конфликтов», если сравнить с концом 80-х и началом 90-х. Страх перед такими конфликтами постепенно забывался. Впрочем, постепенно остывал и весь комплекс эмоций, связанных с распадом СССР, включая надежды на реставрацию социализма и советской империи. Соответственно, идеологические течения и политические формы русского национализма погружались в кризис.

Исключением оказалось неонацистское движение скинхедов, мировоззрение и персональный опыт членов которого не был непосредственно связан с травмой распада СССР. В конце 90-х годов это движение было еще малозаметно, но оно быстро расширилось.

1999–2000 годы принесли два очень важных для русского национализма события — приход к власти Владимира Путина и резкий рост массовых ксенофобных предрассудков.

²² Стоит отметить, что сам Лысенко как человек последовательный, решил позже, что наиболее эффективной антилиберальной идеологией является сегодня радикальный исламизм, и стал предлагать русским националистам именно его. См.: Лысенко Николай. Станет ли Россия новой Хазарией? // Ансар. 2003. 8 апреля (<http://ansar.ru/archives/arch/left03.04.08.html>).

²³ Михайловская Екатерина. Итоги парламентских выборов 1999 для национал-патриотов (в том числе имперской направленности). Отсчет утопленников // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: Центр «Панорама», 2000. С. 20–32; Верховский А. Не победа КПрФ, а провал «коммуно-патриотов» // Там же. С. 45–46.

Приход Путина сопровождался некоторыми событиями, которые были восприняты многими националистами как знаки перемен в их пользу. Конечно, не все русские националисты стали сторонниками нового президента, но очень многие²⁴. И это создало принципиально новую ситуацию, так как начиная с «перестройки» националистическое движение находилось в безусловной оппозиции власти. Конечно, правление Путина, особенно его первые годы, могло бы разочаровать националистов, но разочаровало их лишь частично; Путин и для них оставался «президентом надежды» (по выражению Юрия Левады), которому нет реальной альтернативы. Сама возможность быть националистом, критиковать власти и при этом сохранять главный признак политической лояльности — лояльность лично Путину — давала многим людям возможность поддерживать националистическое движение без излишнего риска и без внутреннего конфликта с «государственным инстинктом»²⁵. «Государственничество» Путина, его усилия по созданию «вертикали власти» с самого начала привлекали и активных националистов, и их симпатизантов, давали им возможность считать себя частью «путинского большинства» (пусть этот термин Глеба Павловского и не был популярен в их среде) и бороться за «корректировку курса» вместо «свержения режима». Разумеется, такое политическое позиционирование национализма было несравненно привлекательнее.

Согласно опросам ВЦИОМ (ныне продолжаемым Левада-центром), именно в 1999 году возникает и в 2000 году закрепляется резкий подъем ксенофобных настроений. Суммарный индекс поддержки лозунга «Россия для русских!» перевалил за 50 % и с тех пор уже не переходит этот порог обратно. Дело, конечно, не только в самом лозунге, который можно интерпретировать по-разному, но и в общем росте ксенофобных предрассудков и готовности к дискриминационным решениям (типа изгнания той или иной этнической группы из города)²⁶.

²⁴ Прибыловский В. Национал-патриоты на президентских выборах; Отношение национал-патриотов к Путину после 26 марта // Там же. С. 60–74, 84–99.

²⁵ Такой конфликт был вполне реальной проблемой, и не только для осторожных обывателей, но и для достаточно радикальных активистов. Например, во время осеннего кризиса 1993 года не только ЛДПР, но и НПФ «Память» Дмитрия Васильева выступил в поддержку Ельцина, так как негоже монархистам выступать против президента в пользу парламента.

²⁶ Гудков Лев. «Россия для русских»: ксенофобия и антииммигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31–78. Самый свежий на момент написания статьи опрос Левада-центра см.: Национализм и ксенофобия // Сайт Левада-центра. 2007. 29 августа (<http://www.levada.ru/press/2007082901.html>).

Перелом 1999 года, несомненно, связан с резким взлетом антиамериканских настроений во время косовского кризиса, но еще более — с началом второй чеченской войны²⁷. Как и всякая война, она подогривала этническую ксенофобию, но, в отличие от первой, пользовалась широкой поддержкой (так как, по мнению большинства, для «федералов» война была оборонительной: после взрывов в Москве и «вторжения» в Дагестан), а военные успехи способствовали закреплению эффекта. Позже большинство разочаровалось в военных действиях в Чечне, но результат был уже достигнут.

Наверное, всплеск ксенофобии мог бы завершиться возвращением к уровню 1998 года, но этого не произошло. Конечно, росту ксенофобии способствовали некоторые события (в первую очередь известные теракты в России, а также 11 сентября и последовавшая всемирная «война с террором»), но можно предположить, что не менее значимо было и то, что низовая, «кухонная» ксенофобия стала получать поддержку на уровне масс-медиа. Речь не идет о сознательной пропаганде. Просто именно тогда в СМИ стало появляться много явно интолерантных статей²⁸, первые заметные «подвиги» наци-скинхедов обсуждались с любопытством, а например, по поводу знаменитого погрома на Царицынском рынке в Москве осенью 2001 года по ТВ можно было услышать, что большинство опрошенных граждан не так уж осуждает погромщиков. Наконец, в 2002 году в региональных избирательных кампаниях ЛДПР можно было заметить достаточно широкое использование этноксенофобной риторики, вытесненной, казалось, в маргинальные круги²⁹.

²⁷ Левада-центр полагает, что вторая причина гораздо важнее, но и первую забывать не следует. Беседа со Львом Гудковым и Борисом Дубиным. Есть ли перспектива у русского национализма? // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 266.

²⁸ Эти перемены не были тогда замерены, но именно они подвигли группу неправительственных организаций начать многолетний проект, посвященный проблеме языка вражды в СМИ. Результаты первого этапа этого мониторинга см. в: Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ М.: Центр «Панорама», 2002.

²⁹ В обзоре 90-х годов я не упоминал ЛДПР, хотя именно ее триумф на выборах 1993 года стал главной причиной дискуссий о возрождении русского национализма и даже о «Веймарской России». Причина этого в том, что ЛДПР никогда не претендовала на то, чтобы быть последовательно националистической партией, никогда не отягощала себя идеологией. Она была и остается сугубо электоральной протестной партией, а с середины 90-х превращается в своего рода стержень национализма, присутствие которого в Думе является скорее тормозом, чем стимулом для националистического движения. Зато В. Жириновский, по общему признанию, отличается редким чутьем к новым поветриям любого толка.

Видимо, изменения массовых настроений были замечены теми журналистами, политиками и активистами, кто давно хотел бы проявить собственные предрассудки или использовать чужие, но не делал этого, так как не хотел идти против большинства. В свою очередь, первые же шаги по легитимации ксенофобии, предпринятые этими людьми, закрепили выросший уровень последней. А уже вслед за этим многие смогли заметить, что то, что раньше было допустимо лишь на кухне или в устах заведомых радикалов, становится все более допустимым в мейнстриме. Следовательно, этим можно, а то и нужно пользоваться — чтобы опираться (не только в электоральном смысле) на мнение большинства. Так возникла своего рода спираль легитимации этноксенофобии и связанных с ней националистических идей, которая успешно функционирует до сих пор.

Уже в 2003 году возникает проект блока «Родина». Если считать, что его целью было только отбить голоса у КПРФ, то непонятно, почему в риторике блока такую большую роль занимала этническая ксенофобия (КПРФ ксенофобия отнюдь не чужда, но ее доля в «Родине» заметно отличалась). «Родина» оказалась ответом не только на прагматический запрос сверху, но на более массовый запрос — партии, для которой этноксенофобия не предмет оговорки отдельных депутатов, а часть повседневной деятельности. И электоральные успехи «Родины» подтвердили реальность такого запроса.

Итак, в начале 2000-х годов, когда элиты осознают перелом в массовых настроениях и начинают приспосабливаться к нему (и своими действиями его поддерживают)³⁰, возникает новая ситуация для русского национализма: у него появляется надежда обрести действительно массовую опору и стать реальной политической силой, пусть даже и в атмосфере постепенного отмирания публичной политики, которая уже ощущалась в те годы (но вполне очевидна стала только во время второй каденции Путина). Такая надежда сама по себе влияет на формирование идеологии.

В середине и в конце 90-х ни одно националистическое движение не могло претендовать на достаточно широкую поддержку, поэтому участники движения могли себе позволить углубляться в идеологические поиски и разногласия. Исключение составляли лишь ЛДПР, никогда не

³⁰ Современная российская элита, то есть чиновничья номенклатура, идейно крайне несамостоятельна. Как пишут социологи Левада-центра, «номенклатура адаптирует идеологическую догматику применительно к своим корпоративным интересам, хотя сама по себе она не в состоянии предложить какие-либо идеи либо целевые программы». См.: Гудков Лев, Дубин Борис. Иллюзия модернизация: российская бюрократия в роли элиты // Pro and Contra. 2007. № 3.

придававшая большого значения идеям, и КПРФ, в которой национализм был обречен оставаться младшим партнером социализма, а точнее, социальной демагогии.

В начале 90-х, когда националистические движения, напротив, были на подъеме, националисты быстро пришли к тому, что для подлинного успеха требуется не идеологическая определенность, а популизм, точнее, национал-популизм. Так возник феномен «красно-коричневых», то есть практика широких альянсов разных групп, практикующих смешение в разных пропорциях националистической и социальной демагогии³¹. С 1996 года «красно-коричневая» практика национал-популизма сохранялась только в ведомом КПРФ Народно-патриотическом союзе России (НПСР) и, в сущности, в самой КПРФ, но НПСР не имел никакого самостоятельного значения помимо КПРФ и постепенно исчез как реальная коалиция.

Надежды на новые возможности привлечения массовой поддержки привели к возрождению национал-популизма. Блок «Родина» сумел сделать это в 2003—2006 годах очень эффективно по сравнению с утратившей всякую инициативу КПРФ. Но у блока был тот принципиальный недостаток, что он был именно блоком существенно различных организаций. «Красно-коричневое» в нем оставалось более или менее делимым. Между тем в самой «Родине» и вне ее уже формировался новый тип националистической идеологии, даже лучше КПРФ сочетающий социальную и этнонационалистическую риторику.

Эта национал-популистская идеология была присуща уже рогозинской части «Родины». Она также присуща Движению против нелегальной иммиграции (ДПНИ) Александра Белова, возникшему в 2002 году, а ставшему действительно общеизвестным с 2005 года, сфокусированному на одной, но действительно популярной теме: борьбе этнических русских с «мигрантами», под которыми фактически понимаются вовсе не иммигранты, а любые неславяне, оказавшиеся в регионах с традиционным доминированием этнического русского населения (гражданство и ценз оседлости практической роли не играют)³². В 2007 году новый национализм более или менее сконцентрировался внутри и вокруг партии «Великая Россия» (не зарегистрированной).

Этот национализм не следует ни одной из рассмотренных выше линий русского национализма 90-х, кроме последней — попыток создать

³¹ Политический экстремизм в России. С. 36—41.

³² О ДПНИ и феномене «мигрантофобии» я подробнее писал в: Верховский А. Перспективы радикального русского национализма в сегодняшней России // Индекс/Досье на цензуру. 2007. № 25. С. 62—69.

этнический русский национализм без дополнительных идеологических усложнений. Если Белов, видимо, пришел к чистому этнонационализму из черносотенной традиции (он был активистом НПФ «Память»), то Дмитрий Рогозин и председатель «Великой России» Андрей Савельев, похоже, пришли к нынешним взглядам еще в 90-е годы (активный тогда Конгресс русских общин, с которым по большей части связана политическая биография Рогозина, не имел определенной идеологии, но по сути своей тяготел именно к этнонационализму, игнорирующему разнообразие идейных оснований).

Конечно, этнонационализм при этом может быть разной степени идейной радикальности — Савельев гораздо ближе к классическому расизму, чем Рогозин³³, — но различия для национал-популистов не так существенны именно потому, что они — популисты. Конечно, популизм обращен к «среднему человеку», которому, по определению, присуща некоторая умеренность, но среди активистов новой волны национализма — очень много людей из скинхедской среды, можно даже сказать, что национализм в последние годы стал просто немислим без скинхедов, то есть степень радикальности этнонационализма должна учитывать также и запросы неонацистов.

«Великая Россия» реально не претендует на власть (а ДПНИ даже не зарегистрировалось как организация), что позволяет не иметь полноценной политической программы и сохранять лояльность лично Владимиру Путину (при любой степени критичности к тем или иным высокопоставленным чиновникам). Эти свойства характеризуют новый национал-популизм как максимально открытый.

И действительно, опора национал-популизма достаточно широка. Необходимо учитывать, что уже в 90-е годы через националистические организации прошли десятки тысяч человек: в РНЕ, чья численность доходила до 15 тысяч, была очень высокая «текучесть кадров»; формирования казаков, в той или иной степени склонные к агрессивному этнонационализму, были еще многочисленнее. Многотысячная масса скинхедов, которой тоже свойственна высокая ротация, дала стране новые десятки и десятки тысяч националистов. Эти люди занимают самые разнообразные посты, в том числе в бизнесе и в структурах власти. И к ним, разумеется, примыкают многочисленные единомышленники, никогда не состоявшие в каких-то организациях. Прогрессирующая леги-

³³ О Савельеве см. статью Виктора Шнирельмана в этом сборнике. Что касается КРО, то тема «соотечественников» входила и входит в националистический дискурс. См. об этом: Ларюэль М. «Русская диаспора» и «российские соотечественники» // Демократия вертикали. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 185–212.

тимация националистических идей и ксенофобных эмоций, характерная для политической сцены и масс-медиа в новом десятилетии, позволила существенно расширить круг таких единомышленников, а главное — вокруг них исчезло отчуждение, характерное для более «политкорректных» 90-х. Националист как таковой перестал быть неприемлемой фигурой где бы то ни было.

Национал-популизм в том виде, как он доминирует сегодня, трудно даже назвать идейным течением: он приемлет любые идеологические коннотации, будь то правые или левые, советские или антисоветские. Его содержание сводится к «мигрантофобии», социальной демагогии, дозированной критике властей за коррумпированность и «антирусскую» политику. Этот национализм ориентирован скорее на построение русского национального государства, чем на поддержание имперской традиции; впрочем, и эта дилемма не является для популистов принципиальной. Национальное государство понимается в духе более или менее радикальных интерпретаций лозунга «Россия — для русских!». Если в 90-е годы идеологические версии национализма доминировали над попытками создать чистый русский этнонационализм, то в новом десятилетии последний взял безусловный реванш.

Конечно, более идеологичные организации тоже сохранились и не теряют активности. Так, целый ряд организаций, традиционных для 90-х годов, попытался объединиться под эгидой Сергея Бабурина в Народный союз. Набор участников — от ярких представителей черносотенной традиции до «красных патриотов», то есть Народный союз — это новая попытка «красно-коричневой» коалиции. Народному союзу не чужд наступательный популизм³⁴, не чужды и связи с неонацистами, олицетворяемые депутатом Николаем Курьяновичем. Но эта коалиция не привлекает, в отличие от круга «Великой России» и ДПНИ, общественного внимания и все равно воспринимается скорее как реликт 90-х.

Заметны также и отдельные представители чистых идеологических течений. Больше всего внимания привлекают неонацистские группировки, оппозиционные ДПНИ и другим популистам, активизируется к новым выборам КПРФ. Стоит отметить также коалицию православных монархистов — Союз русского народа.

И все же, когда мы говорим сегодня о русском национализме, мы, как правило, сталкиваемся с усредненными, внеидеологическими высказываниями, сводящимися к «защитной» этноксенофобии по отношению к

³⁴ Чего стоит одна инициатива пересмотра итогов приватизации: Народный Союз учреждает Возвратный Фонд общенародной собственности // Сайт Народного Союза. 2007. 27 июня (<http://www.partia-nv.ru/vf/2007/vf210607.html>).

«мигрантам», к лозунгам «Россия для русских!» или «За русскую Россию!» (официальный лозунг Народного союза). Существуют идеологически активные деятели, начиная с председателя «Великой России» А. Савельева, но и их основной пафос сводится к тому, что Россия должна, во-первых, преодолеть либеральные традиции, заложенные в 90-е годы, во-вторых, стать максимально мощной «державой», фактически возродить имперский внешнеполитический размах, но не возрождая при этом полноценную империю (чтобы не оказаться слишком полиэтничной), в-третьих, развивать преимущественное положение этнических русских (не только путем дискриминации «мигрантов», но и в процессе ротации элит). Исследователь и одновременно адепт русского национализма Валерий Соловей прямо утверждает, что России сейчас, на руинах рухнувшей советской империи, нужен именно русский этнический национализм, и ничто иное³⁵. Соловей лишь наиболее последователен в своих суждениях, но по существу с ним согласны очень многие.

Место и перспективы русского этнонационализма сегодня

Еще в 2005 году можно было заметить, что складывается своего рода негласный альянс разного рода этнонационалистов и их союзников, включающий скинхедские банды, общественно-политические и просто политические организации националистического толка, целый ряд журналистов и общественных деятелей самого разного рода, публично выступающих в поддержку ксенофобных предрассудков и этнонационалистических идей, а также чиновников, включая сотрудников правоохранительных органов, закрывающих глаза на противозаконные аспекты всей этой деятельности или даже способствующих ей³⁶.

Важнейшая особенность этого альянса — он не столько дополняет, сколько заменяет традиционные партийные (или протопартийные) формы. Если в 90-е годы мы можем с большим или меньшим успехом

³⁵ Соловей Валерий. От империи — к русскому национальному демократическому государству // Сайт фонда «Либеральная миссия». 2007 (<http://liberal.ru/sitan.asp?Num=663>); Он же. Русская история: новое прочтение. М.: Агро-XXI, 2005.

³⁶ Впрочем, существует и прямо противоположное мнение: что разные элементы того, что называется обычно русским национализмом, мало связаны друг с другом, а в совокупности — (пока) крайне неэффективны. См.: Каспэ С.И. Реплика // Пути России: преемственность и прерывистость общественность развития. М.: МВШСЭН, 2007. С. 139–142.

находить соответствие между идейными течениями и политическими организациями, то теперь это почти невозможно. То, что «Великая Россия» не зарегистрирована, лишь подчеркивает произошедшую перемену. В сложившейся авторитарной системе с сильно редуцированной публичной политикой националисты становятся скорее сетью групп влияния — чиновничьих, медийных или активистских, — чем политическим движением в обычном понимании, как это было в 90-е. В этой сети, функционирующей в ситуации общего признания, что публичная политика маргинализована, находят свое место и радикальные группускулы³⁷, и склонные к этнонационализму группы в истеблишменте, и национал-популистские движения.

Беспорядки в Кондопоге, а точнее, их необычайно широкий медиа-резонанс, зримо ускорили формирование, расширение и легитимацию этого невидимого и неоформленного альянса. Активизировались националисты всех направлений, причем ДПНИ явно пыталось тиражировать кондопожский опыт. Мониторинг СМИ осенью 2006 года показал решительный прирост языка вражды, а главное — резкий прирост прямой националистической пропаганды в мейнстриме масс-медиа³⁸. И что еще важнее, высокопоставленные чиновники, вплоть до президента Путина, стали допускать высказывания, которые либо выдают этнонационалистические склонности говорящих, либо должны рассматриваться как заигрывание с этнонационализмом³⁹. А ведь высказывания чиновников, пропорционально их рангу, гораздо больше легитимируют ксенофобию и этнонационализм, чем высказывания в СМИ или даже безнаказанность преступлений на почве ненависти. Наконец, полицейское и административное давление на радикальных националистов все это время возрастало, но остается очевидно недостаточным не только для подавления явно криминальной активности национал-радикалов, но хотя бы для «стабилизации насилия»⁴⁰.

³⁷ См. перевод статьи Роджера Гриффина в этом сборнике.

³⁸ Кожевникова Г. Язык вражды после Кондопоги // Язык вражды против общества. М., Центр «СОВА», 2007. С. 10–71. Надо понимать, что язык вражды и раньше не был исключением, а этноцентристские и даже этнонационалистические интерпретации социальных проблем давно стали общим местом в СМИ. См.: Зверева Галина. Дискурс государственной нации в современной России // Современные интерпретации русского национализма. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 16–18.

³⁹ Наибольшее значение имели, пожалуй, антигрузинская кампания и высказывания Путина об очистке рынков в пользу «коренного населения»: эта мера настолько не имеет ни социального, ни экономического смысла, что может быть понята только как заигрывание с поднимающимися этнонационалистическими настроениями.

⁴⁰ Подробнее все это описано в статье Галины Кожевниковой в этом сборнике.

На вопрос, почему так происходит, давно существуют два основных ответа: во-первых, сегодняшнее российское государство неэффективно во всех случаях, которые не избраны Кремлем как приоритетные, а противодействие национализму таковым явно не является; во-вторых, скажутся предрассудки самих чиновников и их низкая компетентность. Но теперь есть основания добавить и третий, не менее важный, ответ: власти не надеются своими действиями переломить обозначившуюся несколько лет назад тенденцию роста ксенофобии и этнонационализма, поэтому они выбирают привычный вариант политического манипулирования. В этой логике нет смысла загонять в подполье «Великую Россию» и даже арестовывать лидеров неонацистских группировок: на их месте все равно появятся новые лидеры, а с этими уже существуют те или иные формы взаимодействия⁴¹.

Но, конечно, манипулирование заключается не только в этом взаимодействии (на уровне политтехнологов или сотрудников спецслужб), но и в выработке эффективной контрпропаганды. Подчеркну, речь идет не о «создании национальной идеи», вообще не каком-то о позитивном действии, а именно о контрпропаганде. Хотя, конечно, она не может быть какой угодно, а должна соответствовать уже существующим умонастроениям в чиновничьей элите или хотя бы не противоречить им.

Такой пропагандистской политикой все более становятся антиамериканизм, антивоенный и милитаристская, имперская риторика. С точки зрения контрпропаганды, это попытка заместить внутреннего врага, определяемого этнически, внешним врагом, определяемым политически. Можно спорить, насколько такая контрпропаганда эффективна (скорее нет, так как эти два врага не альтернативны друг другу), но несомненно, что власти и близкие к ним общественные и политические силы формируют таким образом свою идеологическую линию, которая тоже является националистической, так как во главу угла ставятся противостояние России и ее врагов и сплочение и даже формирование нации в этом противостоянии⁴².

⁴¹ Это является вполне разумным полицейским соображением даже применительно к явно преступным группам; полиция нередко так поступает. Но нынешний уровень преследований слишком низок, и можно предположить, что другое, не менее важное, соображение — поддержание общественной безопасности — играет не столь значительную роль, как соображение сохранения контроля ультранационалистической среды.

⁴² Такой дискурс описывается разными авторами отнюдь не единообразно. С содержательной точки зрения см., например: Кожевникова Г. «Путинский призыв»: идеологи или мифотворцы? // Неприкосновенный запас. 2004. № 37. Возможна и «технологическая» точка зрения: Зверева Г. Построить матрицу // Вестник общественного мнения. 2007. № 1.

Нельзя представлять дело таким образом, что идейным националистическим организациям противостоят безыдейные бюрократы. С одной стороны, люди, вовлеченные в националистическую активность, не чужды прагматизма (в том числе демонстрируют готовность применять свои таланты просто за деньги), так что националисты в целом отнюдь не готовы к действительно решительному противостоянию с властями⁴³. С другой стороны, что важнее, для нужд политического режима тоже выстраивается идеологическая основа (как правило, субъективно выстраивается она с другими мотивациями).

Эту, пока аморфную, идеологическую основу Эмиль Паин назвал «цивилизационным национализмом»⁴⁴. Русский цивилизационный национализм явно или неявно предполагает, что Россия — это самостоятельная, отдельная цивилизация, призванная отстоять и повисить свой статус в мире. Такое понимание льстит национальному чувству. Кому-то оно позволяет воспринимать Россию не как этническую единицу и даже не как империю — тем, у кого с имперской или с этнонациональной традицией возникают негативные ассоциации. В то же время для других цивилизационный национализм подчеркивает именно культурную особенность России, определяемую, целиком или в первую очередь, ее «титულным» этносом. Он же оправдывает имперскую политику, так как у империи должно быть некое сверхнациональное оправдание (у империи Романовых и у СССР оно было).

Поскольку основным оппонентом и противником цивилизационного национализма — и России в его глазах — является Запад, важно подчеркнуть равноценность России и Запада. В частности, следует отвергнуть теорию модернизации, в рамках которой обычно приходится говорить о «догоняющем развитии» России, в пользу концепции независимого развития «культур», восходящей к Иоганну Гердеру. Если Россия независима в цивилизационном отношении от Запада, она может его обогнать, а может и вовсе не догонять в институциональном или технологическом отношении, зато точно может стать духовным спасителем или ориентиром Запада (или всего мира).

Цивилизационный национализм является наследником зачатых черносотенных, «советских» и неоевразийских течений национализма.

⁴³ Здесь можно вспомнить, как наци-скинхеды нанимались «поработать» на вполне проправительственные организации, а известные националистические идеологи подрабатывали у явно не подходящих им нанимателей.

⁴⁴ Паин Эмиль. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3. Описываемое явление состоит лишь в отдаленном родстве с известной концепцией Хантингтона, хотя, несомненно, ею во многом вдохновлено.

Если допустить явное преувеличение, можно сказать, что эти течения умерли в оппозиции, чтобы возродиться в новом — объединенном — качестве в мейнстриме. Цивилизационный национализм «преодолеет» ограниченность этих течений, выбирая из них то, что лучше годится для его собственного обоснования.

Поскольку цивилизационный национализм неоднороден, адаптация течений 90-х годов возможна в разных сочетаниях. К тому же он возникает в достаточно разных средах. Видимо, хронологически первой следует считать академическую среду. Важно также отметить Русскую православную церковь (РПЦ). Но сейчас о русской, российской или православной цивилизации готовы говорить и националистические активисты, и даже государственные чиновники⁴⁵. Конечно, не всегда используется термин «цивилизация», но дела это не меняет: риторические реверансы в сторону цивилизационного национализма, ставшие заметными еще в первую каденцию Путина, все больше укореняются в официальном дискурсе⁴⁶. А «цивилизационный подход», все более заметный в академических кругах⁴⁷, создает для этих разговоров необходимую базу. Чтобы составить полноценный портрет сегодняшнего русского цивилизационного национализма, требуется специальное исследование, поэтому здесь я отмечу только две его версии.

Первая — та, которую пропагандировал Александр Панарин⁴⁸. Академические заслуги резко выделяли его на фоне националистических идеологов, поэтому и влияние его весьма велико. Панарин — неоевразиец и сторонник внеэтнической авторитарной империи. Он — яркий противник глобализации, конечно, Запада и особенно США и адепт «православной цивилизации». Для него, согласно Марлен Ларюэль, религиозная основа цивилизации выше этнической или любой иной; речь идет о «новой сакрализации мира». Но воссоздаваемая в панаринских книгах империя — это все-таки именно Российская империя.

Вторая примечательная версия цивилизационного национализма — та, которую все более настойчиво и эффективно предлагает руко-

⁴⁵ Паин Э. Указ. соч.

⁴⁶ См. очень интересный анализ соотношения «этнического» и «сверхэтнического» в рассуждениях Владислава Суркова о российской идентичности в: Карпенко Оксана. «Суверенная демократия» для внутреннего и наружного применения // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. См. также: Ларюэль М. Указ. соч. С. 207–208.

⁴⁷ См. например: Шнирельман В. Между евразиоцентризмом и этноцентризмом: о новом историческом образовании в России // Вестник Института Кеннана в России, 2003. Вып. 4. С. 32–42.

⁴⁸ Ларюэль М. Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // Русский национализм: идеология и настроение. С. 165–182.

водство РПЦ⁴⁹. Церковная версия во многом близка к панаринской (в его поздних работах), и сам термин «православная цивилизация» вышел на официальный уровень именно благодаря РПЦ. Хотя есть, конечно, и отличия. В частности, РПЦ, благодаря концептуальной находке — понятию «православный народ» — фактически строит собственное основание для культурного (а не биологического) этнонационализма, в котором культурным признаком является русское православие. А вот имперский мотив у РПЦ выражен менее ярко.

Стоит также отметить целый букет идей примерно того же плана, вырабатываемых в новом десятилетии «новыми консерваторами», начиная, как минимум, с «Серафимовского клуба» и Института национальной стратегии (но и доньше — в журнале «Эксперт» и близких ему кругах). Эти идеи слишком разнообразны и принципиально не сводимы к одной идеологии, но все их можно отнести именно к цивилизационному национализму, хотя скорее к его «гражданскому крылу»: либеральные ценности и гражданский национализм здесь обычно приветствуются, в отличие от других кругов цивилизационного национализма⁵⁰.

Следует оговориться, что «гражданский национализм» как идеальный тип идеологически пока в России очень слаб, и это совсем не удивительно⁵¹. Так что те, кто делает в своем национализме акцент на гражданскую общность, почти неизбежно вынуждены выбирать, у кого оказаться в младших союзниках — у националистов цивилизационных или этнических. Важно также то, что и те формы национализма, которые можно наблюдать в этих интеллектуальных кружках, все же в слишком значительной степени строятся по принципу «негативной идентичности»⁵².

Вообще, популярность «цивилизационного подхода» привела к необычайному разнообразию его интерпретаций, вплоть до самых экзотических⁵³. Но почти всегда можно найти если не все, то почти все следующие свойства:

⁴⁹ Подробнее о цивилизационном подходе руководства РПЦ см.: Верховский А. Религия и конструирование российской «национальной идеи» в начале нового века // Демократия вертикали. С. 165–184.

⁵⁰ Все это многообразие пока изучено лишь фрагментарно. См., например: Зверева Г. Дискурс государственной нации в современной России. С. 53–56, 66–73; Верховский А. Романтика и прагматика либерального консерватизма // Путями несвободы. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 97–126.

⁵¹ Миллер Алексей. Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra. 2007. № 3.

⁵² Это понятие давно и подробно описано в: Гудков Л. Негативная идентичность. М.: НЛО, 2004.

⁵³ Шнирельман В. Цивилизационный подход как национальная идея // Современные интерпретации русского национализма. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 217–248.

приверженность к смешению этнического русского и конфессионально православного оснований для определения «русской цивилизации»; готовность опереться и на дореволюционную, и на советскую политическую традицию; этатизм вырисовывающегося при этом национализма, более или менее имперского и более или менее этнического.

Здесь, кстати, самое время уточнить, что хотя как идеальные типы имперский и этнический национализм противоречат друг другу, на практике они вполне совместимы, тем более — у наций имперской метрополии⁵⁴, в том числе бывшей, но еще отнюдь не забытой империи⁵⁵.

Реальное различие я здесь провожу не между этническим и имперским национализмом, а между этническим национализмом, ориентирующимся преимущественно на группускулы и популистские движения, и цивилизационным национализмом, ищущим опору преимущественно в мощи государства.

Решительный прорыв национализма на публичную сцену, произошедший после Кондопоги, был воспринят как необратимое событие. И наиболее динамичные политические акторы немедленно попытались «соответствовать». «Единая Россия» объявила свой «Русский проект», в мае-июне 2007 года стало ясно, что реализуют его хорошо известные неоевразийские и этнонационалистические публицисты и активисты, не так давно считавшиеся маргинальными. «Справедливая Россия», собирающая свой актив по всему политическому спектру, включила и некоторых достаточно радикальных этнонационалистов, в том числе унаследовав их от фракции «Родина». Тема русского национализма не чужда и наиболее заметному сейчас антипутинскому движению — «Другой России»: если раньше в ее деятельности национализм проявлялся лишь время от времени⁵⁶, то летом 2007 года в ее рамках начало формироваться своего рода националистическое крыло — движение «Народ». Те или иные националистические тенденции заметны и во всех без исключения политических партиях, хотя более традиционные партии не делают столь резких движений.

Но все эти инициативы — либо адаптация к массовым вкусам, либо попытки создания внутриноменклатурных групп влияния, так как, повторюсь, никто не рассчитывает добиться результата в обозримом

⁵⁴ Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: НЛО, 2006. С. 148–156.

⁵⁵ Паин Э. Имперский национализм // Космополис. 2005. № 3; Он же. О феномене имперского национализма // Русский национализм в политическом пространстве. С. 336–355.

⁵⁶ Не только в практике НБП (ныне запрещенной).

будущем иначе как через государство. Последнее, представленное совокупностью групп ответственных чиновников во главе с той группой (или группами), которая находится в Кремле, действует в поле этих влияний, тоже не столько определяя ход событий, сколько адаптируясь к нему. Разумеется, у разных групп чиновников могут оказаться и оказываются разные идеологические предпочтения⁵⁷, но в этой статье приходится ограничиваться оценкой равнодействующей этих групповых предпочтений и прагматических стратегий.

Если просуммировать параметры значимости проблематики, политической представленности позиций, открытости идейной конкуренции, то никаких других идеологических разногласий, сравнимых с разногласиями по поводу русского национализма, в стране нет: «проблема преемника» решается не публично, любые социальные напряженности мало политизированы, борьба оппозиции и режима не привлекает действительно широкого внимания и т.д.

Как при этом будут развиваться взаимоотношения этнического и цивилизационного национализма, сказать непросто. Наиболее напрашивающийся вариант отмечен Эмилем Паиным, который полагает, что цивилизационный национализм «служит лишь быстро растворимой оболочкой, с помощью которой легче проглотить таблетку национализма этнического, пока еще для некоторых горьковатую»⁵⁸. Этот вариант предполагает окончательное признание цивилизационного национализма как государственной идеологии (допустим, в результате реконструкции верховной власти весной 2008 года) с последующим его развитием (точнее сказать, разложением) в русский этнонационализм.

Возможны и попытки более или менее сознательного синтеза. Как перспективный вариант можно рассматривать «Русскую доктрину» Виталия Аверьянова, Андрея Кобякова и других⁵⁹. В ней важно не только содержание, претендующее на синтез, но и определенное признание «с обеих сторон»: эта книга объявлена идеологической основой «Великой России» и одновременно ее предлагает в том же качестве руководство РПЦ.

Если синтез не будет успешен, то противостояние чиновной версии национализма, поддерживаемой мощью полуавторитарного режима, и

⁵⁷ «Путинский призыв» заметно сдвинул эти предпочтения в чиновничьей среде в сторону этнической ксенофобии и более жесткой националистической (в том числе антизападной) риторики. Это можно утверждать как на уровне политических наблюдений, так и на уровне социологических оценок этих элитных групп. См.: Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч.

⁵⁸ Паин Э. Между империей и нацией. С. 54.

⁵⁹ См. статью Галины Зверевой в этом сборнике.

низовой версии национализма, которая поддерживается этноксенофобией большинства граждан⁶⁰, имеет как таковое вполне предсказуемую перспективу (тем более что другие идейные течения в стране пребывают в явном кризисе). В ближайшие годы успех гарантирован тому, кто сильнее, но уже через одно, два или три десятилетия победит, конечно, большинство⁶¹. Скорее всего — не путем революции, а путем инфильтрации.

Впрочем, никак нельзя исключить, что какие-то события гораздо раньше изменят повестку дня настолько, что указанное противостояние будет оттеснено более животрепещущими проблемами (например, в ситуации резкого ужесточения авторитарного режима).

Но пока это не так, критически важно внимательнее изучать различные течения русского национализма и их взаимоотношения⁶², так как именно эти идеологические обстоятельства более других влияют на развитие страны.

Галина Кожевникова

Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2006 и первой половине 2007 года

Этот доклад продолжает серию публикаций информационно-аналитического центра «СОВА», посвященных основным проявлениям радикального национализма в России и противодействия ему со стороны общества и государства. Он охватывает события полутора лет — 2006 и первую половину 2007 года и, как и прежде, основан на материалах ежедневного мониторинга, которые можно найти на сайте нашего центра — <http://sova-center.ru>. Мы осознаем, что доклад этот неполон, но нам кажется, что и того материала, который нами накоплен, достаточно для выявления основных тенденций развития и ультраправой активности и реакции на нее общества, а также противодействия ей со стороны государства. В ряде случаев мы прибегаем к сознательному самоограничению: в частности, не включаем события, происходящие на Северном Кавказе, поскольку там, в отличие от остальной России, фактически идут боевые действия, распространившиеся с территории Чечни на соседние республики.

Прошедшие полтора года стали периодом принципиальных изменений в деятельности праворадикалов. Преступления становятся все масштабнее и демонстративнее, стремительно растут политические амбиции. Ультраправые идеи эволюционируют и мимикрируют под социально приемлемые, что способствует укоренению национал-радикалов и успешности национал-популистов. Государство пытается противостоять и расистскому насилию, и пропаганде ненависти, однако на практике катастрофически отстает от количества противоправных проявлений.

Политическая элита, осознавшая ксенофобные настроения в обществе, постепенно начинает подстраиваться к ним, провоцируя таким образом новые волны нетерпимости. События сентября 2006 года в карельском городе Кондопога коренным образом изменили и публичную риторику, и сферы приложения популистских действий политиков. А продолжающееся и усиливающееся ограничение гражданских свобод под флагом борьбы с экстремизмом дезориентирует общество и только мешает противодействию противоправным действиям праворадикалов.

⁶⁰ Очень важно, что все больше активных граждан осознает, что это именно так: этноксенофобия стала господствующим настроением в обществе.

⁶¹ Несколько подробнее я об этом писал в: Верховский А. Перспективы радикального русского национализма в современной России.

⁶² При этом возможны различные подходы: преимущественно — от активистских структур (как в этой статье) или преимущественно — от влиятельных авторов. Хороший пример второго подхода: Малахов Владимир. Современный русский национализм // Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: НЛЮ, 2007. С. 27–46.

2006 год

Проявления радикального национализма

Насилие

Наиболее заметным и, к счастью, пока наименее приемлемым для общества проявлением агрессивного национализма остается расистское и неонацистски мотивированное насилие, которое, как и в прошлые годы, продолжало стабильно расти. На момент завершения доклада (сентябрь 2007 года; см. Приложение, табл. 1) нам известно о 552 пострадавших от подобных нападений, 56 из которых погибли. Это на 19 % превышает результаты 2005 года (464 пострадавших, из которых 47 погибли).

Напомним, что это — заведомо заниженные цифры. Они, например, не включают в себя преступления, совершенные против бездомных, даже если версия нападения скинхедов официально озвучена представителями правоохранительных органов (в 2006 году нам известно о семи таких убийствах и одном избиении). Не включены в эту статистику жертвы массовых драк (потому что их просто невозможно посчитать), пострадавшие в мае 2006 года в Москве представители секс-меньшинств (только 27–28 мая 2006 г. скинхедами и другими гомофобами было избито не менее 50 человек). Не включены сюда и жертвы «корыстных» преступлений, за исключением тех, где расистский мотив прямо признан правоохранительными органами. Последнее, кстати, все чаще не только случается на стадии следствия, но и признается судами. Например, в 2006 году из 33 приговоров, признавших расистский характер преступлений, не менее девяти¹ включают в себя обвинения в корыстных преступлениях — вероятно, все чаще преступники используют грабеж и разбой как средство маскировки реальной причины нападения.

Но помимо количественного роста нападений, произошли и довольно заметные качественные изменения.

Во-первых, насилие организованных скинхедских группировок стало приобретать все более демонстративный характер. Выразаться эта демонстративность могла по-разному. Ранее это в основном было публичным признанием ответственности за насильственные действия (не говоря уже об актах вандализма). А с 2006 года стало очевидно, что все большее распространение получает организация нападений, «при-

¹ Не во всех случаях известна точная квалификация преступлений.

уроченных» к тому или иному событию (помимо давно установившейся традиции «отмечать» день рождения Гитлера 20 апреля). Особенно это характерно для Петербурга, где очевидна большая организованность и скоординированность деятельности различных скин-группировок — достаточно вспомнить нападение на девятилетнюю девочку-мулатку Лилиан Сиссоко сразу после завершения суда по убийству другой девятилетней девочки — Хуршеды Султоновой. Однако постепенно эта тенденция распространяется и на другие города, в первую очередь на Москву. Например, к сороковинам гибели лидера одной из наиболее одиозных скин-группировок Петербурга Дмитрия Боровикова московскими скинхедами была организована целая серия нападений, в результате которой пострадало не менее семи человек.

Нападающие могут демонстрировать, что они не боятся быть задержанными, — тогда преступление совершается днем, в людном месте и/или под объективами видеокамер слежения, как убийство Вигена Абрамянца на платформе станции метро «Пушкинская» 22 апреля 2006 г.

Демонстративность неонацистских проявлений была очевидным образом рассчитана на медийный резонанс, выводящий скин-движение из маргинальной, криминальной среды в сферу публичной политики, и на превращение лидеров скин-группировок в медиа-фигуры, представленные в СМИ чуть ли не на равных с так называемыми уважаемыми политиками. Расчет этот оправдался. Начиная с весны 2006 года повышенное внимание СМИ, в первую очередь телевидения, к проблеме расистского насилия, совмещенное с недостатком профессионализма у журналистов, привело к тому, что скинхеды превратились в равноправных участников дискуссии о росте ксенофобии в стране. Видеосъемки расистских нападений, размещаемые на закрытых или малопосещаемых интернет-сайтах, были теперь растиражированы на всю страну без какого-либо противовеса в виде хотя бы репортажей о судебных приговорах расистам². Апофеозом информационной пиар-кампании скинхедов стал показ в эфире НТВ 30 декабря 2006 г. 15-минутного сюжета о российских праворадикалах, который нельзя расценить иначе, как рекламный ролик неонацистов³.

Задача проникновения в медиaprостранство, поставленная активистами неонацистских групп в предыдущие годы, была выполнена, и с

² Об освещении скинхедского насилия см.: Кожевникова Галина. Скинхед телевизионный // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 15 мая (<http://xepo.sova-center.ru/213716E/21728E3/7502623>).

³ Она же. Язык вражды после Кондопоги // Язык вражды против общества. М.: Центр «СОВА», 2007. С. 10–71.

лихой. Об этом, в частности, свидетельствует отказ Славянского союза (СС) Дмитрия Демушкина от хакерской деятельности, которую организация ранее рассматривала как дешевый и безопасный вид саморекламы. Теперь в хакерстве просто отпала необходимость: Д. Демушкин, как и другие неонацистские активисты, стал востребован гораздо более мощным рекламным инструментом — российским телевидением.

Во-вторых, в 2006 году изменилось качество насилия. От кулаков и ножей скинхеды перешли к ружьям и взрывчатке. Наиболее тяжелым по своим последствиям стал взрыв на Черкизовском рынке Москвы 21 августа 2006 г. Напомним, тогда в результате взрыва самодельной бомбы погибло 13 человек⁴, в том числе двое детей, и еще 53 человека было ранено. Безусловно, и ранее националистические преступления совершались с применением огнестрельного оружия и взрывчатки (достаточно вспомнить, например, серию заминированных антисемитских плакатов в 2002 году, покушение на Анатолия Чубайса или взрыв поезда Грозный—Москва 12 июня 2005 г.). Однако это были либо проявления бытовой ксенофобии (иногда сопряженной с банальным бандитизмом⁵), либо исполнителями терактов выступали люди зрелые, ветераны локальных войн и конфликтов 90-х годов. Кроме того, как правило, такие акции носили единичный характер. Теперь же подозреваемыми в терактах стали молодые люди, не служившие в армии. Зато, с одной стороны, они тесно, хотя и опосредованно, связаны с правоохранительными органами (среди подозреваемых — дети высокопоставленных милиционеров, курсанты милицейских вузов и т.д.), а с другой — с так называемыми военно-патриотическими клубами. Причем подозреваются они в систематической террористической деятельности («черкизовских подрывников» подозревают не менее чем в девяти взрывах).

Активность таких клубов, контроль над которыми практически монополизирован праворадикалами, не только не снизилась, но и, наоборот, увеличилась, несмотря на расследования правоохранительных органов в отношении клуба «СПАС», возглавляемого одним из фигурантов по делу Черкизовского рынка. Наряду с идеологической обработкой молодые люди получают навыки рукопашного боя и обращения со многими видами оружия и взрывчатки. Модная ныне милитаристская риторика обеспечивает им лояльность со стороны правоохранительных органов и поддержку со стороны местных военкоматов и администраций, заинтересованных в военном призыве. Вот, например, как приглашает на

⁴ 11 человек погибло на месте, 2 скончались в течение месяца.

⁵ В Томске в 2006 году осуждены три человека, причастные к установке заминированного антисемитского плаката в 2002 году. Всего им было предъявлено 11 статей УК.

свои занятия общество, в программных документах которого закреплено создание системы апартеида в России: «Сегодня в России возрождается культ военного дела, все больше молодежи хотят служить своей стране и все больше ощущает свою ответственность за будущее России, за ее независимость... Пора научиться владеть оружием, спускаться по веревке с дома, умело действовать в группе, штурмующей дом». Или реклама активистов, устраивавших антиазербайджанские митинги в Москве: «Ты научишься владеть собой и оружием. Православный военно-спортивный центр “Скимен”... (территория храма, корпус между часовней и будкой охраны на въезде)».

Одновременно с изменением методов и способов расистского насилия происходит существенное изменение самой скинхедской среды. Внутри субкультуры скинхедов, которая по-прежнему состоит преимущественно из несовершеннолетних, постепенно начинают проявляться и другие черты. Из движения перестают уходить его повзрослевшие члены. Если ранее 20-летний скинхед был скорее исключением, то теперь это не является чем-то необычным. Более того, с возвращением в него «соратников» из мест заключения (что тоже является новой чертой), движение приобретает и тюремный опыт. Уже упоминавшиеся «военно-спортивные клубы» превращают разрозненные и недисциплинированные дворовые банды подростков в прототипы штурмовых отрядов. «Взросление» движения означает и повышение образовательного, социального ценза — а это возможность проникновения в школы, укрепления связей с правоохранительными органами, получения финансовой и юридической поддержки. Однажды обозначившись, все эти изменения становятся все более заметными.

И, наконец, все чаще стало проявляться расово мотивированное насилие одиночек. Случай с Александром Копцевым, устроившим 11 января 2006 г. резню в одной из московских синагог, в результате которой пострадало девять человек и лишь чудом никто не погиб, — наиболее одиозный, получивший широкую известность. Но он отнюдь не единичен: например, 25 июля в Новосибирске вооруженный охотничьим ружьем человек в течение часа расстреливал людей кавказской внешности⁶. Все чаще становится известно о националистически мотивированном насилии, связанным с проявлениями «чеченского синдрома», когда ветераны войны в Чечне нападают на людей неславянской внешности,

⁶ Показательно, что до сих пор неизвестно, чем закончилось расследование этого дела. Последние сообщения о нем появились в августе 2006 года, тогда сообщалось, что стрелявшему вменялась ч. 1 ст. 213 («Хулиганство»). Мотив национальной ненависти в обвинении не фигурировал.

мотивируя агрессию тем, что «*наших ребят в Чечне убивали, теперь всем «черным» мстить нужно*»⁷, как это случилось 12 июня 2006 г. в Калининграде. Тогда в результате серии нападений, совершенных сотрудниками частного охранного предприятия, пострадало десять гастарбайтеров из Центральной Азии. Умножение подобных событий свидетельствует о расширении и «уплотнении» ксенофобского пропагандистского поля, так что находящиеся в нем неуравновешенные личности все чаще срываются на реальные преступления.

Вандализм

Одним из традиционных проявлений ксенофобной и неонацистской агрессии является вандализм. Наиболее распространен вандализм в отношении религиозных объектов. При этом надо отметить, что от него не застрахованы представители всех конфессий и религиозных течений.

Так, в 2006 году в России было зафиксировано не менее 70 актов вандализма, мотивированного религиозной ненавистью (из 96, которые мы оцениваем как мотивированные неонацистскими и ксенофобными установками). Как и в случае с насильственными инцидентами, это минимальная оценка, учитывающая лишь те эпизоды, в которых мотив ненависти очевиден (избирательность объектов погрома, оскорбительные надписи, отсутствие кражи металла и т.п.).

Больше всего от подобных действий страдают еврейские организации: на их долю приходится половина инцидентов подобного рода — 36. И это заметно превышает результаты предыдущего года, когда нами было зафиксировано 27 актов вандализма против еврейских объектов. В Волгограде при очередном нападении на еврейскую школу травму получил охранник. Три нападения — в Сургуте (Тюменской области), Хабаровске и Астрахани — сопровождались попытками поджогов.

На втором месте — акции против объектов православных — 12 инцидентов. По сравнению с предыдущим годом (около 30 проявлений вандализма) — это существенное снижение идеологически мотивированной «антиправославной» активности. В отличие от остальных, эти объекты страдают в основном не от скинхедов, а от тех, кто считает себя «сатанистами». На кладбищах разрушаются кресты, наносятся соответствующие символы, «число зверя» и т.п. Впрочем, скинхеды-неоязычники также выбирают православные объекты для своей агрессии; в 2006 году

⁷ Орехов Игорь. Гастарбайтеров избивали бейсбольными битами // Комсомольская правда — Калининград. 2006. 14 июня (<http://kaliningrad.kp.ru/2006/06/14/doc120833>).

таких случаев было всего два: в Елабуге, где на стенах Спасского собора была нарисована свастика, и в Рыбинске, где скинхедскими надписями были расписаны здания местного музея, расположенные в помещениях бывшего православного монастыря.

На третьем месте — объекты мусульманские⁸, которые подвергались осквернению 11 раз, в том числе дважды (в Ярославле и Владимире) мечети забрасывали бутылками с зажигательной смесью, а в подмосковной Яхроме у стены мечети произошел сильный взрыв. В причастности к последнему преступлению подозревались активисты СС и сам лидер группировки Д. Демушкин, а также «черкизовские подрывники». Впрочем, на какой стадии находится следствие в настоящий момент, как и во многих подобных случаях, неизвестно.

Очень часто преступления такого рода являются «комплексным» выражением ксенофобии: протестантскую церковь могут расписать антикавказскими лозунгами, православные здания — антисемитскими. Наиболее известной иллюстрацией последней комбинации стала «антисемитская» версия пожара Троицкого собора в Петербурге (на куполах которого изображены шестиконечные звезды). Пожар произошел 25 августа. По словам представителей епархии, в течение августа было несколько звонков с угрозами, связанными именно со «звездочками», а уже после пожара в собор пришли «крепко сложенные молодые люди с агрессивной внешностью» и поинтересовались у служителей храма, не думают ли те, что пожар «был наказанием за восстановление на куполах шестиконечных звезд».

Продолжаются акты вандализма, мотивированного неонацистскими идеологическими установками, — мы отметили не менее 8 таких инцидентов. Это и осквернения мемориалов павшим во время Великой Отечественной войны, памятников, ассоциирующихся с антифашистским движением (так, например, в Пушкине под Петербургом свастика была нарисована на памятнике Эрнсту Тельману). Это и атаки на офисы идеологических противников, как это случилось в Ухте (Коми), где было совершено нападение на офис горкома КПРФ в январе, или на штабквартиру Союза коммунистической молодежи (СКМ) в Самаре в марте.

Как и в случаях с расистским насилием, акции вандалов приобретают все более демонстративный характер. Это может быть серия нападений в течение нескольких дней (например, мечеть в Ярославле осквернили дважды в течение недели, синагогу в Ульяновске — дважды в течение трех дней) или демонстративная бравада (светлое время суток, наличие

⁸ Без учета Северокавказского региона.

свидетелей или камер слежения). Так, например, известно, что как минимум два раза объектом вандализма неонацистов становились здания, соседствующие с местными управлениями ФСБ (во Владивостоке и в Рыбинске Ярославской области).

Стихийные массовые конфликты

Наиболее громким массовым конфликтом, приобретшим ярко выраженную националистическую окраску, стали события в карельском городе Кондопога в начале сентября 2006 года. Однако этот конфликт, о котором будет сказано ниже, был не единственным.

Весной 2006 года азербайджанский погром произошел в поселке Харагун Читинской области. Там пьяная бытовая драка вылилась в погром проживающих в поселке этнических азербайджанцев, в результате которого один человек погиб, еще не менее четырех были избиты. Кроме того, было сожжено несколько принадлежавших азербайджанцам машин и восемь домов. Региональные СМИ сообщили, что вследствие этих событий азербайджанские жители из села уехали.

Второй конфликт произошел в июне 2006 года в городе Сальске — районном центре Ростовской области, где, к счастью, до погромов не дошло. Из ссоры между двумя молодыми людьми, русским и «дагестанцем», через серию стычек явно криминального характера, конфликт вылился в массовую драку с применением огнестрельного оружия, в результате которой погиб один человек (с «русской стороны») и несколько получили травмы.

Поскольку, в отличие от Харагуна, события здесь развивались в течение довольно длительного времени, очевидно, что именно бездействие милиции, вовремя не вмешавшейся в конфликт, спровоцировало его развитие вплоть до убийства. Возмущенные бездействием правоохранительных органов местные жители вышли на митинг, на котором не выдвигали, заметим, никаких националистических лозунгов. И хотя сразу после убийства в городе стали распространяться антикавказские листовки, на первый митинг националисты прийти не решились. Спустя некоторое время в конфликт вмешалось Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) во главе с Александром Беловым (Поткиным), поддержанное местным казачеством. ДПНИ смогло направить протест жителей Сальска в «этническое» русло, но эскалации конфликта добиться не удалось.

События в Кондопоге начались, напомним, с пьяной выходки двух посетителей ресторана, имевших криминальное прошлое; выходка вы-

лилась в массовую драку с участием криминальной «крыши» ресторана при полном бездействии милиции. В этой драке погибло два человека и еще шестеро получили тяжелые ранения и травмы, а сама она была интерпретирована значительной частью местных жителей как «межэтнический конфликт», так как «крышу» представляли бандиты чеченского происхождения, что и привело к многодневным кавказским погромам.

Сценарий всех подобных конфликтов одинаков и неоднократно описывался нами в предыдущие годы: бытовая (зачастую «пьяная») ссора, понятая как «межэтнический конфликт» — бездействие милиции и/или местной администрации — погром. Однако в 2006 году на примере трех этих событий мы получили три принципиально разные модели реакции на подобное противостояние.

В Харагуне конфликт был относительно быстротечен (все произошло в течение суток), в него довольно оперативно вмешались правоохранительные органы и не смогли вмешаться праворадикалы. Все, так или иначе подозреваемые в противоправных действиях, были оперативно задержаны, а более поздние попытки местных национал-патриотов перехватить инициативу, представляя конфликт в духе ДПНИ, как эпизод «*национально-освободительной борьбы русского народа против оккупантов*», были решительно пресечены областной прокуратурой, выступившей со специальным публичным заявлением по этому поводу. Действия читинской прокуратуры вообще следует отметить особо: о ходе расследования неоднократно сообщалось в местной прессе, одна из подстрекательских статей по инициативе прокуратуры была признана экстремистской⁹; а против двоих пропагандистов-ксенофобов были возбуждены уголовные дела по ст. 282. Более того, бездейственность харагунской администрации, которая, по мнению прокуратуры, была одной из причин конфликта, стала предметом судебного разбирательства.

В Сальске милиция в конце концов в происходящее вмешалась, и подозреваемого в убийстве задержали практически сразу. Подключение же ДПНИ произошло достаточно поздно, когда эмоции уже улеглись или частично выплеснулись на антимилицейском митинге. Одновременно власти предприняли огромные усилия (похоже, не всегда законные) по предотвращению праворадикальной пропаганды, вплоть до того, что один из непосредственных участников конфликта (и по совместитель-

⁹ Подробнее см.: Кожевникова Г. Осень-2006: под флагом Кондопоги // Радикальный национализм в России и противодействие ему. Сборник докладов Центра «СОВА» за 2004–2007 гг. Штутгарт: Ibidem, 2007. С. 189–218. Доклад также размещен на сайте Центра «СОВА» (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/883BB9D>).

тву — лидер местного ДПНИ) был вынужден выступать по местному ТВ, успокаивая местных жителей.

В Кондопоге же и милиция не вмешивалась так долго, как только могла, администрация самоустранилась от каких-либо действий, и праворадикалы подключились к конфликту практически сразу, координируя через сайт ДПНИ все активные шаги¹⁰. Результат известен всем. Последствия же дают о себе знать даже спустя год после случившегося. Но хуже всего, что не видно никаких попыток всестороннего и, главное, непредвзятого анализа этого конфликта.

Деятельность праворадикальных организаций

2006 год был отмечен нарастающей активностью ультраправых организаций, среди которых, как и прежде, выделялось Движение против нелегальной иммиграции. Однако вслед за ДПНИ и в тесном сотрудничестве с ним активизировалась деятельность и других праворадикальных групп, зачастую выступающих на публичных мероприятиях как стабильная коалиция: ДПНИ, Русский общенациональный союз (РОНС), Национально-державная партия России (НДПР), Славянский союз, «Русский порядок». В провинции же националистические акции, в которых неизменно задействовано все то же ДПНИ, проводятся также с участием местных активистов «Родины», «Народной Воли», Союза русского народа (СРН) и локальных национал-патриотических группировок.

Массовые акции и беспорядки

Два крупнейших успеха праворадикалов 2006 года — гомофобная кампания апреля-мая и уже упоминавшиеся события в Кондопоге. Кстати, первая примечательна, помимо прочего, тем, что это тот редкий случай, когда лидирующую роль играло не ДПНИ.

Гомофобная кампания была связана с запланированным на май и широко разрекламированным фестивалем секс-меньшинств, кульминацией которого должен был стать первый в истории России гей-парад, намеченный на 27 мая. В начале и в конце мая по Москве прокатились две волны гомофобного насилия — избиений представителей секс-меньшинств, нападений на гей-клубы и т.п. Поведение милиции в ночь на 1 мая (начало беспорядков) фактически стало поощрением дальнейших

¹⁰ Подробнее см.: Кожевникова Г. Осень-2006: под флагом Кондопоги // Радикальный национализм в России и противодействие ему. Сборник докладов Центра «СОВА» за 2004–2007 гг. Штутгарт: Ibidem, 2007. С. 189–218. Доклад также размещен на сайте Центра «СОВА» (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/883BB9D>).

действий гомофобов: вместо того, чтобы воспрепятствовать агрессивно настроенной, но не очень многочисленной толпе, осадившей гей-клуб, где планировалось провести фестивальную акцию, милиция лишь защищала вход в него (но не подходящих к нему посетителей), а затем эвакуировала тех, кто был внутри клуба. И хотя в последующие дни милиция действовала адекватно (не исключено, что и чрезмерно жестко), остановить гомофобов она была уже не в состоянии: погромщики почувствовали свою безнаказанность (отметим, один из клубов сгорел именно в эти дни). Символические административные штрафы, которым подвергли некоторых задержанных (вместо того, чтобы привлекать их по уголовным статьям за нападения), также укрепили ощущение безнаказанности праворадикалов, не отвращая их от дальнейшего насилия. Достаточно сказать, что среди задержанных был, как минимум, один из подозреваемых во взрыве Черкизовского рынка¹¹.

Учитывая высокий уровень гомофобии в российском обществе, выступления противников секс-меньшинств были легко предсказуемы, но никто не предполагал, что они выльются в открытое и хорошо организованное насилие. Здесь надо отметить ключевую роль лидера РОНС Игоря Артемова, возглавившего и координировавшего гомофобные действия¹². Впрочем, в масштабной атаке 27 мая на инициаторов гей-парада участвовали уже самые разные националистические активисты.

Майские события вокруг гей-парада, повторим, стали одной из самых удачных акций праворадикалов не только 2006 года, но и вообще последних лет. Выбрав заведомо притягательную для СМИ ситуацию, опираясь на широко распространенные гомофобные общественные настроения, РОНС и присоединившиеся к нему люди и группировки обеспечили себе не просто максимально широкий пиар — они обеспечили доброжелательное отношение к погромным действиям со стороны той части общества, которое в случае расистских беспорядков подобного насилия не одобрило бы. В гомофобных же акциях праворадикалам удалось получить публичную поддержку даже со стороны казалось бы антагонистически настроенных к остальной их деятельности людей (например, активистов Союза коммунистической молодежи (СКМ) или певца Юрия Шевчука).

Кроме того, организация московских акций была первым и весьма успешным опытом открытой координации насильственных действий

¹¹ Это, вероятно, и послужило причиной весьма оперативного заявления московских следователей, что РОНС причастен к взрыву в Черкизове.

¹² Более подробно см.: Кожевникова Г. Весна-2006: Скин-пиар-кампания // Радикальный национализм в России и противодействие ему. С. 149–166. Доклад также размещен на сайте Центра «СОВА» (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/78A0D48>).

через интернет, а также первым опытом совместного выступления ранее не контактировавших друг с другом групп — скинхедов и православных фундаменталистов.

Вторым крупным успехом праворадикалов стали уже неоднократно упоминавшиеся события в Кондопоге. Конечно, успех этот относителен, поскольку инициатива «националистического курса» после карельских погромов была перехвачена у ультраправых властью¹³. Однако и в пиар-плане, и в плане реализации программных целей праворадикалов (легитимация этнических дискриминационных практик) Кондопога стала успехом. Конечно, организовать подобные выступления праворадикалы не могли — ни средств, ни ресурсов для этого у них пока нет. Зато есть мобильность и грамотная пиар-стратегия. Действия праворадикальных организаций в Кондопоге стали квинтэссенцией уже накопленного ДПНИ опыта самых разнообразных акций (причем как позитивного, так и негативного). Они показали способность движения к мобильному (в течение суток) подключению к конфликту на месте, координации действий через интернет, организации информационной кампании в интернете и СМИ, «акций поддержки» в других регионах России, уличной агитационной кампании (на подготовку и распространение стикеров о Кондопоге у ДПНИ ушло менее суток) — и все это одновременно.

Впрочем, кондопожский успех сыграл с ДПНИ и его лидером злую шутку. После возвращения из Карелии А. Белову явно изменило чувство осторожности, и в попытке повторить кондопожский успех, играя на истерическом состоянии общества, искусно поддерживаемом СМИ, он организовал целый ряд откровенно провокационных акций (от проведения праворадикального студенческого митинга в Москве до заявлений о проведении «Русского марша» в московском метро), которые, с одной стороны, достаточно сильно дискредитировали его в глазах скин-группировок (основной опоры движения), с другой — поставили его в ситуацию открытой конфронтации с властями, чего ранее никогда не было.

К тому же, повторим, власти, встревоженные кондопожскими событиями, постарались перехватить националистическую инициативу у праворадикалов. Последние, таким образом, оказались прямыми конкурентами власти в борьбе за ксенофобные настроения россиян, которые, очевидно, уже осенью 2006 года рассматривались как настроения электоральные. Соответственно, ДПНИ (именно как конкуренты, а отнюдь не как обще-

¹³ См. раздел «Экспансия национализма в общественную жизнь».

ственно деструктивная, противоправная организация) начало подвергаться определенному, впрочем, не особо сильному, давлению со стороны правоохранительных органов. В частности, А. Белов попал в число фигурантов по делу по ст. 282 УК, заведенному карельской прокуратурой.

Между тем еще с ноября 2005 года, вдохновленное масштабностью и резонансом проведенного тогда в Москве неонацистского шествия, ДПНИ едва ли не ежемесячно пыталось организовать различные митинги и пикеты (в основном под социальными лозунгами — протесты против распространения наркотиков, против установки в Москве памятника Гейдару Алиеву и т.п.), каждый раз заявляя о том, что планируемая акция должна по своим масштабам стать повторением «Правого марша». Однако праворадикалам ни разу не удалось собрать более двух сотен человек (например, на активно рекламировавшийся митинг «памяти генерала Ермолова» в Орле, организованный 24 мая 2006 г. четырьмя организациями (ДПНИ, «Народная Воля», РОНС, СРН), даже участие А. Белова и других иногородних активистов не смогло мобилизовать более 200 «марширующих»).

4 ноября 2006 г. повторить прошлогодний масштаб акции также не удалось: на митинг на Девичьем поле пришло около тысячи человек, считая бабуринцев и других национал-патриотов, державшихся отдельно от ДПНИ, и других праворадикалов (то есть даже с учетом массовых превентивных задержаний количество участников не достигало прошлогоднего). Впрочем, успешность «Русского марша» определялась на сей раз не численностью московского митинга, а всероссийским характером акции. «Марши» прошли в 13 городах России (еще в трех мероприятиях были незаконно сорваны милицией). Попытки проведения скоординированных в общероссийском масштабе публичных мероприятий предпринимались различными национал-патриотическими организациями уже не раз, однако в последние годы не удавалось достичь проведения заметных митингов более чем в трех регионах одновременно¹⁴. География «Русского марша»-2006 стала свидетельством преодоления «москвациентричности» публичных действий праворадикалов.

Можно предположить, что праворадикалы перешли от конструирования «партийных» организаций сверху к реальной протопартийной деятельности — скоординированной, систематической, диверсифицированной как географически, так и содержательно: от юридической поддержки заключенных «соратников» до помощи детским домам. И то, что «марш» в 2006 году стал первой акцией действительно всероссийского масштаба,

¹⁴ О попытке подобной акции см., например: Кожевникова Г. Радикальный национализм в России: проявления и противодействие. Обзор событий 2004 года // Цена ненависти. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 11–12.

которую удалось организовать ультраправым за последние годы, является одним из первых результатов этой деятельности. Конечно, значительную роль играет и ксенофобный подтекст «дня народного единства», который был сразу воспринят российскими ультраправыми как «свой» праздник. Однако всероссийская акция «в защиту политзаключенных», проведенная уже в 2007 году, показывает, что «удачный» праздник — лишь одна из составляющих успеха.

Политические маневры праворадикалов

Организационная жизнь праворадикальных групп в 2006 году не отличалась особой активностью. Наиболее значимым событием в этой области, пожалуй, стало образование Национал-большевистского фронта (НБФ), в который вошли нацболы, придерживающиеся праворадикальных (иногда откровенно неонацистских) взглядов и ушедшие из партии Эдуарда Лимонова (основного объекта «государственного антифашизма») по идеологическим соображениям¹⁵. Учредительная конференция НБФ прошла в Москве 29 августа, что имело подчеркнuto символический смысл: годом раньше в этот день в Москве, предположительно сторонниками движения «Наши», были жестоко избиты активисты Национал-большевистской партии (НБП)¹⁶. После провозглашения НБФ его участники немедленно заявили о вступлении в коалицию с Евразийским союзом молодежи (ЕСМ), курируемого Александром Дугиным. Целью фронта и коалиции была объявлена «борьба с оранжевой угрозой» в поддержку нынешнего курса власти. Возвращение ультраправого крыла нацболов к Дугину выглядит вполне логично — именно ему принадлежит тот круг идей, благодаря которым некоторые наблюдатели до сих пор считают Национал-большевистскую партию «фашистской». А ЕСМ, заявляющий о лояльности власти и пользующийся ее благосклонностью, являлся официальным организатором «Правого марша» 4 ноября 2005 г. в Москве и причастен к целому ряду насильственных атак на разного рода оппонентов, причем ЕСМ не только не скрывает, но даже афиширует эти факты. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация, хорошо характеризующая направление «государственного антифашизма»:

¹⁵ Показательно, что в НБФ вошли практически все экс-нацболы, осужденные по ст. 282 УК РФ в последние два года.

¹⁶ Нападению подверглись активисты нескольких левацких организаций — НБП, АКМ, СКМ «Союз молодежи «За Родину!». Однако госпитализированы были только нацболы, пострадали ли представители других организаций, неизвестно. Подробнее см.: Нападение на нацболов в Москве // Центр «СОВА». Демократия в осаде. 2005. 30 августа.

официальная пропаганда называет «фашистами» все более левую и радикально оппозиционную лимоновскую НБП, и одновременно реальные ультраправые из НБФ и ЕСМ отказываются от оппозиционности и могут претендовать на поддержку власти.

Первая половина 2006 года ознаменовалась попытками праворадикальных организаций (ДПНИ и союзных ей групп) сблизиться с КПРФ. Для этого использовались любые массовые мероприятия — протесты против реформы ЖКХ, празднование «советских» праздников (23 февраля, 1 мая), акции памяти экс-президента Сербии Слободана Милошевича. Сначала праворадикалы просто присоединялись к митингам и шествиям, не встречая (в отличие, например, от 2005 года) противодействия со стороны коммунистов — организаторов митинга, а затем начали выступать как полноправные участники — вплоть до включения А. Белова в число официальных выступающих на митингах КПРФ.

Однако развития (по крайней мере, видимого) этот процесс не получил, а со второй половины 2006 года обозначилось стремление ДПНИ вступить в альянс с Дмитрием Рогозиным, которое к концу года организационно было закреплено «воссозданием» Конгресса русских общин (КРО) 9 декабря 2006 г.¹⁷ (А. Белов вошел и в президиум, и в Центральный совет КРО как «глава Совета КРО по вопросам организации пропаганды»).

В конце года напомнило о себе Русское национальное единство. 16 декабря 2006 г. было объявлено о создании движения «Александр Баркашов», призванного объединить «тех, кто разделяет его идеологию и верит А.П. Баркашову». Никаких реальных последствий это не имело: возглавляемая Баркашовым часть РНЕ по-прежнему пребывает в глубоком кризисе, а независимые от Баркашова группы РНЕ действуют фактически каждая сама по себе.

Некоторые националистически ориентированные депутаты Государственной Думы стали активно и, главное, демонстративно сотрудничать с ультраправыми группировками. В первую очередь следует назвать Николая Курьяновича, который фактически является «карманным думцем» неонацистов, обеспечивая своими депутатскими запросами постоянное давление на следствие по делам, направленным против пропагандистов ненависти, и скинхедов, обвиняемых в насильственных

¹⁷ Интересно отметить, что в руководящие органы Конгресса вошел как минимум один фигурант уголовного дела по ст. 282. Либо создатели КРО абсолютно уверены в исходе уголовных разбирательств, либо изначально закладывается база для запрета (отказа в регистрации) организации в соответствии с антиэкстремистским законодательством, что затем можно преподнести как политические репрессии.

преступлениях. Статус депутата позволяет Н. Курьяновичу безнаказанно озвучивать ультраправые лозунги, организовывать националистические мероприятия и т.д. Накануне «Русского марша» он был исключен из ЛДПР и, таким образом, потерял шансы на новое депутатство. Зато теперь Н. Курьянович, помимо ДПНИ, является членом православно-фундаменталистского Союза православных хоругвеносцев (СПХ), а также членом Центрального совета неонацистского СС (отказавшись при этом от участия в руководстве КРО).

В 2006 году открыто демонстрировать свои связи с праворадикалами начали и другие депутаты Государственной Думы. Так, Виктор Черепков («Родина» С. Бабурина) не только принял участие в праворадикальном митинге 23 февраля 2006 г., но и сделал скинхеда из СС своим помощником. Депутат Сергей Иванов (ЛДПР) открыто сотрудничает с Национал-социалистическим обществом (НСО). Идеолог рогозинской «Родины» Андрей Савельев в 2006 году официально вступил в ДПНИ.

Повторим, связи ряда депутатов с национал-радикалами и даже с неонацистами никогда не были секретом, однако до 2006 года они не демонстрировались столь нарочито — и это свидетельствует о продолжающемся отодвигании «границы дозволенного» в российской политической культуре.

Свидетельствуют об изменении этих границ и маневры вокруг «Русского марша». Во-первых, в подготовке мероприятия, которое априори имело репутацию неонацистского (что подтверждалось заранее обнародованным персональным составом оргкомитета, в который вошел Д. Демушкин), участвовало не менее семи думцев¹⁸. Во-вторых, легальную возможность для проведения «марша» неонацистам предоставил Сергей Бабурин, получивший разрешение на митинг своей партии и охотно пустивший туда, помимо Макашова и сторонников полковника Квачкова (обвиняемого в покушении на А. Чубайса), также ДПНИ и скинхедов. Принципиально важно здесь не то, что относительно умеренный Бабурин вообще считает возможным сотрудничать с радикалами — это как раз не редкость, — а то, что он (как и Виктор Алкснис, который вообще не является этнонационалистом) готов теперь сотрудничать даже с открытыми неонацистами.

Таким образом, в 2006 году стало заметным серьезное изменение конфигурации возможных альянсов на праворадикальном поле по сравнению с последним десятилетием.

¹⁸ Пятеро — от «Родины» (Д. Рогозин, А. Савельев, Виктор Алкснис, Ирина Савельева и Борис Виноградов) и двое — от ЛДПР (Н. Курьянович и Иван Мусатов).

Национализм и ксенофобия как электоральный ресурс

Несмотря на усиливающуюся зарегулированность избирательного процесса, националистические лозунги и провокации по-прежнему активно используются в предвыборных кампаниях. Причем используются они и как «черный пиар», и как реальное средство привлечения избирателей.

Так, например, на дополнительных выборах в Государственную Думу по 196-му (Медведковскому) избирательному округу Москвы, состоявшимся 12 марта 2006 г. пытались баллотироваться сразу три ультраправых кандидата — полковник Владимир Квачков и учредитель и издатель газеты «Русская правда» Александр Аратов, находившиеся к тому времени под следствием, а также известный своими неонацистскими взглядами публицист Игорь Дьяков. Несмотря на очевидную бесперспективность электоральных притязаний всех троих¹⁹, само участие в избирательной кампании давало возможность вести под предлогом агитации праворадикальную пропаганду (агитаторы Квачкова, например, были задержаны за распространение брошюр СРН, не имевших никакого отношения к кандидату)²⁰.

В избирательной кампании кандидата на пост мэра подмосковного города Дзержинска депутата-ЛДПРовца Алексея Митрофанова принял участие Николай Курьянович. Выступая на митинге, он призывал проводить в городе концепцию сохранения «этнически чистого населения».

А вот кандидат в городскую думу Саратова местный единоросс Андрей Палазник сам, насколько нам известно, националистических лозунгов не использовал, но руководителем своего избирательного штаба сделал одного из ветеранов российского праворадикального движения, лидера «Национального фронта» и скандально известной

¹⁹ Здесь имеются в виду не только мизерные электоральные шансы А. Аратова и И. Дьякова, но и очевидный и ожидавшийся всеми произвол избиркома по отношению к Владимиру Квачкову, едва не прошедшему в Государственную Думу на дополнительных выборах в декабре 2005 года. После того, как Квачков стал единственным кандидатом, составившим реальную конкуренцию кандидату-единороссу, практически никто не сомневался в том, что он не получит еще одной возможности участвовать в выборах. См.: Избирком отказал полковнику Квачкову в регистрации на выборах // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 2 февраля (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A1E/6CB10D9>).

²⁰ Все трое до финальной стадии выборов не дошли, однако рекламные возможности кандидатского статуса им использовать все же удалось, пусть и не в полном объеме.

«Церкви Нави» Илью Лазаренко²¹. Через несколько дней после выборов правоохранительные органы Саратова заявили, что накануне голосования «в городе удалось предотвратить “серьезную провокацию националистического толка”», которую якобы готовил Лазаренко.

Кроме того, интересно использование националистической предвыборной риторики не прямо, а опосредованно, через апелляцию к не забытым еще скандалам. Например, Сергей Лекторович – известный и довольно популярный самарский националист, бывший некоторое время лидером местной «Родины», баллотируясь (неудачно) на пост мэра Самары, в качестве рекламы использовал плакат с собственным изображением и слоганом «Очистим Самару от грязи!», который прямо ассоциировался с рекламным роликом «Родины» «Очистим наш город от мусора». А 12 марта 2006 г. с третьей попытки мэром города Мегион (Ханты-Мансийский автономный округ) был избран Александр Кузьмин, в 2005 году снятый с дистанции за день до второго тура за националистическую агитацию и подкуп избирателей. Мы не знаем, использовал ли Кузьмин националистические лозунги в 2006 году; очевидно, что не они явились главным стимулом для мегионцев проголосовать за кандидатуру сына директора местного градообразующего предприятия²². Однако то, что еще по первой своей избирательной кампании он запомнился части горожан именно националистическим лозунгами, сомнений не вызывает: только в этом контексте его кандидатура обсуждалась на городских веб-форумах в 2005 году.

В случае Лекторовича (и, менее очевидно – в случае Кузьмина) мы видим использование в агитации именно тех националистических проявлений, которые «удостоились» репрессивных действий со стороны власти. Отстранение от выборов Кузьмина и московской «Родины» пока уникальны для российской электоральной практики²³, и апелляция

²¹ Подробнее об И. Лазаренко см. Верховский Александр, Папп Анатолий, Прибыловский Владимир. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 276; Верховский А. Религиозный фактор в парламентской кампании 1999 г. // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: ИИЦ «Панорама», 2000 (<http://www.panorama.ru/works/patr/bp/7rus.html>).

²² Итоги года 2006: Ханты-Мансийский АО // УралПолит.Ру. 2006. 9 декабря (http://uralpolit.ru/regions/hanty/09-12-2006/page_47379.html).

²³ Случай Кузьмина уникален тем, что кандидат не просто снят с выборов за зафиксированное решением суда возбуждение национальной ненависти, но что он снят уже во втором туре; случай «Родины» – тем, что за возбуждение ненависти, зафиксированное в решении избиркома, а затем и Верховного суд России, с выборов был снят целый блок. В дальнейшем отмечались случаи снятия с региональных выборов и «Родины», и других блоков/партий, однако национальная ненависть,

именно к этим случаям, с одной стороны, не требовала дополнительных разъяснений, а с другой – была обусловлена стремлением сыграть на протестных настроениях, в том числе и на недовольстве авторитарными практиками власти.

Экспансия национализма в общественную жизнь

2006 год со всей очевидностью показал противоречие между официальной антиксенофобной риторикой представителей власти и реальной практикой государственной деятельности.

С одной стороны, заявления о необходимости противодействия ксенофобии, о недопустимости пропаганды расовой нетерпимости и т.п. произносились с завидной частотой, постепенно превращаясь в отшлифованные клише, которые раз за разом повторялись и на разных властных уровнях (от президента Путина до губернаторов и мэров городов), и в окологосударственных партийных и общественных структурах.

Но сами государственные и окологосударственные деятели отнюдь не всегда могли служить позитивным примером. С начала 2006 года все чаще появлялись сообщения о тех или иных, мягко говоря, сомнительных высказываниях, инициативах и контактах так называемых респектабельных политиков и государственных чиновников. Так, например, в мае достоянием гласности стала стенограмма апрельского заседания Совета фракций Законодательного собрания Петербурга, где откровенно националистическими высказываниями отметились не только ЛДПРовцы, но и единороссы.

Безусловно, некоторые события можно объяснить элементарным невежеством. Вряд ли предоставление «Единой Россией» спортзала для проведения тренировок активистов СС (об этом в эфире РЕН-ТВ сообщил Д. Демушкин) было сознательным. Скорее помещение было выделено под некий «военно-патриотический клуб». Но чаще все же контакты или поощрение националистов выглядят как сознательные действия. Так, например, трудно предположить, что московскому правительству неизвестно, что упоминавшийся уже А. Аратов является фигурантом нескольких судебных разбирательств (гражданских и уголовных), связанных с пропагандой национальной и религиозной ненависти, а участие его «Русской правды» с откровенно расистскими и антисемит-

насколько нам известно, формально в этих решениях зафиксирована не была. См.: Кожевникова Г. Осень-2006: Под флагом Кондопоги // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2007. 4 января (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/883BB9D>).

скими изданиями в Московской международной книжной ярмарке уже неоднократно становилось предметом скандалов. Тем не менее, это не помешало А. Аратову и его издательству дважды в течение двух месяцев стать лауреатом конкурсов «субъектов малого предпринимательства», организованных Правительством Москвы.

Характерно поведение в 2006 году Российского футбольного союза (РФС)²⁴. В самом начале сезона-2006 РФС присоединился к соглашению ФИФА, предусматривающему суровые меры наказания для футбольных клубов за проявления расизма как в практике самих клубов, так и в поведении их фанатов. *«ФИФА требует за факты проявления расизма снимать с команды шесть очков. Все наши клубы предупреждены, и я не исключаю, что такие меры мы будем принимать»*, — заявил тогда президент РФС Виталий Мутко. Однако в сезоне 2006 года ни один клуб никак наказан не был, хотя расистские выходки болельщиков стали постоянным фоном российского футбольного чемпионата, а летом 2006 года разразился международный скандал, когда камерунский игрок «Локомотива» Стефан-Андре Бикей в интервью одной из британских газет сообщил, что намерен покинуть Россию из-за постоянных проявлений расизма. Но ни это, ни нацистские флаги на стадионах, ни даже фиксирование расистских выходок болельщиков в протоколах игр²⁵ не повлекли со стороны РФС никаких реальных мер.

Не исчезло стремление публично отрицать наличие самой проблемы расизма, представляя требования расследовать расистские преступления как некий «политический заказ». Наиболее заметна эта тенденция в Санкт-Петербурге. Весной 2006 года и прокурор города Сергей Зайцев (едва ли не единственный в Петербурге государственный чиновник высшего ранга, до этого публично признававший проблему расизма в городе как системную), и тогдашний руководитель ГУВД Михаил Ваничкин²⁶, и председатель комиссии по правам человека при губернаторе Татьяна Линева почти в одних и тех же выражениях говорили, что повышенное внимание к Петербургу, связанное с серией дерзких расистских нападений, — не что иное, как «провокация против города». А позже и сама губернатор Валентина Матвиенко в связи с задержанием подозреваемых в расистских нападениях заговорила о неких «ниточках, ведущих в Москву».

²⁴ Формально РФС — организация общественная, однако в реальности она, безусловно, тесно связана с государством.

²⁵ Нам неизвестно, были ли примеры занесения расистских выходок болельщиков в протоколы игр до сезона 2006 года, но в спортивных СМИ эти случаи выделялись как уникальные для футбольной практики страны.

²⁶ В августе 2006 года был назначен помощником министра внутренних дел России.

После же событий в Кондопоге курс на легитимацию и ксенофобной (в первую очередь антимигрантской) риторики, и дискриминационных практик стал магистральным направлением внутренней политики.

Сначала это прозвучало в риторике региональных деятелей. На кондопожские события глава Карелии Сергей Катанандов отреагировал рассуждениями о соотношении качеств «своего народа» и «другого народа», будто позабыв, что все участники событий — российские граждане; из Чечни тут же откликнулся Рамзан Кадыров, выразивший готовность защитить в Карелии «свой народ»; так оба высокопоставленных чиновника выступили в роли своеобразных «племенных вождей». Глава Мурманского УВД Валерий Звонцов выдвинул свой рецепт «межнационального согласия»: *«...законодательно закрепить: 30 процентов торговых площадей могут иметь азербайджанцы, 70 процентов — местные»*). Подобные рассуждения с неизбежностью вылились в мощную антимигрантскую кампанию по «зачистке рынков от нерусских торговцев», ставшую возможной после того, как сам президент России 5 октября высказался за защиту интересов «коренного населения России» в рыночной торговле. Конечно, Президент под «коренным населением» подразумевал граждан России, но его выступление было построено так, что многие, и не только праворадикалы, поняли его как определенную солидаризацию Президента с риторикой ДПНИ.

После этого выступления (оно не было «оговоркой», так как было повторено Путиным дважды) в России была развернута мощнейшая пропагандистско-дискриминационная кампания, частью которой стало декабрьское постановление Правительства, предписавшее полное удаление иностранцев из ряда сфер торговли к 1 апреля 2007 г. Эти события хронологически стали продолжением сходящей к тому времени на нет кампании по дискриминации этнических грузин — первой в истории современной России кампании этнической дискриминации, официально санкционированной руководством страны. Она была направлена не только против граждан Грузии, но и против этнических грузин с российскими паспортами; раньше дискриминационные кампании тоже случались, и не раз (в первую очередь — против чеченцев после крупных терактов), но они никогда не были публичными. На сей же раз телевидение и часть печатной прессы прямо включились в расистскую по сути пропаганду²⁷.

Такая государственная политика не могла не быть подхвачена околосударственными политическими организациями, которые

²⁷ Кожевникова Г. Язык вражды после Кондопоги... С. 59–64.

использовали уже не только риторику, но и практику праворадикалов. Так, в конце ноября 2006 года Движение молодых политических экологов Подмосковья «Местные» (региональный клон «Наших»), провело целую серию «антимигрантских» акций, которые по своим методам ничем не отличались от предложений и акций ДПНИ: незаконное патрулирование улиц с проверками документов и задержанием людей по этническому принципу, провоцирование драк²⁸. Зато, в отличие от ДПНИшников, «Местные» явно не рисковали стать объектом преследования со стороны милиции (административные задержания нескольких активистов вряд ли можно считать таковым).

Все изложенное выше позволяет говорить о попытке перехвата «националистической инициативы» (причем не только лозунгов, но и методов работы) властными и примыкающими к власти общественными структурами — в преддверии предвыборных кампаний (можно говорить о подготовке к федеральным выборам, но, например, «Местные» работали в перспективе выборов региональных, которые в Московской области прошли 11 марта 2007 г.).

Вместе с тем после Кондопоги стало очевидным отсутствие в либеральной среде единого отношения к «границам допустимой ксенофобии».

Руководство Объединенного гражданского фронта (ОГФ) Гарри Каспарова, например, никак не отреагировало на заявление своего карельского отделения, которое фактически солидаризовалось с кондопожскими погромщиками, высказав одобрение их действиям как «*проявлению гражданского самоуправления*». Впрочем, сам Гарри Каспаров еще весной не видел для себя ничего зазорного в том, чтобы в качестве гостя на первой конференции ОГФ выступил один из наиболее одиозных российских ультраправых, депутат Андрей Савельев.

Руководство «Яблока» никак не отмежевало от националистической предвыборной рекламы своего красноярского лидера Владимира Абросимова, не последовало фактически никакой реакции (кроме обещания Сергея Иваненко «разобраться») и на заявления одного из тогдашних лидеров московского «Яблока» Алексея Навального, что он не осуждает ни один из лозунгов «Русского марша».

²⁸ Напомним, что именно по такому принципу (патрулирование рынков, пикеты перед прилавками с призывами не покупать у «нерусских» и т.п.) были построены «рекламные» действия праворадикалов в поддержку «Родины» во время кампании по выборам в Мосгордуму в 2005 году.

Противодействие радикальному национализму

Деятельность общественных организаций и стихийное противодействие

Деятельность НПО и ненасильственное общественное противодействие

Помимо традиционной реализации образовательных, просветительских, информационных и исследовательских проектов, направленных на противодействие ксенофобии, российские НПО все отчетливее стали осознавать необходимость консолидации всех тех, кто реально заинтересован в противодействии ксенофобии, необходимость максимальной публичности общественных инициатив и мероприятий. Осознание это, очевидно, пришло еще в конце 2005 года, когда после «Правого марша» был организован марш антифашистский, прошедший в Москве 18 декабря 2005 г.

В 2006 году эта работа продолжилась. 14 мая 2006 г. в Москве состоялась конференция «Фашизм — угроза будущему России», в которой приняли участие более 150 представителей неправительственных организаций, молодежных объединений, демократических политических партий, неформальных антифашистских групп, национально-культурных объединений, экспертов, журналистов, деятелей культуры. Участники конференции приняли «Программу действий», положенную в основу Российского антифашистского фронта, учредительный съезд которого состоялся 22 июня в Москве и на который возлагались определенные (как показало будущее, напрасные) надежды на координацию публичных антифашистских действий.

Самым крупным публичным мероприятием РАФа стала организация совместно с Левым антифашистским фронтом (ЛАФ)²⁹ антифашистского митинга на Болотной площади в день «Русского марша», 4 ноября 2006 г. В митинге приняли участие около 800 человек. Принципиальной, на наш взгляд, стала достигнутая организаторами договоренность о запрете на общественном внепартийном мероприятии партийной символики (правда, заодно по требованию ЛАФ отказались и от российского триколора)³⁰.

²⁹ Коалиция левых активистов, объединенная под антифашистскими лозунгами (см. манифест коалиции, <http://laf.drugoi.com/manifesto>) летом 2006 года.

³⁰ Напомним, в 2005 году именно присутствие партийной и организационной символики на «Антифашистском марше» 18 декабря вызвало серьезные конфликты среди его участников.

Неонацистов, планировавших напасть на участников митинга, милиция оттеснила от Болотной площади, а затем задержала.

Массовые мероприятия проходили и в других городах России. Среди них стоит отметить ставший уже традиционным в Петербурге октябрьский «Марш против ненависти» памяти ученого-антифашиста Николая Гиренко (в 2006 году марш собрал 500 человек) и инициированное пермским «Мемориалом» создание ко Дню города (12 июня) «полотна мира»³¹, объединившее несколько тысяч человек.

Активный общественный протест вызвала антигрузинская кампания осени 2006 года: от митингов протеста в Москве до демонстративных акций по смене фамилий на грузинские, акции «Я — грузин», прошедшей в интернете, и т.п.

Продолжились и стихийные акции протеста против бездействия государства в деле противодействия расистскому насилию. В основных центрах активности скинхедов признание правоохранительными органами расистского мотива преступлений по-прежнему является исключением из правила, и только активный общественный протест дает возможность хотя бы надеяться на изменение позиции следствия. Например, в Москве в ночь с 24 на 25 апреля представители армянской диаспоры перекрыли движение на пересечении Садового кольца и Нового Арбата, протестуя против «бытовой» версии убийства армянского юноши в московском метро; на этой версии, несмотря на многочисленные свидетельства, долгое время настаивала прокуратура Москвы. Осенью в Петербурге, после убийства индийского студента, прошел очередной митинг иностранных студентов с требованием защитить их от неонацистов.

Деятельность леворадикалов и антифа

2006 год стал годом, когда антифашистская деятельность левых организаций разной степени радикальности стала заметна не только экспертам и превратилась в предмет общественного внимания и дискуссии.

СКМ, АКМ и другие левые молодежные организации весной неоднократно выступали с заявлениями протеста против сотрудничества КПРФ и ДПНИ. Отметим, что публичной реакции на эти заявления со стороны руководства коммунистов не последовало, но и сотрудничество не было продолжено³².

³¹ Размер полотна, сшитого из лоскутков 20 на 20 см, составил 2 м в ширину и более 120 м в длину.

³² После весенних событий официальных совместных акций КПРФ и ДПНИ больше не было. Или, по крайней мере, нам они не известны.

Впрочем, еще весной леваки не ограничились заявлениями: 1 мая прямо перед Государственной Думой произошла драка между скинхедами, пытавшимися вместе с коммунистической колонной пройти на митинг, и не пускавшей их левацкой антифашистской молодежью. Это стало лишь одним из первых эпизодов публичной уличной войны между право- и леворадикальными активистами. Разумеется, столкновения разной степени интенсивности и жестокости между этими группами молодежи происходили и ранее, однако до 2006 года они, как правило, не становились достоянием гласности.

Леваки, как правило, бывали объектом нападения наравне с представителями различных молодежных субкультур, воспринимаемых наци-скинхедами как враждебные (включая красных скинхедов). Контратаки были редкостью. Ситуация изменилась в результате оформления групп, включающих людей из разных политических и неполитических течений, объединенных именно по признаку противостояния наци-скинхедам. Такие группы, как правило, называют «антифа», и сами они часто пользуются этим названием. Естественно, часть таких групп довольно быстро пришла к признанию насильственных действий основным средством «перевоспитания» неонацистов. Мы будем называть их «боевыми антифа», чтобы отличать от тех, кто не считает агрессивное насилие приемлемым средством борьбы.

Особенно явным противостояние боевых антифа с неонацистами стало осенью 2006 года, когда было совершено два крупных нападения на мирные акции праворадикалов: нападение на зрителя концерта праворадикальных групп и участников «антикавказского» студенческого митинга 14 сентября у станции метро «Октябрьская» в Москве, а также нападение на митинг ДПНИ в Петербурге 17 сентября. (Впрочем, сами антифа подобные собрания не считают мирными, так как их участники часто потом совершают насильственные акции.)

Нападения боевых антифа обосновываются бездействием государства в отношении неонацистов, но действия радикальных антифашистов, сопряженные с агрессивным насилием, не менее противозаконны, чем действия их «оппонентов», не говоря уже о том, что, как правило, жертвами массовых драк становятся и случайные люди. Кроме того, не похоже, чтобы атаки боевых антифа снижали активность праворадикалов: наоборот, они провоцируют все новые и новые витки уличной войны между наци-скинхедами и боевыми антифа, а также акты неонацистского террора. Например, в декабре 2006 года в Москве было совершено покушение на одного из молодых антифашистов (рядом с его квартирой было установлено взрывное устройство, при разминировании которого пострадало 5 милиционеров).

Впрочем, радикальные антифашисты (как «боевые», так и прочие), разумеется, практикуют и другие способы борьбы с неонацистами – это митинги, расклейка листовок, закрашивание нацистских граффити, достаточно эффективная хакерская деятельность (также, впрочем, противозаконная).

Общественная палата

К общественному противодействию следует отнести и деятельность сформированной в конце 2005 года Общественной палаты. Наиболее значимым из ее действий стало принятие уже на первом пленарном заседании Палаты 14 апреля проекта рекомендаций по противодействию экстремизму, подготовленного председателем Комиссии по толерантности и свободе совести Валерием Тишковым. В целом вполне разумные, рекомендации изначально имели важный недостаток: они опирались на чрезмерно расширенное соответствующим законом понятие экстремизма. Окончательно доработанный документ, потерявший в финальной редакции несколько значимых, на наш взгляд, пунктов (в частности, пожелание устранить этноцентристский подход в преподавании истории и смежных предметов), был опубликован летом 2006 года, но дальнейшая судьба этой разработки неясна до сих пор.

Остальные громкие заявления Общественной палаты, направленные на противодействие радикальному национализму, сложно оценить позитивно. Иногда они, безусловно, демонстрировали активную гражданскую позицию членов палаты, однако одновременно становилась очевидной и их некомпетентность в целом ряде рассматриваемых вопросов. С другой стороны, постоянные публичные заявления от лица «общественности» о необходимости дальнейшего ужесточения антиэкстремистского законодательства, например, предложение В. Тишкова наказывать СМИ за цитирование националистических высказываний, создавали пропагандистское обеспечение для неправомерного ограничения гражданских прав в рамках антиэкстремистской кампании, завершившейся принятием драконовских поправок в антиэкстремистское законодательство летом 2006 года³³.

Отметим и то, что деятельность некоторых членов Общественной палаты прямо дискредитирует вполне разумные антиксенофобные инициативы, ими выдвигаемые. Так, например, главный редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев, будучи председателем Комиссии

³³ См. доклад: Верховский А. Антиэкстремистское законодательство и его применение // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2007. 10 сентября (<http://xeno-sova-center.ru/29481C8/9CCB151>).

Общественной палаты по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, в 2006 году неоднократно призывал СМИ к толерантности и даже инициировал в мае обращение к коллегам с призывом не допускать в эфир и на страницы газет «политических авантюристов и лиц, проповедующих расовую, этническую, религиозную вражду, ненависть и насилие»³⁴. В то же время возглавляемое им издание остается одним из наиболее ксенофобных в России, выступая порой с откровенно расистскими публикациями.

Практика Европейского суда по правам человека

В декабре 2006 года в Европейском суде по правам человека были рассмотрены два дела, связанные с проблемой ксенофобии в России. Оба решения представляются нам весьма существенными.

12 декабря ЕСПЧ отказал в удовлетворении жалобы лидера РОНС И. Артемова, который обратился туда в 2005 году в связи с последовательным отказом всех судебных инстанций РФ перерегистрировать РОНС в статусе политической партии из-за наличия словосочетания «русский общенациональный» в названии. По мнению И. Артемова, Минюст России таким образом нарушил статью 11 Европейской конвенции о правах человека (право на свободу объединений). Однако Европейский суд указал, что РОНС собирался защищать интересы только одной этнической группы – русских, что «несовместимо с гарантиями против дискриминации и принципом включения меньшинств в политическую жизнь страны». По убеждению представителей Евросуда, такие проявления дискриминации требуют «особой бдительности» и «решительных мер» со стороны государства.

А уже спустя 2 дня, 14 декабря ЕСПЧ рассмотрел жалобу бывшего главного редактора газеты «Городские вести» (Волгоград) Анатолия Кармана. В сентябре 1994 года в одной из своих статей А. Карман назвал известного праворадикала, главного редактора волгоградской газеты «КолоколЪ» Станислава Терентьева «местным неофашистом», и тот обратился в суд с иском о защите чести и достоинства. В результате многолетнего разбирательства в 2001 году иск этот был удовлетворен, попытки оспорить его в вышестоящих инстанциях успехом не увенчались, после чего А. Карман обратился в ЕСПЧ, который признал, что судебные власти РФ нарушили право журналиста А. Кармана на свободу выражения мнe-

³⁴ Главные редакторы призвали себя к толерантности // Там же. 2006. 5 мая (<http://xeno-sova-center.ru/213716E/21398CB/743062F>).

ния, предусмотренное ст. 10 Европейской Конвенции. В пользу заявителя с Российской Федерации взыскана тысяча евро. Это решение кажется нам принципиальным потому, что в силу неопределенности понятий «фашизм», «фашист» и т.п. в современной России, гражданские иски о защите чести и достоинства со стороны праворадикалов к российским журналистам и правозащитникам стали уже устоявшейся практикой. Исход судебного противостояния в этих случаях непредсказуем, но победа истца становится своеобразной легитимацией пропагандистской деятельности праворадикалов.

Уголовное преследование праворадикалов

Анализируя практику уголовного противодействия радикальному национализму и ксенофобии, можно говорить о значительных позитивных сдвигах в этой области, которые, впрочем, остаются тесно переплетены с негативными тенденциями.

Насилие

Главным образом, позитивные изменения в 2006 году коснулись преследования расистского насилия.

Во-первых, произошел существенный количественный прирост обвинительных приговоров за насильственные преступления, учитывающих мотив ненависти. Продолжает сохраняться тенденция двукратного прироста подобных приговоров: в 2003 году их было 4, в 2004-м — 9, в 2005-м — 17 и в 2006-м — 33 обвинительных приговора. В 2006 году по делам, связанным с расистскими нападениями, было осуждено около 110 человек (в 2005-м — около 55 человек). К сожалению, количество приговоров катастрофически отстает от количества преступлений, однако локальные успехи отметить все же можно. Так, по наблюдениям региональных активистов, в Воронеже после серии «антирасистских» приговоров активность скинхедов существенно снизилась.

География судебного преследования расистского насилия в 2007 г. охватила уже 17 субъектов Федерации (см. Приложение, табл. 4), а анализ распределения приговоров за последние годы лишний раз подтвердил тезис о том, что первичным препятствием в учете мотива ненависти для следственных и судебных органов является отсутствие практики. Стоит провести одно-два удачных разбирательства, как практика становится привычной. К сожалению, столь впечатляющий рост количества обвинительных приговоров происходил только в провинции, а не в основных очагах активности скинхедов — Москве и Петербурге.

Соотношение статей УК, содержащих мотив ненависти в качестве квалифицирующего признака, и части 2 ст. 282 (по сути, «пропагандистской») для учета расистского характера насильственного преступления по сравнению с 2005 годом, к сожалению, не изменилось (из 33 обвинительных приговоров не менее чем в 14 мотив ненависти был вменен как квалифицирующий признак и не менее чем в 13 — через ст. 282, а в 2005 году из 17 приговоров квалифицирующий признак был использован не менее чем в шести случаях и еще в восьми была использована ст. 282³⁵).

Однако некоторое улучшение качества юридической квалификации преступлений на почве ненависти все-таки произошло. Например, в 2006 году была первая известная нам попытка вменения, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, мотива ненависти в качествеотячающего обстоятельства по статье, не предусматривающей этот мотив в качестве квалифицирующего признака. Это сделала прокуратура Воронежской области в деле об убийстве перуанского студента, где одному человеку было предъявлено обвинение в убийстве, а остальным, которым и вменялась ст. 63 — в хулиганстве и грабеже по мотиву национальной ненависти. Правда, суд этого обвинения не признал, но нам в данном случае важна сама попытка использования этой статьи.

Кроме того, все чаще расистский мотив стал признаваться в делах, где присутствуют и корыстные мотивы — еще раз повторим, из 33 обвинительных приговоров 2006 года не менее чем в девяти наряду с обвинениями в преступлениях на почве ненависти фигурировали и обвинения в грабежах и разбоях. А весной 2006 года, после разгрома группы Боровикова—Воеводина прокуратура Петербурга сделала заявление и вовсе до этого немыслимое: официально было признано, что для обеспечения неонацистской деятельности группа занималась бандитизмом, нападая на почтовые отделения³⁶.

Постепенно накапливается практика преследования праворадикалов за организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ). В 2006 году было вынесено три приговора по этой статье (в 2005 году — два): в Петербурге (по делу лидера петербургской группировки Mad Crowd

³⁵ Квалификация по остальным делам нам неизвестна.

³⁶ Косвенным признанием такой деятельности, по нашему мнению, следует считать и репортаж криминальной хроники об аресте банды петербургских грабителей сотовой связи под руководством «Рыжего Тарзана» — Виталия Дацика (по другим сообщениям — Дацюка). В репортаже была сделана специальная ремарка о том, что грабители нападали только на салоны «приезжих» предпринимателей, а сам Дацик называл себя «сыном Сварога». Впрочем, в этом случае мотив ненависти обвинением не выдвигался. См.: Вести — Дежурная часть // РТР. 2007. 14 сентября.

Руслана Мельника³⁷), в Белгороде (по делу о нападении на цыганскую семью) и в Верхней Пышме Свердловской области. Здесь, правда, судебное решение было парадоксальным. Суд признал троих подсудимых виновными в создании экстремистского сообщества (как говорилось в пресс-релизе прокуратуры, «для совершения преступлений по мотивам национальной ненависти и вражды в отношении выходцев из районов Кавказа и Средней Азии») и участия в нем. Одновременно все трое были признаны виновными в убийстве уроженца Киргизии в январе 2005 года, а двое из них уже были осуждены в декабре 2005 года за демонстративно расистское убийство трех уроженцев Армении. Но в обоих убийствах мотив ненависти признан не был. Таким образом, получается, что экстремистское сообщество было создано «для совершения преступлений по мотивам национальной ненависти», но сами совершенные преступления мотива национальной ненависти не содержали.

Не менее позитивным кажется нам доведение до суда дел, связанных с идеологическим неонацистским насилием, — о нападении на девушку-антифашистку в Екатеринбурге и о погроме на панк-концерте в Курске. По существовавшему тогда уголовному законодательству мотив ненависти вменить за эти преступления было невозможно³⁸. Но для нас принципиально важно, что правоохранительные органы открыто признают именно идеологический, неонацистский характер этих преступлений.

Впрочем, сохранилась и тенденция отрицать националистические мотивы насилия. Отметим, правда, что о случаях, когда откровенно неонацистские нападения квалифицируются как «хулиганство» и в таком виде доходят до суда, становится известно все реже. Но, скорее всего, это происходит не из-за сокращения количества таких случаев, а из-за того, что информации о них просто нет. За 2006 год нам известно о пяти таких приговорах, причем в одном случае, в Тольятти (Самарская область), расистский мотив нападения прямо признавался в официальных заявлениях прокуратуры, но обвинение, тем не менее, было предъявлено без него. Показательным стал и процесс по делу о нападении на имама в Сергиевом

³⁷ Впрочем, этот приговор мы считаем дополнением к уже существующему приговору по этой группировке, вынесенному, напомним, годом ранее, в декабре 2005 года. См.: Вынесен приговор по делу экстремистской группировки Mad Crowd // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2005. 14 декабря (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A1E/687D980>); В Санкт-Петербурге вынесен приговор по делу лидера Mad Crowd // Там же. 2006. 5 декабря (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A1E/85D177E>).

³⁸ Изменения, позволившие наказывать за преступления, совершенные по идеологическим мотивам, были внесены в российское законодательство летом 2007 года и вступили в силу 12 августа 2007 г.

Посаде, завершившийся в феврале 2006 года. Несмотря на то, что во время нападения преступники выкрикивали антиисламские лозунги, несмотря на то, что накануне суда в городе распространялись антиисламские листовки, а свидетели и потерпевшие подвергались расистским оскорблениям прямо в зале суда, само преступление было квалифицировано как хулиганство. Ну а наиболее скандальным стал уже упоминавшийся эпизод с расследованием убийства Вигена Абрамянца на станции метро «Пушкинская». Несмотря на многочисленные свидетельства, следствие долгое время отрицало нацистский мотив нападения; был задержан молодой человек, который даже дал признательные показания о том, что он убил «из-за девушки», а в интернет-блогах появились сообщения о массовом давлении на свидетелей со стороны правоохранительных органов, с тем чтобы заставить их отказаться от первоначальных показаний о нападении «скинхедов». Только под давлением общественного мнения следствие отказалось от «бытовой» версии этого убийства.

Отметим также сохраняющуюся тенденцию условного наказания за подобные преступления. Из более чем 100 человек, признанных виновными в совершении расистских преступлений, не менее 20 человек избежали наказания, получив условные сроки или подпав под амнистию³⁹, а еще двое получили незначительные сроки, которые отбыли во время предварительного заключения. Некоторые условные приговоры просто вызывают недоумение: например, четверым костромским скинхедам, избившим в течение двух дней пять человек.

Говоря о судебном преследовании ультраправого насилия, отдельно следует остановиться на практике двух столиц — Петербурга и Москвы, — в которых практически не наблюдается никакой позитивной динамики по успешным судам по таким делам (см. Приложение, табл. 4).

Более того, в 2006 году Петербург приобрел славу города, «в котором присяжные оправдывают фашистов». Действительно, три суда с участием присяжных (по убийствам Хуршеды Султоновой, Роланда Эпоссака и Ву Ань Туана) закончились оправданием обвиняемых. Конечно, эти случаи вызывают много вопросов, в том числе, учитывая организованность и осведомленность питерских неонацистов, вопрос о безопасности присяжных и членов их семей. Однако первична во всех этих делах, на наш взгляд, плохая работа следствия, не сумевшего собрать достаточно убедительных доказательств причастности конкретных обвиняемых к конкретным преступлениям. К сожалению, эти приговоры дали основа-

³⁹ Кстати, часть скинхедов, осужденных ранее, наверняка подпала под амнистию, объявленную в связи со 100-летием Государственной Думы в мае 2006 года, но сколько именно, нам неизвестно.

ние вновь активизировать дискуссию о выведении дел подобного рода из ведения суда присяжных, да и о состоятельности самого этого института вообще. Показательно, что рассуждения эти носили скорее пропагандистский характер; противники суда присяжных рассуждали о «всеобщей ксенофобии» присяжных и, как следствие, о заведомой неуспешности «антирасистских» процессов в таком суде. Оба эти утверждения не соответствуют действительности. Во-первых, оправдательные приговоры присяжных мы видим только в Петербурге, в остальных случаях — а за последние годы таких приговоров уже несколько (в том же Петербурге, в Москве, Саратове, Волгограде, Владивостоке) — суды были успешны. Во-вторых, и в проигранных петербургских процессах расистская составляющая части преступлений присяжными признавалась, так что вряд ли стоит говорить об их ксенофобии.

В Москве в 2006 году, по сравнению с прошлыми годами, количество приговоров чуть выросло, но, похоже, только за счет случаев явно неординарных и потому громких: в трех случаях из пяти жертвы были не рядовыми гражданами — певица Лиза Умарова, корреспондент НТВ Эльхам Мирзоев и министр культуры Кабардино-Балкарии Заур Тутов; процесс А. Копцева носил явно показательный характер. Подчеркнем, речь вовсе не идет о том, что показательное судебное решение априори является неправомерным. Но сложно представить, что в Москве расистскому насилию подвергаются преимущественно люди известные, способные найти адекватную юридическую помощь. И это означает, что на самом деле московские правоохранительные органы отнюдь не горят желанием возбуждать и расследовать дела с учетом мотива ненависти.

Из юридической практики преследования праворадикалов следует, пожалуй, отметить еще один процесс, примечательный тем, что это первый и единственный известный нам пример обвинительного приговора за угрозы суду и присяжным от имени праворадикальной организации. На протяжении полутора лет в процессе против двух долгопрудненских милиционеров Вячеслава Блохина и Алексея Коноваленко, обвиняемых в превышении должностных полномочий судьям, прокурорам и присяжным поступали угрозы от имени РНЕ⁴⁰. В 2006 году были установлены авторы записок с угрозами — ими оказались экс-РНЕшник Юрий Ковалев и его знакомый Александр Матасов. Последний в настоящее время находится в федеральном розыске, а Ю. Ковалев в октябре 2006 года был признан Московским городским судом виновным в давлении

⁴⁰ Подробнее о деле Блохина—Коноваленко см.: Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году // Русский национализм. Идеология и настроение. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 13.

на суд сразу по нескольким уголовным статьям⁴¹ и приговорен к 6 годам колонии-поселения.

Пропаганда

Если прогресс в преследовании расистского насилия мы отмечаем постоянно, то существенные изменения в практике преследования праворадикальной пропаганды были отмечены за эти годы впервые. В 2006 году мы видим рост количества обвинительных приговоров — 16 приговоров⁴² против 11 в 2005 году. Однако главным, на наш взгляд, является не столько количественный рост (хотя и это очень важно), сколько качественное изменение практики наказаний.

Во-первых, осужденные пропагандисты реже избегают наказания. Ранее к моменту вынесения судебного решения либо истек срок давности по делу, либо пропагандист подпадал под амнистию, либо просто получал условный срок без всяких дополнительных санкций. Но к концу 2006 года ситуация стала постепенно меняться к лучшему: из 19 осужденных по этим делам шесть не понесли никакого наказания, причем суды над четырьмя из них окончились в первой половине 2006 года, а в 2005 году из 14 осужденных «не наказанных» было пятеро.

Во-вторых, суды все чаще начинают практиковать наказания, не связанные с лишением свободы (штрафы, исправительные работы) (8 из 16 приговоров). Еще в одном случае в качестве наказания, не сопряженного с лишением свободы, судом был применен запрет заниматься журналистской деятельностью на три года (приговор в отношении челябинских нацболов — авторов газеты «Para Bellum»⁴³).

В-третьих, в преследовании пропагандистов, впервые со вступления в силу антиэкстремистского законодательства, начинает использоваться

⁴¹ В принуждении свидетелей к даче ложных показаний (ч. 2 ст. 309 УК РФ), применении насилия в отношении представителя власти, находящегося при исполнении служебных обязанностей или его родственника (ч. 2 ст. 318), клевете в отношении судьи, присяжного заседателя, или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, сопряженное с обвинениями в совершении тяжкого преступления (ч. 3 ст. 298), вмешательство в какой-либо форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия (ч. 1 ст. 294) и угрозы в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ч. 1 ст. 296).

⁴² Без учета приговоров Станиславу Дмитриевскому (Нижний Новгород) и Виталию Танакову (Йошкар-Ола), которые мы считаем неправомерными.

⁴³ Запрет на профессию как одна из составляющих наказания был применен и в деле Бориса Стомахина. К сожалению, практика запрета на профессию в 2006 году исчерпывается этими двумя случаями.

правоприменительная практика прошлых лет. В 2006 году нам известны два таких случая.

В ноябре 2006 года в Махачкале было передано в суд дело против местного активиста НДПР Андрея Бойкова, возбужденное на основании судебного решения 2004 года, признавшего один из текстов Бойкова экстремистским.

Но наиболее грамотным и последовательным, на наш взгляд, стало преследование активистов РНЕ в Татарстане — одном из немногих российских регионов, где после вступления в силу антиэкстремистского законодательства РНЕ была ликвидирована не по формальному признаку, а как экстремистская организация⁴⁴.

Во-первых, опираясь на это судебное решение, прокуратура Казани предъявила активистам РНЕ обвинения по ст. 282² (участие в сообществе, признанном судом экстремистским). И это первый известный нам случай применения данной статьи УК не против активистов исламистского движения «Хизб ут-Тахрир». Во-вторых, апеллируя все к тому же решению, удалось через Интерпол добиться того, что канадский хостинг-провайдер, у которого был размещен веб-сайт организации, отказал РНЕшникам в обслуживании.

Наконец, отметим, что за 2006 год нам не известно ни одного приговора за ксенофобно мотивированный кладбищенский вандализм (ст. 244, ч. 2, п. «б»). Впрочем, и в прошлые годы такие приговоры были единичны.

Говоря о преследовании пропагандистов ненависти, необходимо отметить и немаловажную политическую составляющую части таких дел, даже если они не носят откровенно неправомерного характера⁴⁵. В данном случае речь идет об обвинительном приговоре, вынесенном в Москве Борису Стомахину.

Мы считаем большую часть обвинений, выдвинутых правоохранительными органами в адрес Б. Стомахина, правомерными. Однако жесткость приговора вызывает недоумение — Стомахин был приговорен по ч. 1 ст. 282 и ч. 2 ст. 280 УК к пяти годам лишения свободы и трем годам запрета на журналистскую деятельность. На сегодняшний день это самый жесткий приговор по ст.ст. 282 и 280 (без привлечения дополнительных статей) за все постсоветское время. Для сравнения: один из наиболее одиозных идеологов современного российского неонацизма Юрий Беляев, разместивший у себя на сайте «Инструкцию по уличному террору», в которой содержатся подробные рекомендации по организации,

⁴⁴ Решение Верховного суда Татарстана от 21 мая 2003 г.

⁴⁵ См.: Антиэкстремистское законодательство и его применение.

осуществлении и маскировке неонацистских нападений, получил лишь условный срок и продолжает свою пропагандистскую деятельность.

От большинства пропагандистов Стомахина отличали безоговорочная поддержка чеченских сепаратистов, крайнее неприятие нынешнего политического режима и антирусская направленность публикаций. Вероятно, это и послужило причиной столь выделяющегося на общем фоне приговора. Общественным мнением это было однозначно интерпретировано как избирательность правоприменения и политическая пристрастность суда.

Такая интерпретация усиливается контекстом, в котором был вынесен приговор. За несколько недель до этого правоохранительные органы Москвы не увидели повода для возбуждения уголовного дела в прямых призывах неонацистов расправиться с целым рядом известных российских правозащитников, причем с размещением их фотографий и домашних адресов в интернете. Одновременно прокуратура Москвы отказалась возбудить уголовное дело в отношении деятельности СС, не усмотрев в ней ничего противозаконного.

Другие меры противодействия

Наряду с уголовным преследованием праворадикалов существенно улучшается и другая антиэкстремистская практика государственных органов. Сразу отметим, что улучшение это не носит пока систематического характера и, по всей видимости, является результатом действия субъективных факторов (в первую очередь связанных с профессионализмом и активностью конкретных должностных лиц).

Прежде всего следует отметить деятельность Федеральной службы РФ по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Росохранкультура) по противодействию пропаганде экстремизма в СМИ. В 2006 году ведомством было вынесено 39 предупреждений, подавляющее большинство которых не было оспорено в суде. Пять из этих предупреждений мы считаем неправомерными, в том числе два связанных всего лишь с изображением свастики как иллюстрации к явно антифашистским статьям. Однако, помимо этих случаев, следует положительно отметить резкую активизацию этого направления деятельности Росохранкультуры. Есть хотя и слабая, но надежда на результативность такой деятельности: после повторных предупреждений газетам «Дуэль» (Юрий Мухин) и «Корпус» (Национал-социалистическое общество) Росохранкультура подала в суд иски об их закрытии. Впрочем, суды эти еще далеки от завершения. А

вот петербургская газета «За русское дело», получив очередное предупреждение, на год приостановила свою деятельность, решив, очевидно, таким образом «переждать» его годовичное действие⁴⁶.

Продолжала развиваться и практика прокурорских предупреждений СМИ и организациям, однако она не столь открыта для общественности, как практика Росохранкультуры, поэтому достаточно трудно оценить активность прокуратуры. В марте 2007 года была озвучена удивительная цифра — 311 предупреждений за экстремистскую деятельность, вынесенных прокуратурой в 2006 году в адрес СМИ. Однако эта цифра не поддается никакому анализу, так как в отношении подавляющего большинства прокурорских предупреждений совершенно неизвестно, кому, когда и за что они были вынесены.

Впервые после двухлетнего перерыва (с весны 2004 года) 2006 год принес сразу три случая ликвидации организаций не по формальному признаку, а именно за антиконституционную деятельность

В марте за «грубое нарушения действующего законодательства» по требованию прокуратуры Кабардино-Балкарии суд ликвидировал организацию «Государственный Совет Балкарии». Правда, несмотря на настояния прокуратуры, экстремистской организация все-таки признана не была.

Два других судебных решения были приняты в Краснодарском крае.

В мае после неоднократных предупреждений, вынесенных прокуратурой, за экстремистскую, этнонационалистическую деятельность решением суда была ликвидирована общественная организация «Рада земли Кубанской Духовно-Родовой Державы Русь», региональное отделение праворадикальной неоязыческой организации «Духовно-Родовая Держава Русь», объявившей о своей независимости от Российской Федерации.

В октябре за использование свастики, римского приветствия и расистских положений «Славяно-Арийских Вед», используемых в качестве элементов религиозной доктрины, была запрещена как экстремистская неоязыческая религиозная группа «Краснодарская Православная Славянская Община «ВЕК РА» (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассении». Как на прецедент прокуратура ссылалась на решение Омского областного суда 2004 года о запрете аналогичной организации «Асгардской Славянской Общины Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов», также использовавшей в вероучении положения «Славяно-Арийских Вед».

⁴⁶ Выпуск газеты возобновился в апреле 2007 г.

Административная практика преследования за демонстрацию нацистской символики, к сожалению, остается практически неизвестной, хотя и здесь есть очень любопытные примеры. В частности, в июне в Новороссийске за распространение газеты со стилизованной свастикой был оштрафован местный праворадикал Сергей Путинцев, а весь тираж распространяемой им газеты решением суда был конфискован.

Явно улучшается и практика милиции, направленная, в частности, на предотвращение организованного насилия, а также праворадикальной пропаганды.

В качестве примера можно привести действия милиционеров в городе Жуковка Брянской области. 6 июля там проводился разрешенный властями малочисленный (около 20 человек) митинг, организованный местными активистами ДПНИ под антииммигрантскими лозунгами. Основную массу присутствовавших составляли местные скинхеды, которые по окончании мероприятия выстроились в колонну и попытались промаршировать по улице, скидывая руки в нацистском приветствии и скандируя ксенофобные лозунги. Как правило, подобные акции в России никак не пресекаются, однако в данном случае подобное поведение участников митинга дало вполне законное основание для их административного задержания, что и было немедленно сделано присутствовавшими на мероприятии милиционерами. Более того, впоследствии пресс-служба УВД Брянской области распространила пресс-релиз, где подробно обосновала свои действия.

К сожалению, работа милиции по пресечению националистических акций зачастую сопряжена с излишним насилием. Это затрудняет дальнейшее уголовное и административное преследование праворадикалов. Например, в июне в Сыктывкаре ОМОН предотвратил погром на городском рынке, однако провел задержание пришедших на рынок национал-радикалов во главе с Юрием Екишевым (тогда еще только находившимся под судом) с применением неоправданного насилия. Это впоследствии дало повод Ю. Екишеву и его сторонникам добиться отмены административного ареста, наложенного на участников акции, и пытаться по суду преследовать ОМОНовцев (впрочем, безуспешно).

Несистематичность профилактики праворадикальных проявлений предопределяет ее неэффективность. Это прекрасно иллюстрируется изменениями в праворадикальном сегменте русскоязычного интернета, происходившими в первые месяцы 2006 года. Тогда в связи с широким резонансом преступления А. Копцева, который пользовался антисемитскими публикациями интернета, прокуратура заявила о решительном намерении с подобными материалами в интернете бороться. Были даже задержаны два интернет-пропагандиста — в Калининграде

и Астраханской области (оба впоследствии были осуждены по ст. 282 УК). Эти заявления и действия вызвали среди ультраправых интернет-активистов настоящую панику. Часть наиболее одиозных материалов из интернета была убрана, форумы либо закрыты, либо тщательно цензурированы и т.д. Однако к середине марта кампания сошла на нет, соответственно, прошла и паника, и часть ресурсов восстановилась в первоначальном виде.

Антифашистская риторика как политический ресурс

С начала 2006 года резко активизировалось использование антифашистской, антиксенофобной риторики в целях дискредитации политических оппонентов партии власти и дальнейшего наступления на демократические свободы.

Отправной точкой «официальной антифашистской кампании» можно считать инициированный «Единой Россией» 26 января 2006 г. так называемый Антифашистский пакт — соглашение политических партий о противодействии национализму, ксенофобии и религиозной розни.

Пакт призывал не допускать членства в рядах политических партий людей, открыто исповедующих расистские, ксенофобные убеждения, не поддерживать кандидатов-расистов на выборах, не принимать участия в публичных мероприятиях, на которых ведется ксенофобная агитация, и т.д. И это можно было бы только приветствовать, если бы с первых дней существования «пакта» он не был дискредитирован самими его инициаторами, в число которых была допущена ЛДПР. «Единая Россия» так и не осудила политику этнической дискриминации, проводимую губернатором Краснодарского края Александром Ткачевым, не осудила антигрузинскую кампанию, не говоря уже о менее известных эпизодах. «Антифашистский пакт» был очевидным образом направлен на дискредитацию наиболее сильных политических оппонентов «партии власти» — «Родины» и КПРФ, не допущенных к подписанию документа, в отличие от лояльной ЛДПР (успевшей незадолго до того отличиться, например, расистским законопроектом о запрете «портящих генофонд» браков россиянок с иностранцами).

Зато «антифашистский» пафос инициативы дал возможность развязать «карикатурный скандал» в Волгограде⁴⁷ и еще более активно использовать антифашистскую риторику как способ дискредитации политических оппонентов (в первую очередь коалиции «Другая Россия», включающей НБП,

⁴⁷ См.: Антиэкстремистское законодательство и его применение.

традиционно обвиняемой в фашизме⁴⁸). Правда, стоит отметить, что все это постепенно сходило на нет в течение весны и лета, а после Кондопоги риторика начала меняться — вплоть до инициативы создания так называемого Русского проекта, с которым ЕР выступила уже в начале 2007 года.

Как курьезный случай «встречного политического антифашизма» стоит отметить инцидент, произошедший во время избирательной кампании в Приморье. В сентябре, по заявлению депутата законодательного собрания края от «Единой России» Леонида Бельтюкова, краевой суд снял с регистрации независимого кандидата Николая Марковцева, который в качестве своей агитации использовал плакат «Дойдем до Берлина»: на фашистской каске под ногами советского солдата вместо свастики был изображен медведь, являющийся, по мнению истца, символом «Единой России». Л. Бельтюков усмотрел в таком изображении приравнивание «Единой России» к фашистам, Марковцев же утверждал, что он намеренно заменил на плакате свастику медведем — символом 3-й танковой дивизии вермахта (а вовсе не «Единой России», как подумал истец), поскольку публичная демонстрация свастики является нарушением закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Наиболее же известным эпизодом «антифашистского» политического давления стала кампания, развязанная весной 2006 года против губернатора Пермского края Олега Чиркунова, к тому моменту — едва ли не единственного губернатора, не вступившего в ЕР. Поводом для скандала стал инцидент на «Открытом молодежном форуме», проводившемся под патронатом губернатора, где в присутствии О. Чиркунова выступил молодой неонацист, представившийся как член ННП и ДПНИ. Буквально на следующий день губернатор принес публичные извинения жителям региона за инцидент, а материалы форума немедленно были направлены в прокуратуру для проверки — реакция уникальная для подобных инцидентов.

Однако это не помешало пропрезидентским популистским организациям — «России Молодой» и «Нашим» — обвинить губернатора в потворстве фашизму и устроить антигубернаторский митинг силами свезенных в Пермь иногородних «нашистов». Скандал, впрочем, угас. Зато Олег Чиркунов в сентябре 2006 года возглавил список «Единой России» на региональных выборах.

⁴⁸ Мы не утверждаем, что обвинения НБП в фашизме вовсе лишены оснований. В 90-е годы эти обвинения были в полной мере основательны, и нельзя сказать, что трансформация НБП в последние годы позволила полностью изжить неофашистское наследие «старой НБП» (на которое, как правило, и ссылаются все обвинения), но в целом сегодняшняя НБП вряд ли может быть названа неофашистской организацией.

Январь-июнь 2007 г.

Проявления радикального национализма

Насилие

С начала 2007 года продолжился интенсивный рост праворадикального насилия. За первое полугодие пострадало не менее 294 человек, 34 из которых погибли (за этот же период 2006 года — 239 человек, 21 из которых погиб). Таким образом, динамика роста этого насилия составляет 23 % по сравнению с предыдущим годом⁴⁹. Основными центрами расистского насилия по-прежнему остаются Москва (108 пострадавших, из которых 24 погибло) и Санкт-Петербург (67 пострадавших, 4 из которых погибло). В 2007 году как очаг растущей напряженности обозначился Нижний Новгород, где за это время пострадало не менее 34 человек. Всего же нападения были отмечены в 29 регионах России, причем даже в таких, где ранее расистские инциденты зафиксированы не были (например Оренбург).

Необходимо отметить резкое и необъяснимое свертывание информации о подобного рода преступлениях. Например, до 5 мая 2007 г. мы фиксировали по 10–11 пострадавших каждую неделю, то за период с 6 мая по 30 июня нам известно лишь о 45 пострадавших⁵⁰. В реальность столь резкого снижения активности скинхедов поверить просто невозможно, особенно если учесть, что на май и июнь приходятся несколько знаменательных для неонацистов дат, которые, как и день рождения Гитлера, принято отмечать нападениями. Более того, скинхеды, не скрываясь, декларировали эти акции в интернете. Не говоря уже о том, что и май, и июнь ознаменовались несколькими крупными публичными акциями праворадикалов, которые никогда не обходятся без происшествий (как правило, не во время самой акции), и крупными драками, за которыми, как правило, также тянется «шлейф» одиночных нападений. Ничего этого мы не увидели в информационном потоке последних двух месяцев полугодия. Добавив к этому, что никаких предпосылок к снижению

⁴⁹ Традиционно сюда не включены атаки на бездомных (2 убитых в первом полугодии 2007 года), где правоохранительными органами признается возможность неонацистской мотивировки, и нападения на представителей секс-меньшинств (не менее 8 пострадавших).

⁵⁰ Не считая избитых 27 мая представителей секс-меньшинств.

числа расистских нападений мы не видим, остается предположить, что по каким-то причинам нам просто не удастся их отследить. Произошло это либо потому, что подобные нападения были совмещены с грабежами и разбоем⁵¹, либо потому, что сообщения об этих преступлениях вообще не были отражены в СМИ⁵². Последнее особенно опасно, поскольку искажает и без того нечеткие представления о масштабах расистского и неонацистского насилия в России. Более того, закрытость информации о подобных преступлениях умело используется ультраправыми в своих целях. Поскольку в общественном мнении скинхеды давно и устойчиво воспринимаются как реальная и опасная сила⁵³, а официальные сообщения об их преступлениях и, тем более, о наказаниях практически отсутствуют, появляются широкие возможности для распространения разного рода панических слухов.

Так, накануне 20 апреля 2007 г. настоящая паника началась как минимум в трех региональных центрах России — Белгороде, Рязани и Ижевске. В городах распространялись активные слухи (безусловно, в немалой степени инспирированные самими неонацистами) о готовящихся нашествиях иногородних «скинхедов», которые будут сопровождаться массовыми нападениями и другими противоправными действиями. Безусловно, подобные слухи распространялись и в прошлые годы, однако едва ли не впервые они оказались столь эффективны в нагнетании массовой истерии — родители не отпускали своих детей в школы, и учителя их в этом поддерживали, милиция не справлялась с потоком тревожных обращений и т.п. В результате на слухи пришлось обращать внимание и местным СМИ, и представителям правоохранительных органов, и чиновникам различного уровня⁵⁴. Но разрядить ситуацию заявления чиновников и милиции уже не смогли, кроме того, не всегда заявления

⁵¹ Напоминаем, мы не включаем в нашу статистику нападения, в которых присутствует корыстная составляющая, если только мотив ненависти не признается самими правоохранительными органами.

⁵² В интернете можно найти гораздо большее количество сообщений о нападениях и косвенных свидетельствах о них. Однако мы не используем эти свидетельства, если нам не удастся их проверить.

⁵³ См., например, Седов Леонид. Оппозиция. Критика власти. Экстремизм (по данным декабрьских опросов) // Левада-Центр. 2007. 15 января (<http://www.levada.ru/press/2007011504.html>).

⁵⁴ См., например: Горожане обеспокоены слухами о банде скинхедов // БелМедиа. Ру. 2007. 20 апреля (<http://belmedia.ru/newspage/id/7579.html>); Логинов Иван. Большая паника, которую сотворила маленькая утка // Голос Белогорья. 2007. 26 апреля (<http://golosbelog.livejournal.com/5472.html>); Уроки «Дела скинхедов» // ИА «День» (Удмуртия). 2007. 26 апреля (<http://www.dayudm.ru/lenta.php?id=20092>).

были адекватны ситуации. Полностью отрицая, например, какие-либо неонацистские проявления в Белгороде, местная милиция именно за этот день не обнародовала сводку происшествий⁵⁵, что, разумеется, отнюдь не способствовало успокоению людей.

Наиболее громкими преступлениями первого полугодия стали нападения на известного петербургского эксперта по делам, связанным с этнической ненавистью, Валентину Узунову, активиста кампании «Еда вместо бомб» Ивана Елина и гибель в Ижевске 17-летнего скейтера Станислава Корепанова.

На Валентину Узунову напали 19 июня 2007 г. — в годовщину гибели ее коллеги Николая Гиренко, убитого неонацистами в 2004 году и накануне ее выступления в суде по делу одного из петербургских пропагандистов-антисемитов В. Никольского. В сумке, которую у нее похитил нападавший, были материалы к этому выступлению. Стоит напомнить, что это не первое нападение на коллег Николая Гиренко — в ноябре 2006 года был избит еще один известный эксперт, Дмитрий Дубровский.

Иван Елин, возвращаясь вечером 14 января домой после очередной акции «Еда вместо бомб», на которой петербургские левые активисты раздают еду бездомным, получил более 20 ножевых ранений и лишь чудом остался жив.

Ижевский скейтер Станислав Корепанов получил смертельные ранения в драке с местными скинхедами 27 марта и несколько дней спустя, 31 марта, умер в одной из ижевских больниц. Именно это убийство легло в основу распространявшихся в городе слухов о «массовом нашествии скинхедов», однако показательно, что в нагнетании напряженности обвинили почему-то местную независимую газету «День», которая лишь последовательно освещала события, связанные с этим преступлением, и настаивала на «скинхедской» версии преступления.

Надо отметить, что представители левых движений или альтернативных скинхедам молодежных субкультур составляют около трети известных нам жертв — 102 из 287 — и доля их резко увеличивается (если в январе-феврале она составляла 25 % от общего количества пострадавших, то весной она превысила 40 %, а в июне составила более половины от общего количества пострадавших за этот период). Но если сопоставить

⁵⁵ См. сайт УВД Белгородской области (<http://www.uvd.bel.ru/news.shtml>). Показательно, что заявления белгородской милиции о том, что 20 апреля в Белгороде зафиксировано лишь одно преступление (кража), опровергается элементарным анализом противоречий «успокоительного» пресс-релиза самой же милиции, обнародованного несколькими днями позже. См.: Вожжова Екатерина. Криминальная хроника с 20 по 23 апреля 2007 года // Там же (<http://www.uvd.bel.ru/News/max217.shtml>).

этот рост с упомянутым сокращением информации о расистских нападениях, следует отказаться от гипотезы, что именно эта группа является приоритетной для нападений скинхедов, хотя, безусловно, уже существуют скинхеды, «специализирующиеся» именно на неформалах и антифа. Такое количество известных нам пострадавших именно в этой группе объясняется тем, что она не только относительно хорошо социализована, но и активна в интернете, так что имеет гораздо большие, нежели остальные группы жертв, возможности информировать общественность об этих инцидентах.

Вандализм

В первой половине 2007 года по-прежнему активно практиковался ксенофобно мотивированный вандализм. Как и расистское насилие, он становится не только более демонстративным, но и более организованным. Например, в Саратовской области 5–6 мая в течение суток были осквернены кладбище в селе Рыбушка, молитвенный дом адвентистов в городе Энгельсе и совершена попытка взрыва синагоги в Саратове. Эта организованная атака на целую серию религиозных объектов стала самым заметным инцидентом религиозно мотивированного вандализма за первое полугодие 2007 года.

Всего же за этот период нами было отмечено не менее 39 актов вандализма (в том числе 19 — религиозно мотивированного), в 26 регионах страны. Основным объектом ненависти вандалов по-прежнему остаются синагоги и еврейские культурные центры (11 эпизодов). Чуть уступают им протестантские объекты (8 эпизодов). И довольно часто акции вандалов носили ярко выраженный «идеологический» характер (осквернение памятников участникам Великой Отечественной войны, нападения на офисы политических оппонентов) — всего было зафиксировано не менее восьми таких эпизодов, наиболее серьезным из которых стала атака на офис КПРФ в Кемерово в мае 2007 г. — стены офиса были разрисованы свастикой, помещение было разгромлено, а затем по офису еще и выстрелили.

В некоторых случаях очевидно, что праворадикалы уверены в собственной безнаказанности, как, например, активисты ЕСМ, напавшие на представительство Российской ассоциации планирования семьи (РАПС) в Оренбурге и на представительство мормонов в Самаре. ЕСМ публично взял на себя ответственность за эти акции, заявив при этом, что организация и дальше будет совершать нападения на «сектантов», так как «*акты вандализма чрезвычайно важны для построения суверенной*

демократии и здорового гражданского общества в России». Активисты ЕСМ не впервые берут на себя ответственность за нападения, однако ни одно их заявление не стало предметом внимания правоохранительных органов к организации, которая полностью лояльна политическому режиму, а своей основной целью ставит предотвращение «оранжевой революции» в России.

Деятельность организованных праворадикальных групп

В первой половине 2007 года деятельность организованных праворадикальных групп в основном включала в себя три направления. Это публичные массовые мероприятия (митинги, шествия, пикеты, конференции); участие в массовых беспорядках и их провоцирование; а также организационные мероприятия, связанные с приближающимися выборами.

Одновременно с этим в праворадикальной среде обозначились серьезные конфликты, причины которых внешнему наблюдателю понять бывает довольно сложно. Внешние проявления конфликта во многом связаны с дискуссией вокруг фигуры лидера ДПНИ Александра Белова, которого обвиняют в провокаторстве, сотрудничестве с кремлевскими политтехнологами и лжи, дискредитирующей праворадикалов. Действия Белова действительно дают для этого повод, впрочем, конфликт, по крайней мере пока, не отражается заметным образом на активности ДПНИ и коалиции сотрудничающих с ним групп и организаций.

Публичные мероприятия

Наиболее крупной акцией первого полугодия 2007 года, организованной российскими ультраправыми, стал проведенный 28 января митинг «в поддержку политзаключенных», под которыми подразумевались люди, осужденные или находящиеся под следствием по обвинениям в преступлениях, совершенных на почве ненависти (как за насилие, так и за пропаганду).

Митинги прошли в полутора десятках городов России, хотя по массовости они, конечно, уступили «Русскому маршу», проведенному несколькими месяцами ранее (например, в Москве в митинге участвовало около 300 человек). Очевидные слагаемые успеха праворадикалов в данном случае — правозащитные лозунги, открытый список как участников акции, так и защищаемых (в каждом регионе выдвигались свои «кандидаты в политзаключенные», например, в Кургане среди них был назван Виталий Сулима — местный национал-патриот, получивший срок

за бытовое убийство). Однако все это не объясняет того, что на протяжении ноября 2006 — января 2007 годов при заметном противодействии властей ДПНИ и его союзникам удалось организовать две акции общероссийского масштаба — «Русский марш» и митинг 28 января, согласовав общие лозунги и время демонстраций протеста. И это вновь заставляет вернуться к тезису о некоей проопартийной деятельности (см. выше, в главе о 2006 году), которая позволяет устанавливать устойчивые горизонтальные связи, находить точки соприкосновения явно разнородных групп, объединенных лишь праворадикальными устремлениями, и согласовывать массовые мероприятия.

Не снизилась публичная активность ультраправых и позже. Митинги, пикеты и шествия, проведенные весной, хотя и не носили общероссийского характера, как 28 января, все равно стали заметным событием.

Наиболее принципиальным моментом является даже не частота и численность митингов и шествий ультраправых, а подчеркнутая лояльность к акциям со стороны государственных органов. Речь здесь идет не о необходимости запрещать митинги и шествия — мы неоднократно подчеркивали, что превентивный запрет был бы незаконен. Однако чем дальше, тем больше праворадикалы дают поводов для абсолютно законного вмешательства правоохранительных органов в ход этих мероприятий.

Так, 1 мая в районе метро «ВДНХ» в Москве коалиция ультраправых организаций во главе с ДПНИ провела первомайское шествие, ставшее, отметим, их первым согласованным с властями маршем с 4 ноября 2005 г. Ни ксенофобные лозунги, ни нецензурная брань, которую, по свидетельствам очевидцев, громко скандировали марширующие, ни нацистский салют не привлекли к себе внимания милиции. Как не привлекли его митинг 26 мая, проведенный неонацистами под лозунгом «Либерализм ведет к деградации. НС — основа здоровой нации»⁵⁶, на котором звучали плохо завуалированные призывы к насилию («Россия будет русской или безлюдной... Удачной охоты, волки»), митинги, приуроченные ко дню рождения Гитлера, когда под окнами Администрации Президента на Старой площади две сотни ультраправых из НСО и других подобных группировок отдавали нацистский салют и то же самое делали их конкуренты из ДПНИ и СС на Пушкинской площади.

Все это происходило на фоне тотальных запретов и жестокого разгона «маршей несогласных» в Москве и Петербурге. Такое разительное различие в отношении к мирным демонстрациям оппозиции и подстре-

⁵⁶ Так выглядел интернет-баннер митинга. На самом митинге «НС» («национал-социализм») было заменено менее вызывающим «национализм».

кательскими по сути мероприятиями неонацистов подчеркивает принципиальное нежелание властей, вопреки их многочисленным декларациям, преследовать противоправные ультраправые проявления и укрепляет в обществе уверенность (возможно, преувеличенную или даже ложную) в существовании политической поддержки этих групп со стороны официальных структур.

В том же ряду стоит нападение на участников очередного несостоявшегося гей-парада в Москве 27 мая. В отличие от прошлого года, подготовка к этому мероприятию не носила столь откровенно провокационного характера, да и о месте «парада» — на самом деле пикета против гомофобии — было известно заранее. Это помогло хотя и плохо, но организовать охрану участников пикета. Однако, безусловно, организовывая нападение, скинхеды не могли не знать многократных гомофобных заявлений мэра Москвы Юрия Лужкова, а также депутатов Госдумы от различных партий (некоторые из которых не только выступали за запрет гей-парада, но и публично одобряли гомофобное насилие⁵⁷). Все это давало нападавшим надежду на снисходительность милиции, и надежда эта оправдалась: по свидетельствам очевидцев, милиция в ряде случаев сначала позволяла воинствующим гомофобам избить жертву, а уже затем задерживала нападавших.

Попустительство гомофобному насилию привело к дальнейшему росту напряженности и новым насильственным инцидентам. Так, 12 июня 2007 г. молодежное движение «Георгиевцы», до этого не замеченное в ксенофобных акциях, объявило о начале «очистки» Ильинского сквера в Москве от гомосексуалистов. Изначально было очевидно, что акция эта не ограничится ненасильственными действиями и будет сопровождаться многочисленными провокациями⁵⁸. Правоохранительные органы никак не отреагировали на акцию, к которой немедленно присоединились ультраправые. Известно как минимум одно документально зафиксированное нападение представителей Славянского союза на представителя секс-меньшинства у памятника героям Плевны. Судя по всему, «патрулирующие» сквер приняли участие и в драке между праворадикалами и кавказской молодежью на Славянской площади 22 июня⁵⁹.

⁵⁷ Так, например, единокорос Александр Хинштейн предложил объединить дату проведения гей-парада с Днем пограничника и Днем ВДВ, подчеркнув, что всем пограничникам и десантникам за их возможные действия будет гарантирована амнистия. См.: Александр Хинштейн предлагает провести гей-парад в День Пограничника в ЦПКиО // Regions.ru. 2007. 30 апреля (<http://www.regions.ru/news/2078528>).

⁵⁸ Так, 16 июня 2007 г. участники пикета были избиты неизвестными.

⁵⁹ В результате ее 1 человек погиб, количество пострадавших неизвестно.

Собственно только после этой массовой драки под окнами Администрации Президента, вызвавшей большой резонанс, не только были предприняты какие-то меры давления на ультраправые группировки Москвы (в частности, вскоре после этого был задержан формально находившийся в розыске, но никем не разыскивавшийся лидер группы «Формат 18» Максим («Тесак») Марцинкевич), но и пикет «георгиевцев» был прекращен, а доступ в сквер закрыт на несколько месяцев под предлогом ремонтных работ.

Публичная активность праворадикалов сошла на нет только к середине июля, когда, по всей видимости, сказались усталость от напряженной деятельности, массовых беспорядков и драк мая-июня, и относительное давление, которому ультраправые группы все же начали подвергаться со стороны правоохранительных органов.

Провоцирование массовых беспорядков

В течение всего описываемого периода можно было наблюдать, как умело праворадикалы эксплуатируют уже накопленный опыт в провоцировании массовых беспорядков. Однажды найдя удачную модель, ультраправые пытаются ее реализовывать при любом кажущемся им удобным случае. Поводом к подстрекательству может стать любой конфликт, закончившийся серьезными увечьями или смертью, в котором участвуют люди разной этнической принадлежности.

Любая такая драка представляется как «межнациональный конфликт», очередным эпизодом «беспредела нерусских, уничтожающих русских людей». В город приезжают активисты праворадикальных организаций (прежде всего ДПНИ) из соседних городов, а при удачном стечении обстоятельств — и из Москвы, улицы обклеиваются провокационными листовками дискриминационного (антикавказского, антимигрантского и т.д.) содержания. Организуется «народный сход», проведение которого, в отличие от митинга, не нужно согласовывать с властями. А если поводом к возмущению стала гибель человека, то сход привязывается к похоронам, когда эмоции людей, потерявших близкого человека, легко направить в нужное умелому пропагандисту русло. Координация организационных действий традиционно происходит на сайте (форуме) ДПНИ. На «сходе» принимается резолюция, заранее подготовленная праворадикалами, и далее следуют столкновения с милицией и попытки погромов.

Правда, стоит отметить, что после кондопожских событий этот сценарий, к счастью, ни разу не удалось осуществить до конца, поскольку не только праворадикалы, но и власти, и правоохранительные органы с ним знакомы и успевают предотвратить насильственные действия.

Наиболее крупным инцидентом такого рода стали события в Ставропольском крае в мае-июне 2007 года. Бытовая драка, быстро принявшая массовый характер⁶⁰, произошедшая 24 мая в одном из районов города, вызвала стремительный рост межэтнической напряженности в городе, распространение панических слухов о десятках «убитых кавказцами русских», попытки поджогов «кавказских» объектов и т.д. Ситуация усугубилась жестоким убийством 3 июня двух студентов, которое немедленно было приписано «кавказцам». Резкая активизация местных ультраправых группировок была поддержана извне, в первую очередь ДПНИ и РОНСом, руководители которых А. Белов и И. Артемов выехали в Ставрополь для участия в «народном сходе», назначенном на 5 июня.

Надо отметить, что власти Ставрополя, безусловно, ожидавшие такого развития событий, предпринимали отчаянные меры для предотвращения силового развития конфликта. В город были стянуты дополнительные силы ОМОНа, все экстренные службы были приведены в повышенную готовность (в частности, надо отметить оперативные выезды пожарных при попытках поджогов). В конечном итоге, агрессивную толпу, возвращавшуюся с митинга, который носил ярко выраженный националистический характер, хоть и не сразу, но удалось остановить. В результате было разбито несколько машин, однако более серьезных погромов не произошло. Как минимум один из активистов местного РОНСа был задержан по обвинению в возбуждении национальной ненависти. Для разрядки обстановки власти прибегали и к незаконным методам, уже отработанным на других массовых мероприятиях: в частности, накануне митинга был задержан направлявшийся в Ставрополь А. Белов.

Впрочем, при высокой оценке действий ставропольских властей по непосредственному предотвращению конфликта, необходимо отметить и их непоследовательность. Во-первых, первоначально, как и в большинстве подобных случаев, была предпринята попытка заблокировать информацию о происходящем. Это вызвало лишь эффект моментального распространения панических слухов. Когда начала поступать официальная информация о конфликте, было уже поздно — сбить эту волну так и не удалось. Во-вторых, милиция, очевидно, не имела четких установок на то, как реагировать на «нестандартное» поведение ультраправых организаций в городе, в том числе и в «пиковый» период конфликта. Так, задержание лидера местного РОНСа проходило на фоне заявлений о том,

⁶⁰ По разным сведениям, в ней принимали участие от 40 до 200 человек. В результате драки погиб один человек с «кавказской стороны».

что участники националистического автопробега, организованного конкурирующей с РОНСом местной ультраправой неоязыческой группировкой, будут включены в добровольные дружины по охране порядка в городе⁶¹. Одновременно была предпринята попытка представить ставропольские события как действия «профессиональной руки, которая сделала немало черных дел в Югославии, на Украине, в Грузии, Киргизии, а теперь страшно жаждет “помочь” России». Все это вызывает опасения, что реальные причины и организаторы массовых беспорядков не будут выявлены, и, соответственно, возможность повторения подобных событий сохраняется. А одним из частных результатов конфликта может стать инкорпорирование ультраправых активистов региона в парамилитарные формирования, тесно сотрудничающие с правоохранительными органами.

Июньские события в Ставрополе были хотя и самыми крупными, но отнюдь не единственными событиями, когда ультраправые организации с разной степенью успешности пытались переориентировать бытовые конфликты в этническое русло.

В том же Ставропольском крае несколькими месяцами ранее предпринималась попытка спровоцировать массовые беспорядки, «привязав» их к очевидно криминальному убийству одного из местных казачьих атаманов.

По сходному сценарию развивались события в городе Красноармейске Саратовской области, где была попытка спровоцировать погромы после драки между местными азербайджанским и русским предпринимателями, известными своими давними неприязненными отношениями (драка закончилась гибелью русского участника конфликта). После того, как в город приехали ультраправые из соседних регионов, стали распространять листовки антикавказского содержания, власти стянули в Красноармейск ко дню похорон силы милиции из соседних районов области, а также провели задержания наиболее активных пропагандистов, которые оказались членами партии «Народный союз» Сергея Бабурина⁶².

Так же, как и в Ставропольском крае, в Саратовской области справившиеся с конкретным конфликтом власти региона не сделали ничего

⁶¹ Отношения между православными и неоязыческими ультраправыми группировками Ставрополя серьезно обострились в марте 2007 года. После этого начались взаимные обвинения в провокаторстве и предательстве, а затем последовало избиение РОНСовцами жреца неоязычников.

⁶² Членство задержанных в партии было позже подтверждено С. Бабуриным. См.: «Остановить нарастающую русофобию!». Заявление VII Съезда Политической Партии «Народный Союз» // Время (Орган партии «Народный союз»). 2007. 5 апреля (<http://www.partia-nv.ru/vremya/Numbers/2007/14/pp3.html>).

для предотвращения подобных ситуаций в дальнейшем. Скорее, даже наоборот: не было попыток привлечь к уголовной ответственности наиболее активных провокаторов погромов («наказание» активистов «Народного союза» ограничилось «выдворением за пределы района»).

Такая реакция укрепляет в праворадикалах ощущение безопасности и лишь подталкивает их к поиску более эффективных средств провокации, направленных на преодоление тактических препятствий со стороны властей и правоохранительных органов. А принятие властями инспирированных ультраправыми дискриминационных требований «сходов»⁶³ закладывает фундамент для дальнейшей нестабильности и легитимирует дискриминационные практики.

Отметим и еще одну сторону деятельности праворадикалов, в первую очередь ДПНИ, связанную с провоцированием массовых конфликтов. Как уже было сказано выше, ДПНИ очень хорошо умеет работать в медийном пространстве. В частности, в ситуации подконтрольности официальных СМИ и стремлении властей (вероятно, рефлекторном) к закрытию информации подобного рода от общественности ДПНИ все чаще выступает как единственный ньюсмейкер, уже не сообщая о событии, а искусственно конструируя его. Бытовые драки и конфликты или даже неудачные нападения ультраправых, закончившиеся поражением последних, представляются ДПНИ и аффилированными с ними информационными ресурсами как «крупные межэтнические столкновения», «акты террора против русского народа» и т.п. и, в отсутствие альтернативной информации, создают выгодный для организации информационный фон, который потом не в состоянии разрушить более достоверная информация. Так, например, произошло, когда после ставропольских событий в СМИ была «вброшена» новость о «межэтнических столкновениях» в Омске, оказавшаяся впоследствии сильно искаженной информацией о нескольких не связанных между собой бытовых инцидентах⁶⁴.

Одновременно с преодолением медиаблокады ДПНИ и ассоциированные с ним организации создают себе образ влиятельной в милицеских кругах организации — массово тиражируя истории о том, как им силами своих адвокатов удается освобождать «соратников», задержанных милицией. Это, в свою очередь, не может не привлекать в ряды движения все новых и новых сторонников, склонных к противоправным действиям.

⁶³ В 2007 году требования сходов были частично (создание ДНД) удовлетворены и в Ставрополе и в Красноармейске (в последнем прямо говорилось о создании «инициативной группы по защите русскоязычного населения»). См.: Взгляд-Инфо (Саратов). 2007. 12 марта (<http://vzsar.ru/news/3240.html>).

⁶⁴ Подробнее см.: Кожевникова Г. Зубы дракона // Грани.Ру. 2007. 15 июня.

Коалиции и расколы

В преддверии большого избирательного сезона 2007—2008 годов заметно оживилась и партийная жизнь праворадикалов. Оживление это обозначилось еще в декабре 2006 года, но особенно заметно стало уже в 2007 году, так как в связи с приближением выборов достоянием гласности стали многочисленные склоки (вплоть до рукоприкладства), взаимные обвинения в нечистоплотности и провокаторстве, которые, безусловно, оживили рутинную партийную жизнь.

Наиболее значимыми из проведенных в этот период мероприятий, на наш взгляд стали VII съезд партии «Народная Воля» Сергея Бабурина и учредительный съезд партии «Великая Россия» Андрея Савельева.

VII съезд «Народной Воли» прошел в Москве 24 марта. На нем было принято решение о переименовании партии в «Народный союз» и укрупнении ее за счет ряда родственных организаций, среди которых самым значительным был РОНС. «Народный союз» заявил, что намерен освоить «*поляну русского национализма*», которая осталась единственным незанятым пространством в российском политическом спектре (видимо, среди зарегистрированных партий). Официальным лозунгом стал девиз «За русскую Россию!»⁶⁵, а фактическим манифестом — «Акт единения национальных и народно-патриотических сил России», в котором говорится о «*государствообразующей роли русского народа, создавшего великую державу на основе ценностей православия*»⁶⁶.

Учредительный съезд партии «Великая Россия» («ВР») прошел в Москве 6 мая 2007 г. Официальным лидером партии стал Андрей Савельев. Уставные и программные документы партии демонстративно скопированы с устава и программы документов «Справедливой России», однако практически никто из инициаторов создания новой партии не скрывал, что выступать она будет с откровенно ультраправых позиций. При этом показательно, что почти ничего неизвестно о том, кто же все-таки вошел в партию, или хотя бы в ее руководящие органы. Сообщалось только, что секретарем Центрального совета стал Сергей Пыхтин (давний соратник Д. Рогозина и А. Савельева по Конгрессу русских общин), а секретарем президиума центрального совета — экс-депутат Мосгордумы Юрий Попов, «прославившийся» своими дискриминационными законопроектами. Принципиальным представляется то, что фактическими соучредителями партии выступили КРО и ДПНИ (хотя «партийность» их лидеров — Д. Рогозина и А. Белова, вошедших в состав оргкомитета партии, подтверждена

⁶⁵ Первоначально планировалось взять лозунг РНЕ «Слава России!».

⁶⁶ Летом 2007 года партия успешно прошла перерегистрацию.

так и не была). К моменту написания этой статьи (август 2007 г.) партия уже успела получить отказ в регистрации⁶⁷ и вновь подать документы, а «конспирация» сохраняется до сих пор: ни на сайте КРО, который на сегодняшний момент является официальным публикатором новостей «ВР», ни на персональном сайте А. Савельева никаких сведений о составе Оргкомитета и руководящих органов нам найти не удалось.

Параллельно с созданием новых организаций националистов коалиции уже существующие все больше погрязают в склоках и раздорах.

В мае окончательно был оформлен раскол в Союзе Русского Народа (СРН) — организации, созданной в 2005 году, чтобы объединить широкий спектр православно-монархических организаций националистов разной степени радикальности. Как и предполагалось, после смерти ее лидера Вячеслава Клыкова деятели СРН окончательно перессорились. И хотя на втором съезде Союза, прошедшем в ноябре 2006 года, формальное единство сохранить удалось, вскоре радикалы, возглавляемые Константином Душеновым (Петербург), Михаилом Назаровым (Москва) и Александром Туриком (Иркутск), заявили о непризнании нового лидера Союза — генерала Ивашова, назвав его избрание «провокацией спецслужб и переворотом». В мае в Иркутске был созван альтернативный (третий) съезд СРН, который и закрепил раскол СРН на «умеренное» крыло генерала Ивашова и на радикальное.

Произошел раскол и в Национал-большевистском фронте. Еще в начале 2007 года активисты московского отделения НБФ во главе с Иваном Струковым начали от имени организации (то есть с партийной символикой) участвовать в мероприятиях ДПНИ и ассоциированных с ним организаций. 12 мая 2007 г. в Москве они провели так называемый второй съезд НБФ⁶⁸. Съезд принял решение о переименовании (*«отныне организация будет носить название Русский Национал-Большевистский Фронт»* (РНБФ)), избрал Исполком (Иван Струков, Роман Головкин, Роман Киселев, Яков Горбунов), принял программные документы, подчеркивающие откровенно ультраправый, расистский характер организации⁶⁹. На следующий день было объявлено о том, что этот «съезд» нелегитимен, а сторонники Струкова — раскольники, уже не являющиеся членами НБФ. Однако показательно, что с этим заявлением выступило не официальное

⁶⁷ 25 июля 2007 г. «Великой России» отказали в регистрации по формальным причинам.

⁶⁸ Первый съезд состоялся 25 августа 2006 г.

⁶⁹ Позже было заявлено, что интернет-блог Ивана Струкова, на котором мероприятие 12 мая было названо «съездом Национал-Социалистического Фронта (НСФ)», — провокация противников РНБФ. Впрочем, сути это не меняет.

руководство НБФ (Алексей Голубович и Максим Журкин), а представители Евразийского союза молодежи (ЕСМ), союзники бывших лимоновцев.

Склоки раздирают оргкомитет «Русского марша», на который первоначально пытался опереться Андрей Савельев при создании «Великой России». Оттуда выпали три группировки — Русское объединительное движение (РОД), «Русский порядок» и «Реванш». В Оргкомитете остаются ДПНИ, Национал-патриотический фронт «Память», СС, РОНС, НДПР, Московское отделение СРН (М. Назарова), Свято-Сергиевский СРН (Н. Курьяновича) и вышеупомянутый НБФ И. Струкова.

Окончательное размежевание произошло между ДПНИ и неонацистскими группами НСО Дмитрия Румянцева и «Формат-18» Максима («Тесака») Марцинкевича. Причинами раскола, по всей видимости, стали жесткая борьба за лидерство, подозрения в провокационной деятельности лидера ДПНИ Белова (которые еще более укрепились после того, как в феврале 2007 года ДПНИ объявило об организации в Ставрополе митинга в связи с убийством казачьего атамана Андрея Ханина и не явилось на него). Конфликт дошел до публичного рукоприкладства: 7 марта 2007 г. на одном из мероприятий праворадикалов Румянцев публично, под видеокамеру, довольно сильно ударил Белова после взаимных обвинений в провокаторстве. НСО теперь — постоянный партнер Партии защиты российской конституции (ПЗРК) «Русь», созданной ветеранами РНЕ. «Русь» относительно мало известна, поскольку не организовывала массовых мероприятий, пока еще сохраняла надежды на регистрацию. Но в марте «Русь» получила отказ, а к маю надежды на благоприятное разрешение спора в суде были, очевидно, утрачены окончательно⁷⁰. После чего именно эта партия стала официальным организатором уже упомянутых неонацистских митингов 21 апреля и 26 мая в Москве.

Отметим и еще один скандал в ультраправом лагере, наглядно продемонстрировавший неоднородность этой среды, как правило, скрытой от посторонних глаз. Накануне празднования Дня победы в популярном живом журнале Евгения Валяева, помощника депутата Курьяновича, появился предлагаемый на этот день план мероприятий ультраправых, в котором, в частности, было запланировано возложение цветов к мемориальной плите белогвардейцам — «борцам с Советской властью», поставленной в 90-е годы национал-монархистскими организациями.

⁷⁰ О «регистрационной» истории ПЗРК «Русь» см.: ПЗРК «Русь» не зарегистрировали // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2007. 5 марта (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A1E/991E876>); ПЗРК «Русь» не смогла оспорить отказ в регистрации // Там же. 2007. 27 июля (<http://xeno.sova-center.ru/45A2A1E/991E8F2>).

Казус, однако, заключался в том, что часть персонажей, перечисленных на плите, активно сотрудничала с нацистской Германией, а генерал фон Панвиц был эсэсовцем. Дискуссия о том, может ли русский националист возлагать цветы в память нацистов, развернувшаяся в блоге Евгения Валяева, показала, во-первых, что далеко не все российские ультраправые — гитлеристы и, во-вторых, что идеологические вопросы, просто не обсуждаемые в этой среде (в силу кажущейся очевидности ответов), случайно всплыв на поверхность, способны серьезно расколоть сообщества, до этого выступавшие солидарно по целому ряду вопросов.

Национализм как электоральный ресурс

Организационная активность ультраправых, безусловно, связана со вступлением страны в период федеральных выборов, в которых праворадикалы видят себя активными участниками. Насколько оправданы эти расчеты, сказать сложно, в том числе и потому, что из-за крайней зарегулированности выборов невозможно составить никаких представлений об электоральных настроениях россиян. И тем более трудно рассчитывать на успех тем «новичкам», которые не получают на это санкции Кремля. Но в данном случае действительно важна не столько победа, сколько участие: праворадикалы рассматривают выборы как легальную возможность за государственный счет осуществлять активную публичную пропаганду этнонационалистических идей, выходя на обычно недоступную для них аудиторию. Например, зимой 2007 года в подмосковных Люберцах во время предвыборной кампании⁷¹ праворадикалы проводили пикеты, ходили как агитаторы по квартирам и т.д. Кстати, в Люберцах в качестве агитации вновь использовалась апелляция к скандалу с роликом «Родины» 2005 года «Очистим город от мусора». Здесь листовка кандидата от РОИС (поддержанного ДПНИ) была украшена крупным лозунгом «За Веру, за Волю, за лучшую долю! Очистим город от грязи!», а далее мелким, не привлекающим внимания шрифтом шел набор претензий к городскому коммунальному хозяйству.

Но гораздо больший интерес, нежели электоральные усилия ультраправых, вызывает очевидное намерение «больших» партий, не считающихся националистическими, и их сателлитов сыграть на ксенофобном поле.

Так, в преддверии большого выборного дня 11 марта⁷² партия «Справедливая Россия» («СР») в течение двух недель февраля оказалась

⁷¹ Выборы в Московскую областную думу прошли 11 марта.

⁷² Выборы проходили в 14 субъектах России.

замешана сразу в нескольких националистических скандалах. В случае с антитатарским пикетом в Самаре (он был проведен 16 февраля под лозунгами «*Татарину не место на русском телевидении*», «*Справедливая Россия освободит ГТРК «Самара» от татарского ига*») еще можно говорить о «черном пиаре» и попытке скомпрометировать партию накануне выборов. Но вот в случае с включением в красноярский список кандидатов Олега Пащенко, известного в городе антисемита, которого местная еврейская община вот уже который год безуспешно пытается привлечь к ответственности за возбуждение национальной ненависти, «воля партии» налицо. «СР» не только не исключила его из списка после того, как разразился скандал, инициированный КПРФ, но и заявила о всяческой поддержке своего кандидата⁷³. Заявление Сергея Миронова о принятом «*принципиальном решении об исключении Олега Пащенко из партии*» оказалось демагогией — 15 апреля 2007 г. Пащенко прошел в региональный парламент по партийному списку⁷⁴. Еще один скандал разразился в середине февраля, когда партия презентовала свой молодежный проект «Победа». Его руководитель Юрий Лопусов дал в связи с этим интервью, в котором содержались раскавыченные цитаты из «Майн кампф», что немедленно было отмечено наблюдателями. Показательно, что, хотя с сайта партии интервью было немедленно убрано, содержательную часть критики партия не опровергла, а Юрий Лопусов остается функционером «Справедливой России». И уж тем более безнаказанными остались попытки петербургского справедливоросса Сергея Андреева апеллировать к антигрузинским настроениям, обвиняя своего политического оппонента из «Единой России» известного фигуриста Антона Сихарулидзе в фальсификации результатов выборов при помощи «молодых грузин».

Однако «Справедливая Россия» оказалась далеко не единственной «большой» партией, не скрывающей своего желания эксплуатировать националистические лозунги на выборах.

В частности, на прошедшем 24 марта пленуме ЦК КПРФ о намерении «*в широком аспекте поставить русский вопрос*» заявил лидер КПРФ Геннадий Зюганов. В своем докладе он напомнил, что КПРФ

⁷³ Олег Пащенко будет защищен от нападков политических оппонентов // Независимое информационное агентство (Красноярск). 2007. 6 марта (<http://www.24rus.ru/more.php?UID=11141>).

⁷⁴ В августе 2007 года «Справедливая Россия» включила О. Пащенко в предварительный список кандидатов в депутаты Государственной Думы (№ 7 по Красноярскому краю). См.: Общественное голосование по кандидатам в депутаты Госдумы // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 2007. Август (http://www.spravedlivo.ru/news/section_320/3491.smx?hl=пащенко).

«поставила его в повестку дня еще в 1991 году» и с тех пор постоянно к нему обращалась⁷⁵. В выступлении Г. Зюганова говорилось также, что партия не должна никому — от «Единой России» до «самых реакционных сил» — позволить оседлать «русский вопрос». Самой же КПРФ Зюганов предложил выступать в защиту русской культуры, выработать понятие «русского социализма», а в перспективе озаботиться такими задачами, как *«прорыв к Балтике, собирание русских земель и выход к Черному морю»* и т.п.

«Партия власти» также не оставалась в стороне от работы на «поляне русского национализма». Еще в феврале 2007 года она заявила о начале так называемого Русского проекта — некоей дискуссии «о русскости», суть которой к тому моменту, очевидно, была не ясна еще самим единосотсам. Уже тогда, обращаясь только к списку гипотетических участников дискуссии, эксперты высказывали обоснованные опасения, что проект будет носить откровенно этнонационалистический характер. Спустя несколько месяцев, когда в мае был открыт официальный сайт проекта, опасения эти подтвердились в полной мере. Более того, если в феврале предполагалось лишь, что «Единая Россия», пытаясь рассуждать на «русскую тему», подтолкнет развитие этноксенофобных настроений, не участвуя в них сама, то в мае стало очевидным, что под эгидой партии легитимируются наиболее одиозные идеи и ресурсы праворадикалов. В частности, новостная лента сайта формируется из новостей так называемой Русской сети (баннеры этих ресурсов размещены внизу страницы). Среди участников «Русской сети», помимо вполне уважаемых изданий («Московские новости», РБК), были заявлены, в частности, «Русь Православная» Константина Душенова — газета, которая официально позиционирует себя как «антисемитская черносотенная газета русских националистов» (сам К. Душенов в настоящий момент является фигурантом уголовного дела по ст. 282 УК РФ); журнал «Золотой лев», редколлегию которого возглавляют руководители созданной недавно партии «Великая Россия» Андрей Савельев и Сергей Пыхтин и который не раз публиковал статьи, написанные с чисто расистских позиций⁷⁶; праворадикальную газету «Спецназ России»; сайт «Русской доктрины», содержащей дискриминационные положения в отношении представителей нерусских этносов и неправославных верующих и которую в

⁷⁵ Можно вспомнить, например, скандал с антисемитской брошюрой Зюганова «Святая Русь и Кошево Царство», но в целом в последние годы КПРФ стала реже прибегать к ксенофобной риторике.

⁷⁶ В июле 2007 года «Золотой лев» и «Русь Православная» были исключены из числа партнеров «Русского проекта».

качестве программного документа принимают лидеры уже упомянутой «Великой России»; сайты ЕСМ и «Евразии» Александра Дугина, выступающего сейчас в роли уважаемого эксперта, но более известного как идеолог и пропагандист протофашистских, фашистских и «новых правых» идей в России, и другие не менее одиозные ресурсы⁷⁷.

И здесь же нельзя не вспомнить венчающую первую половину 2007 года акцию подмосковного движения «Местные», ресурс которого, безусловно будет использован «Единой Россией» на предстоящих выборах⁷⁸. В конце июня движение объявило об акции «Нелегальное такси», формальным поводом которой стала борьба с нелегальным частным извозом. Однако вся пропагандистская кампания носила откровенно расистский характер. На рекламных материалах акции ярко выраженной славянка отказывалась садиться в машину к не менее ярко выраженному кавказцу (в видеоролике он был к тому же очень нагл и груб). В соответствующей листовке текст апеллировал при этом к делу Иванниковой (москвичке, зарезавшей насильника, который оказался армянином) — делу, на котором в 2005 году много и плодотворно спекулировало ДПНИ⁷⁹.

Скандал разразился уже в июле, тогда сразу несколько высокопоставленных чиновников обратились в прокуратуру с требованием проверить, не возбуждают ли действия «Местных» национальную ненависть. Но дальнейшее развитие событий не могло не вызвать недоумения у наблюдателей. Так, среди обратившихся в прокуратуру был спикер Московской городской думы Владимир Платонов, который, однако, уже через три дня отозвал свое заявление, обосновав это тем, что организаторы акции внесли в нее необходимые коррективы (что является откровенной дезинформацией — материалы акции до сих пор размещены на сайте организации). Отсутствие реакции правоохранительных органов на столь откровенную расистскую акцию и маневры В. Платонова в очередной раз подчеркивают, что преследование ксенофобной пропаганды в России зачастую осуществляется не в соответствии с ее общественной опасностью, а по принципу политической лояльности властям.

⁷⁷ Русский проект. Официальный сайт (<http://www.rus-proekt.ru>).

⁷⁸ «Местные» являются «карманным» движением губернатора Московской области члена «Единой России» Бориса Громова.

⁷⁹ В августе 2007 года объектом это же движение развернуло крайне агрессивную «антисектантскую» кампанию, результатом которой стало, как минимум, одно нападение на почве религиозной ненависти.

Антиэстонская кампания: от политики к дискриминации

Вслед за антигрузинской кампанией 2006 года, на 2007 год пришлась антиэстонская кампания, связанная с переносом памятника советским воинам из центра Таллина на мемориальное военное кладбище. Не обсуждая в этом докладе моральные и политические аспекты, связанные с вопросами сохранности памятников и мемориалов погибшим в Великой Отечественной войне в России, Эстонии и иных странах, отметим, что, как и осенью 2006 года, кампания из политической довольно быстро превратилась в кампанию этнической дискриминации, к счастью — в отличие от антигрузинской — без человеческих жертв.

Пикетирование, точнее, блокирование, эстонского посольства в Москве сопровождалось не только актами вандализма и создавало угрозу иностранным дипломатам, но и едва не вылилось в открытое насилие против посла Эстонии, когда 2 мая в редакцию газеты «Аргументы и факты» во время пресс-конференции посла Марины Кальюранд ворвались активисты молодежных прокремлевских движений («Местных», «Наших», «России молодой», «Новых людей») и устроили погром⁸⁰. (Попутно отметим, что в этих и подобных пикетах совместно участвуют активисты как прокремлевских — безыдейных — организаций, так и вполне идеологически консолидированные праворадикальные группы, в первую очередь ЕСМ.)

А уже в конце апреля в различных городах России стали появляться оскорбительные и дискриминационные вывески. Так, несколько дней на витрине одного из ярославских кафе висела табличка «Эстонцам и собакам вход воспрещен». В Мурманске рекламный плакат, который приглашал на празднование дня Победы в один из клубов города и содержал ремарку «Прибалтам и полякам не беспокоиться», был размещен на остановках общественного транспорта. Есть свидетельства о подобных плакатах в Москве и Костроме.

В Ставрополе в апреле 2007 года атаман Терского казачьего войска Михаил Серков распространил в местных СМИ заявление, что «казаками будут проведены акции по выявлению эстонцев на территории Ставропольского края и созданию максимально неблагоприятных условий их пребывания в России и ведения ими бизнеса или иного рода занятий». Попытка региональных общественных активистов привлечь атамана к уголовной ответственности за возбуждение национальной ненависти

⁸⁰ За хулиганство в редакции газеты АиФ задержаны 11 человек // РИА «Новости». 2007. 2 мая (<http://www.rian.ru/politics/russia/20070502/64765181.html>).

успехом не увенчалась, поскольку прокуратура посчитала, что в этих его высказываниях нет никаких провокаций и угроз.

А в начале мая петербургское информационное агентство «Духовное наследие» (директор Антон Вуйма)⁸¹ распространило объявление о начале конкурса на создание памятника «Глупому эстонцу» и транснациональной пиар-кампании «по дискредитации умственных способностей эстонцев в мире». Как было сказано в заявлении (отсутствующем, отметим на сайте самого агентства), на конкурс принимаются «все идеи памятника, которые продемонстрируют низкие умственные способности эстонцев и их высокую медлительность, свойственную эстонцам, как нации»⁸². Как и в Ставрополе, правоохранительные органы отказались возбуждать уголовное дело.

Противодействие радикальному национализму

Деятельность неправительственных организаций и общественных активистов

В 2007 году российские НПО и общественные активисты в основном продолжили работу в рамках уже существующих образовательных, просветительских и информационных проектов. Наиболее интересным из них, возможно, стала проведенная в марте 2007 года серия мероприятий в Петербурге. Подготовленные разными организациями и даже порой не согласованные друг с другом, они фактически превратились в своеобразный фестиваль общественных действий по противодействию ксенофобии, направленный на самые разные целевые аудитории. Здесь были и общественная дискуссия по проблемам языка вражды, и международная междисциплинарная конференция, посвященная праворадикальным течениям в молодежной среде, и кинофестиваль антифашистских фильмов «Открой глаза!», и серия фотовыставок, представленных петербургской публике, и другие мероприятия.

Инициативы организованного антифашистского движения, возникшие в 2006 году, в том числе и Российский антифашистский фронт, в 2007 году практически никак себя не проявили.

⁸¹ Не путать с ВОДП «Духовное наследие» Алексея Подберезкина. Информация агентства целиком и полностью посвящена освещению «борьбы против преподавания теории Дарвина в общеобразовательной школе».

⁸² Цит. по: Руслан Линьков подал заявление в прокуратуру на ИА «Духовное наследие» за разжигание межнациональной розни // ЗАКС.Ру. 2007. 3 мая (<http://www.zaks.ru/a0/ru/archive/view.shtml?i=29499&p=0>).

Законотворческая деятельность

Основное направление законотворческой деятельности первой половины 2007 года — модификация антиэкстремистского законодательства, явно направленная, помимо прочего, на расширение возможностей преследования общественных активистов и активистов политической оппозиции. Здесь, в первую очередь, следует назвать законопроект, внесенный в феврале 2007 года группой депутатов от «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР. Он содержал длинный список изменений в комплекс антиэкстремистских законов, направленных главным образом на серьезное (в полтора-два раза) ужесточение наказания за экстремистские преступления и расширение списка этих преступлений (в частности, мотив ненависти, причем не только этнической и религиозной, а также социальной, политической и идеологической, предлагалось внести в ст. 212 — «Организация и участие в массовых беспорядках», что немедленно ставило под угрозу уголовного преследования любого участника акций политической оппозиции). Однако после того, как законопроект был принят в первом чтении 16 мая 2007 г., он не просто подвергся существенной доработке, а был изменен радикально. Ко второму чтению в конце июня вышел фактически новый документ, в котором не только было убрано большинство неразумных и необоснованно репрессивных предложений, но и существенно улучшено само определение экстремистской деятельности⁸³. Именно этот, существенно улучшенный, хотя тоже не лишенный серьезных недостатков, вариант и превратился в августе 2007 года в новый закон⁸⁴.

Здесь же отметим, что, во-первых, 10 мая 2007 г. вступили в силу поправки в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях (законопроект, инициированный Правительством России весной 2006 года). Они ввели в статью 214 УК («Вандализм») мотив ненависти как квалифицирующий признак (срок наказания — до 3 лет лишения свободы), ужесточили наказание за кладбищенский вандализм (ст. 244, срок наказания теперь — до 5 лет лишения свободы) и дополнили состав ст. 20.3 КоАП, помимо публичной демонстрации нацистской символики, ее изготовлением и сбытом.

Во-вторых, в конце апреля 2007 года Президент направил в Государственную Думу законопроект, призванный устранить правовую коллизию,

⁸³ Антиэкстремистские поправки приняты в третьем чтении. Краткий комментарий // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2007. 6 июля (<http://xeno.sova-center.ru/89CCE27/89CD14E/975C903>).

⁸⁴ См. Антиэкстремистское законодательство и его применение.

возникшую в связи с проведением административной реформы 2004 года. До 2004 года Росрегистрация в составе Министерства юстиции (и, соответственно, являвшаяся «органом юстиции») была обязана вести реестр экстремистских материалов и экстремистских организаций и выносить предупреждения организациям за соответствующую деятельность. С преобразованием в 2004 году Федеральной регистрационной службы в самостоятельное ведомство статус «органа юстиции» был утрачен. ФРС интерпретировала коллизию так, что ни выносить предупреждения, ни вести реестр экстремистских материалов она не вправе. Инициированные поправки предлагают вернуть ФРС эти функции⁸⁵. А с принятием антиэкстремистских поправок августа 2007 года обязанность вести реестры экстремистских материалов и организаций уже была закреплена за ФРС.

Отметим также, что «антиэкстремистские» законодательные инициативы в 2007 году стали популярным средством ни к чему не обязывающего пиара и имитации законотворческой деятельности. Так, например, за месяц (с 23 мая по 22 июня) в Госдуме был рассмотрен в трех чтениях, а 3 июля уже вступил в силу закон, «ограждающий» от экстремистов Общественную палату. Закон этот не имеет смысла, поскольку все содержащиеся в нем нормы (запрет на выдвижение кандидатов в Палату организациями, признанными экстремистскими, и организациями, имеющими неснятые предупреждения за экстремистскую деятельность) полностью поглощаются существующей нормативной базой.

Уголовное преследование праворадикалов

Основная активность, связанная с противодействием радикальному национализму в первой половине 2007 года, — это деятельность правоохранительных органов, уголовные преследования за расистское насилие и пропаганду.

Насилие

В первом полугодии 2007 года обвинительными приговорами против людей, совершивших насильственные преступления на почве ненавис-

⁸⁵ Впрочем, как выяснилось в июле 2007 года, технические исправления, возглавлявшие на Росрегистрацию обязанность вести список экстремистских материалов, были внесены в положение о ведомстве еще 2 мая 2006 г. Указом Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года №1315 «Вопросы Федеральной регистрационной службы», и в положение, утвержденной этим Указом».

ти, завершилось не менее 12 процессов против 26 человек (в Москве, Петербурге, Воронеже, Екатеринбурге, Калуге, Красноярске, Омске, Владикавказе, Ставрополе, Сыктывкаре, Тамбове, Ярославле) — цифры практически те же, что в 2006 году за тот же период (12 приговоров против 29 человек). Однако это означает, что позитивная динамика подобных приговоров, которую мы отмечали на протяжении последних четырех лет, явно замедлилась. Конечно, до конца года еще далеко, однако уже сейчас очевидно, что двукратного роста количества приговоров, как это было ранее, не будет.

Безусловно, самым значимым из вынесенных за рассматриваемый период, было решение по делу о взрыве поезда Грозный—Москва 12 июня 2005 г. Дело было длительным и сопровождалось громкими скандалами. В частности, была распущена первая коллегия присяжных, которая в ноябре 2006 года вынесла обвиняемым, праворадикалам Михаилу Клевачеву и Владимиру Власову, оправдательный вердикт. Этот инцидент, без сомнения, ставит под вопрос справедливость обвинительного вердикта, вынесенного 21 марта 2007 г. вторым составом коллегии, и приговора суда 10 апреля, в соответствии с которым М. Клевачев был приговорен к 22 годам, а В. Власов — к 20 годам заключения за покушение на убийство по мотиву национальной ненависти, терроризм и незаконное приобретение и хранение взрывчатых веществ.

Отметим также два обвинительных приговора за насилие по идеологическим (неонацистским мотивам), в котором мотив ненависти был публично признан правоохранительными органами. Это приговор тюменскому скинхеду за нападение на журналистов, освещавших акцию «Еда вместо бомб», и приговор по делу об убийстве Александра Рюхина. Дело Рюхина — один из наиболее громких процессов, связанных с праворадикалами. Напомним, молодой человек был убит группой скинхедов, близких к Славянскому союзу, 16 апреля 2006 г. Трое из шестерых нападавших оказались на скамье подсудимых и 19 июня 2007 г. были признаны виновными в хулиганстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору, нанесении побоев и умышленном причинении легкого вреда здоровью и получили от 4,5 до 6,5 лет лишения свободы (те, кого можно обвинить в самом убийстве, пока не найдены).

В качестве еще одной позитивной черты, связанной с расследованием преступлений, совершенных российскими ультраправыми, следует отметить тот факт, что правоохранительные органы все чаще признают «неонацистскую» версию в эпизодах с применением взрывчатых веществ. И делается это не только в случаях совершенно очевидных (например, при покушении на московского антифашиста в декабре 2006 года), но и

в случаях, где неонацистский мотив ярко не выражен (серия взрывов в Петербурге, произошедших зимой 2007 года).

Пропаганда

Если кардинального улучшения в преследовании расистского и неонацистского насилия в первой половине 2007 года не наблюдалось, то уголовное преследование пропагандистов ненависти заметно улучшилось.

Во-первых, оно очевидным образом активизировалось. За полгода было вынесено не менее 14 обвинительных приговоров против 14 человек: по два — в Сыктывкаре и Новосибирске, по одному — в Вологде, Екатеринбурге, Кирове, Кургане, Калининграде, Москве, Новгороде, Ставрополе, Ульяновске и Челябинске⁸⁶.

Показательно, что, наконец, мы видим активное преследование антисемитской пропаганды. Ранее именно этот вид пропагандистской деятельности фактически не наказывался. Между тем не секрет, что именно антисемитская мифология как наиболее разработанная активно используется праворадикалами, особенно «старого толка», и она становится основой для разработки других пропагандистских направлений в ксенофобии⁸⁷. Весной за антисемитскую пропаганду были осуждены руководитель кировского отделения Концептуальной партии «Единение» Валерий Гончаров и активист вологодской неоязыческой организации Игорь Базанов. Откровенно антисемитский характер носила и большая часть материалов, за распространение которых был осужден руководитель челябинского отделения НДПР Владимир Сутормин. В июне обвинительным приговором завершилось одно из самых длительных судебных разбирательств — против ветерана российского национал-радикального движения Александра Аратова, также известного своим антисемитизмом.

Еще один позитивный момент — очередные удачные примеры преследования за интернет-пропаганду. Это дела лидера калининградского отделения ДПНИ Алексея Сафина, осужденного именно за материалы сайта организации, и активиста скин-группировки «Кур-

⁸⁶ Еще один приговор был вынесен в Пятигорске местному имаму Антону Степаненко. Среди прочего он был признан виновным по ст. 282, но освобожден от наказания из-за истечения срока давности. Мы не включаем его в общую статистику пропагандистских дел, так как, к сожалению, не можем пока оценить, насколько правомерным было это преследование.

⁸⁷ Шнирельман Виктор. СМИ, этническая преступность и мигрантофобия // Язык вражды против общества. С. 142.

ганские бритоголовые» — за создание одноименного интернет-ресурса. Эта правоприменительная практика, наряду с приговорами прошлых лет по аналогичным делам (всего за 3 последних года нам известно о 5 подобных приговорах⁸⁸), на наш взгляд, опровергает аргумент сторонников специального законодательного регулирования интернета, что нынешняя законодательная база якобы не позволяет преследовать интернет-пропагандистов.

Не менее показательный момент в этих делах — преследование не рядовых членов, а лидеров региональных праворадикальных организаций. Из 14 осужденных таковых четверо — уже упоминавшиеся В. Гончаров, В. Сутормин, А. Сафин, а также лидер новосибирского отделения НДПР Игорь Колодезенко. К этому стоит добавить июльский приговор лидеру Екатеринбургского отделения Народной национальной партии (ННП) Сергею Котову, августовский — руководителям Рязанского отделения РНЕ. В момент завершения статьи под следствием находится лидер Амурского Союза русского народа Игорь Терехов, а в заключении — лидер Коми отделений НДПР и ДПНИ Юрий Екишев и лидер астраханского ННП Игорь Могилев. Учитывая все это, можно говорить о некоей позитивной тенденции в преследовании руководителей праворадикальных группировок в регионах. Впрочем, касается это именно региональных лидеров.

«Вожди» рангом повыше по-прежнему уходят от ответственности. Конечно, нет ничего удивительного в том, что было прекращено уголовное дело, заведенное Карельской республиканской прокуратурой против А. Белова, — слишком слабы были аргументы, да, видимо, и большого желания провести качественное расследование не было. Но удивительно, что деятельность ДПНИ, которое вполне открыто выступает координатором и подстрекателем большинства массовых конфликтов, все чаще вспыхивающих в регионах России, в принципе не привлекает официального внимания российского правосудия. А в том случае, если «общероссийские» группы все-таки попадают в поле зрения следствия, то, как в случае в А. Аратовым, суды по-прежнему ограничиваются условными сроками без каких-либо дополнительных санкций.

Зато все более и более обоснованной выглядит версия, согласно которой многочисленные и хорошо скоординированные DDoS-атаки на серверы ресурсов ДПНИ и ассоциированных с ним структур либо прямо

⁸⁸ Помимо уже упомянутых, это приговоры 2006 года в Кемерово и 2005 года — в том же Кемерово и в Сыктывкаре.

организованы, либо инспирированы российскими спецслужбами⁸⁹: атаки эти приурочены к мероприятиям, к организации которых ДПНИ в разной степени причастно. Возникает удивительный парадокс: государство отказывается от законного преследования праворадикалов и предпочитает «затруднять» их деятельность путем незаконных хакерских атак. Таким образом, в общественном мнении легитимируются как сама деятельность ультраправых, так и незаконные действия хакеров.

Из 14 осужденных лишь четверым суды назначили в качестве наказания условные сроки без каких-либо дополнительных санкций (А. Сафину, А. Аратову, ульяновскому подростку, дважды в конце 2006 года напавшему на городскую синагогу, и 50-летней жительнице Кисловодска, осужденной за неоднократные ксенофобные высказывания). Все остальные приговоры, за исключением приговоров солдату-срочнику в Новосибирске, новгородскому активисту НДПР Павлу Иванову и уже упоминавшемуся И. Колодезенко, о которых речь пойдет ниже, предусматривают реальные наказания, не связанные с лишением свободы: штрафы, исправительные работы и, что самое важное — запрет на журналистскую деятельность (в Челябинске и в Новгороде). И это, на наш взгляд, поразительный прогресс в улучшении правоприменительной практики по пропагандистским делам.

Обычно мы выступаем против лишения свободы за пропаганду, не связанную с насилием, но приговоры в отношении Павла Иванова (2 года и 4 месяца лишения свободы с двухлетним запретом на журналистскую деятельность) и Игоря Колодезенко (2 года лишения свободы) мы считаем вполне правомерными и обоснованно суровыми: оба они не впервые осуждены по ст. 282, но в предыдущих случаях, в соответствии со сложившейся практикой, получили лишь условные сроки, не совмещенные ни с каким дополнительным наказанием, и от противоправной деятельности не отказались.

Особняком стоит дело новосибирского солдата-срочника, завершившееся в Новосибирске 27 апреля 2007 г. Обвиняемым был солдат из Дагестана, который, помимо грабежа и ложного сообщения о теракте, был призван виновным в возбуждении национальной ненависти за неоднократные публичные призывы «резать русских». Именно по со-

⁸⁹ По аналогичным сценариям организуются DDoS-атаки и на серверы политической оппозиции. А «провластный» характер таких атак косвенно подтверждается прецедентом, связанным с хакерской атакой на эстонские серверы, организованной активистом движения «Наши». Подробнее об этом см.: Одному из комиссаров «Наших» запрещен въезд в ЕС и США за хакерские атаки на эстонские сайты // Новая газета. Новости. 2007. 31 мая (<http://www.novayagazeta.ru/news/110804.html>).

вокупности этих преступлений он был приговорен к 5 годам лишения свободы.

Это первое известное нам дело в отношении военнослужащего срочной службы. Закрытость армии, отсутствие внятной информации о любых происшествиях в войсках не позволяют судить о масштабах ксенофобных настроений среди военнослужащих. Хотя слухов о многочисленных конфликтах подобного рода появляется множество. Косвенным подтверждением неблагополучия являются, например, краткие информационные сообщения о том, что *«в январе 2007 года случилось то, что представители УФСБ назвали «межнациональным силовым конфликтом военнослужащих одной из войсковых частей», а в феврале в пожарном училище произошла массовая драка — курсанты из южных регионов и центра России избивали друг друга»*⁹⁰. Подробностей этих инцидентов найти, как правило, не удается. И можно только надеяться, что прецедент с новосибирским солдатом заставит обратить внимание на проблему ксенофобии в вооруженных силах.

Экстремистские материалы

С начала 2007 года было вынесено не менее четырех специальных судебных решений о признании материалов экстремистскими⁹¹. Это решения Северодвинского городского суда (Архангельская область) по статье лидера местного отделения НДПР Георгия Знаменского «Оранжевая колба», Перовского суда Москвы — по двум книгам праворадикального писателя-фантаста Юрия Петухова, Советского суда Новосибирска — по четырем сайтам чеченских сепаратистов и исламистов и Центрального суда Читы — по материалам газеты «Русское Забайкалье».

К сожалению, нам неизвестны подробности рассмотрения дела по книгам Ю. Петухова, но остальные дела наглядно демонстрируют как в отсутствие обобщенной практики суды, каждый по-своему, решают новую для них задачу⁹².

В Архангельске разбирательство велось в связи с публикацией в местной газете полной версии статьи, до этого в усеченном (и, таким

⁹⁰ Межнациональные конфликты сотрясают вузы и воинские части // Мое (Воронеж). 2007. 5 июня (<http://www.moe.kpv.ru/view/text.shtml?24570>).

⁹¹ Исключая решения о признании экстремистским русских переводов книг Саида Нурси, которое мы считаем неправомерным.

⁹² Напомним, 9 июля 2007 г. впервые был опубликован список экстремистских материалов, подготовленный Рсохранкультурой. До этого не просто не существовало такого списка, но и практика подобного судопроизводства оставалась для всех практически неизвестной.

образом, в более умеренном) виде опубликованной в «Советской России». Автор статьи апеллировал именно к тому, что публикация в «СР» внимания правоохранительных органов не привлекла. Однако суд этих доводов не принял, признав, что именно в заключительном абзаце текста, как он был опубликован местной газетой, и содержались призывы к экстремистской деятельности: *«взять в руки бейсбольные биты и идти на улицы городов»*.

В Чите городской суд признал экстремистским материал с сайта «Народный контроль»⁹³ (отклики о событиях в Кондопоге), перепечатанный в газете «Русское Забайкалье»⁹⁴. И здесь стало очевидным, что практика признания экстремистским материала (то есть административное судопроизводство, не предполагающее преследование конкретных лиц), позволяет избежать коллизий, с которыми часто сталкивались суды при попытке уголовного преследования издателей-праворадикалов. Ссылка на то, что материал является републикацией с интернет-сайта, часто давала возможность издателям если не избегать преследования вообще, то максимально затягивать рассмотрение уголовных дел, которые против них заводились. Здесь же апелляция редактора газеты к этому обстоятельству судом принята не была, так как суд провел расследование именно в отношении текста, а не публикатора.

Дело в Новосибирске еще более любопытно. 23 мая 2007 г. решением суда Советского района Новосибирска был ограничен доступ к четырем интернет-ресурсам, материалы которых были признаны экстремистскими. Речь идет об исламистских и сепаратистских сайтах — «Кавказ-Центр», «ЧеченПресс», «Даймокс» и «Аланское (Карачаево-Балкарское) информационно-аналитическое агентство», материалы которых, как отмечалось прокуратурой Советского района в направленном 13 марта 2007 г. в суд представлении, содержали *«пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды»*. Все сайты физически располагаются за пределами России, поэтому закрыть их, не используя международные правовые механизмы, правоохранительные органы не в состоянии.

В этой ситуации нельзя не оценить оригинальность подхода новосибирских правоохранителей. Следствием решения о признании сайтов экстремистскими стало то, что суд вынес постановление, обязывающее

⁹³ Сайт организации, ассоциированной с ДПНИ, инициировавшей антиазербайджанские митинги в Москве. На сегодняшний день сайт не функционирует по неизвестным причинам.

⁹⁴ Решение пока не вступило в силу.

одного из районных интернет-провайдеров Новосибирска заблокировать доступ к указанным ресурсам.

Согласно закону «О противодействии экстремистской деятельности» таковой является и «*содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности ... телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг...*». Однако вряд ли можно таким образом толковать деятельность интернет-провайдера, отвечающего не за содержание сайтов, а лишь за доступ в интернет (в котором находятся самые разные, в том числе и действительно экстремистские, ресурсы). Отнюдь не очевидно также, что судебное решение о признании сайта экстремистским автоматически обязывает всех интернет-провайдеров блокировать доступ к нему: ведь закон запрещает распространять экстремистские материалы, но интернет-провайдер не осуществляет никакого распространения (не больше, чем, например, телефонная компания). Следовательно, указанный закон не предполагает никакой ответственности интернет-провайдера за «экстремистский» контент, который читает клиент. Таким образом, последовательные судебные определения в отношении каждого локального интернет-провайдера, находящегося в юрисдикции данного конкретного суда, можно рассматривать не как санкции в адрес интернет-провайдеров, а как решения в обеспечении реализации основного судебного решения — о признании материалов сайтов экстремистскими.

Это первое известное нам решение суда такого рода в российской правоприменительной практике. Схема ограничения доступа, избранная в Новосибирске, хоть и очень громоздка, но относительно эффективна и в принципе оправдана отсутствием общепринятых легальных механизмов ограничения доступа к информации, размещенной на зарубежных серверах. (Другое дело, что принятый в России уровень запретов на свободу высказывания в целом явно завышен.)

Другие формы государственного противодействия

Активизируются и другие механизмы преследования праворадикалов. Довольно часто в первой половине 2007 года, особенно весной, становилось известно об административном преследовании за демонстрацию нацистской символики и символики, схожей с ней до степени смещения. И хотя нам известно всего о трех административных взысканиях (в Екатеринбурге, Амурской и Тюменской областях), очевидно, что такого рода эпизодов гораздо больше. Например, по заявлению проку-

ратуры Свердловской области, только в этом регионе с начала 2007 года возбуждено 5 административных производств по ст. 20.3 КоАП. Еще 6 административных дел было возбуждено в Республике Коми.

Впрочем, зачастую атрибутика современных неонацистов не совпадает с атрибутикой Третьего рейха, хотя и однозначно понимается и представителями скинхедской субкультуры, и сторонними наблюдателями именно как обозначение неонацистской ориентации. И тогда возникают правовые коллизии, подобные той, которая произошла во время футбольного матча в Ярославле 31 марта. Во время матча на трибуне в толпе болельщиков был поднят самодельный флаг с изображением кельтского креста, вполне справедливо атрибутированный охранявшими матч милиционерами как неонацистский символ. Они отобрали флаг, причем, как это часто случается, применив чрезмерную силу. Последнее стало поводом для заявлений одного из пострадавших (известного в городе скинхеда, причастного к нескольким расистским нападениям) о милицейском произволе. Правда, необходимо отдать должное ярославским милиционерам: привлечь скинхеда по ст. 20.3 КоАП они даже не пытались, оправдывая изъятие флага (который был потом возвращен хозяину) попыткой предотвратить массовые беспорядки среди агрессивно настроенных болельщиков, которые могло спровоцировать полотнище, то есть апеллировали не к неонацистской символике, а к необходимости профилактики правонарушения.

Довольно активна в этот период была Росохранкультура, которая вынесла не менее 18 предупреждений за публикации, расцененных ею как «экстремистские», хотя необходимо отметить, что по меньшей мере три из них мы считаем неправомерными⁹⁵. Как минимум одно предупреждение, вынесенное Росохранкультурой (бузулукской газете «За Веру, Царя и Отечество!»), стало основанием для возбуждения уголовного дела против публикатора.

В рамках тотальной проверки политических партий, проводимой в соответствии с новыми требованиями партийной регистрации, среди прочих были ликвидированы и две праворадикальные организации, активно использующие в своей пропаганде ксенофобную (прежде всего антисемитскую) риторику. 16 апреля 2007 г. Верховный суд удовлетворил иск Росрегистрации о ликвидации Народно-патриотической партии России, возглавляемой экс-министром обороны, а затем депутатом Госдумы Игорем Родионовым и известным в прошлые годы национал-патриотом

⁹⁵ В настоящее время мы не обладаем информацией, позволяющей нам оценить правомерность предупреждений в отношении двух газет — горноалтайского «Листка» и уфимских «Провинциальных вестей».

Владимиром Милосердовым. А 15 мая аналогичное решение было вынесено в отношении Концептуальной партии «Единение» Константина Петрова (в 2003 году запомнившейся многим избирателям рассуждениями о «Мертвой воде» и лозунгом «Бог – есть!» в предвыборной программе). Однако, подчеркнем, обе организации ликвидированы по формальным причинам, а отнюдь не запрещены за экстремизм, так что они вполне могут продолжать свою деятельность в качестве общественных организаций или вовсе без юридического лица.

Также по формальному признаку в марте было отказано в регистрации ПЗРК «Русь». Партия пыталась обжаловать это решение в суде, однако неудачно.

Кроме этого, необходимо отметить активизацию надзорной деятельности прокуратуры, связанной с проверками исполнения антиэкстремистского законодательства. К сожалению, обобщенная информация по этому вопросу не публикуется, поэтому об активности ведомства приходится составлять представление из разрозненных и крайне несистематизированных сведений.

Так, например, известно как минимум об одном предупреждении, вынесенном прокуратурой по факту осуществления организацией экстремистской деятельности. Оно было вынесено петербургскому отделению РНЕ, и, поскольку не было оспорено в суде, петербургская прокуратура обратилась в Генеральную прокуратуру с просьбой инициировать процесс по признанию этой организации экстремистской.

Но особый интерес в деятельности прокуратуры в этот период вызывает надзор за исполнением антиэкстремистского законодательства местными администрациями. Не вполне понятно, носит ли он систематический характер или же эти меры спровоцированы событиями в Кондопоге и попытками провокаций в других регионах. По крайней мере, ничего подобного до 2007 года нам слышать не приходилось. Теперь же стало известно, что только в Дальневосточном федеральном округе в 2006–2007 гг. (по май включительно) за административное бездействие в профилактике экстремистских проявлений прокуратура вынесла местным чиновниками не менее 31 предостережения и представления, три человека были привлечены к дисциплинарной ответственности. И совсем уникальным выглядит судебное решение Хилокского районного суда Читинской области, признавшего по иску местной прокуратуры незаконным бездействие органов местного самоуправления в сфере соблюдения законодательства о противодействии экстремизму и терроризму в связи с азербайджанским погромом в Харагуне в мае 2006 года.

Антиэкстремистская риторика как способ дискредитации политических оппонентов

В первом полугодии 2007 года сохранилась тенденция использования антиэкстремистской, антифашистской риторики как средства дискредитации политических оппонентов. Этот пропагандистский фон постоянно сопровождает все более очевидно усиливающееся давление на активистов, критически настроенных по отношению к режиму в целом или к отдельным представителям власти⁹⁶.

Внутри страны первенство по-прежнему удерживает движение «Наши», традиционно представляющее «Другую Россию» как *«безнравственный альянс фашистов и псевдо-либералов, финансируемый беглыми преступниками и заезжими дипломатами, скрепленный ненавистью к Путину и желанием вернуться. Чтобы продолжать грабить страну»*⁹⁷. Однако при этом надо отметить, что к «антифашизму» «Наших» добавился и своеобразный национализм. Теперь политическая оппозиция для «Наших» – не только «фашисты», но и «русофобы/путинофобы». Вот что пишет на портале Кремль.Орг о «Маршах несогласных» федеральный куратор экспертов движения «Наши» Ражап Мусаев: *«Маршисты больны. Крайней стадией параноидальной русофобии. Назовем ее путинофобией»*⁹⁸.

К «антифашистскому» пафосу «Наших» присоединилась и «Молодая гвардия Единой России»: *«Это (анархисты и нонконформисты. – Г.К.) “штурмовики” “Другой России”, наподобие штурмовиков СА»*.

Впрочем, подобные заявления внутри страны стали настолько привычными, что на них уже не обращают внимания. Новостью весны стали лишь «разъяснения» милиции, что «марши несогласных» проводят скинхеды⁹⁹, причем эти обвинения развились, в частности, в обвинения «несогласных» в организации уже упоминавшейся массовой драки на Славянской площади¹⁰⁰.

⁹⁶ См.: Антиэкстремистское законодательство и его применение.

⁹⁷ Кто в России является фашистом? // Эхо Москвы. 2007. 11 апреля (<http://www.echo.msk.ru/programs/exit/50939>).

⁹⁸ Мусаев Ражап. «Россия для американцев!» // Кремль.Орг. 2007. 16 апреля (<http://www.kreml.org/opinions/147217099>).

⁹⁹ «Несогласные» столкнулись с этим в Нижнем Новгороде и Самаре. «Скинхеды» фигурировали и в сообщениях о жестоко разогнанных маршах в Москве и Петербурге соответственно 14 и 15 апреля.

¹⁰⁰ Представители московского ГУВД, в частности, заявили: «Лево-радикальным организациям не удалось провести “Марш несогласных” по улицам Москвы, поэтому они пытаются раскачать общество с помощью молодежи на межнациональной почве». Цит. по: В Зеленограде предотвращена массовая драка // Коммерсант. 2007. 11 июля.

Стоит отметить скандал, связанный с интервью Э. Лимонова «Газете» в начале апреля. Вскоре после публикации интервью сайты «Единой России», СПС, ЛДПР и «Гражданской силы» (Михаила Барщевского) поместили заявления, осуждающие появление материала как *«предоставление трибуны экстремисту»* (показательно, что едва ли не впервые при этом политики апеллировали к уже подзабытому «Антифашистскому пакту» начала 2006 года). Правда, позже представители всех политических партий, за исключением «Единой России», дезавуировали свои заявления, объяснив это ошибками партийных пресс-служб, однако на практике лишь ЛДПР убрала со своего сайта «антилимоновское» заявление¹⁰¹, что, с другой стороны, не помешало ЛДПРовцу Сергею Абельцеву направить депутатский запрос в Генеральную прокуратуру *«с тем, чтобы прокуратура повнимательнее разобралась»* с опубликованным «Газетой» интервью.

«Антиэкстремистская» истерия постепенно начинает прорываться даже на внешнеполитические мероприятия. Так, 29 марта 2007 г. на конференции ОБСЕ по свободам собраний, ассоциации и высказывания в Вене представитель России выразил официальное возмущение тем, что на конференции присутствует представитель Общества российской дружбы (ОРЧД), которую дипломат назвал «экстремистской организацией». Официальное выступление было дополнено репликами прибывшего с официальной российской делегацией известного политолога Сергея Маркова, резко осудившего присутствие ОРЧД как организации не только «экстремистской», но и «связанной с террористами». Между тем конференции ОБСЕ носят открытый характер, и на них присутствуют любые НПО на основании «самозаписи», если они не причастны к политическому насилию (на что и указал представитель Евросоюза). Более того, ОРЧД было ликвидировано, но не было признано экстремистской организацией, да и обвинения в «контактах» с террористами, высказанные в адрес общества, также не имеют правовых оснований¹⁰².

¹⁰¹ См., например: Проповедники экстремизма и ксенофобии должны остаться никому не нужными маргиналами // Гражданская сила. 2007. 6 апреля (http://www.grsila.ru/document_id3037.html); Заявление пресс-службы политической партии «Союз правых сил» по поводу интервью Э. Лимонова газете «Газета» // Официальный сайт СПС. 2007. 6 апреля (<http://sps.ru/?id=219825>).

¹⁰² Представители РФ и далее протестовали против участия ОРЧД в мероприятиях ОБСЕ. Последнее событие на момент завершения этой статьи: российская делегация 28 сентября 2007 г. покинула заседание конференции ОБСЕ в знак протеста против предоставления слова представителю ОРЧД.

Заключение

2006 год стал годом существенных и в основном негативных изменений в развитии этнорелигиозной ксенофобии и радикального национализма в России. А события 2007 года лишь подтвердили, что изменения эти носят устойчивый характер.

Наряду со стабильным ростом расистского насилия, который неизменно остается в пределах 20–25 % в год, мы видим и его качественные изменения — использование огнестрельного оружия, взрывчатки, б лшую демонстративность преступлений.

Продолжился и рост публичной активности праворадикальных группировок, которые интенсивно и, главное, успешно ищут как новые формы взаимодействия друг с другом, так и способы вербовки сторонников в аполитичном и малоактивном российском обществе. Организация массовых акций, присоединение к социальному общественному протесту и переориентация его в этнорелигиозный, образование новых, ранее совершенно немислимых, альянсов, укрепление и демонстрация связей политических организаций со скинхедской средой (в частности, появление в Государственной Думе и региональных парламентах депутатов, открыто сотрудничающих со скинхедами, оказывающих им прямую юридическую поддержку) — вот черты прошедшего периода в этой области.

При этом со второй половины 2006 года, со времени погромов в Кондопоге, можно было наблюдать активную и повсеместную экспансию этнонационализма как в общественную жизнь (к националистической риторике начали обращаться даже политики, которые считаются либералами), так и во внутривластную государственную практику, где эта экспансия вылилась в антигрузинскую и антиэстонскую дискриминационные кампании и в популистское постановление о запрете иностранцам (а в пропагандистском обеспечении — «иногородцам») торговать на российских рынках.

Безусловно, в рассматриваемый период накапливался и позитивный опыт противодействия радикальным проявлениям ксенофобии. Это и попытки консолидации антифашистских общественных сил, и более активное уголовное и административное преследование праворадикалов, как скинхедов, так и пропагандистов ненависти, и улучшение качества юридической квалификации преступлений, и появление практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делам, так или иначе связанных с деятельностью ультраправых в России. К сожалению, достижения во всех этих сферах все равно остаются довольно слабыми, а главное — не стали систематическими, так что не способны не только

переломить, но даже и замедлить стремительно развивающиеся проявления ксенофобии.

Более того, в 2006 году не только получила развитие, но постепенно превращается в весьма заметное направление государственной политики практика использования антиэкстремистских риторики и законодательства для дискредитации и преследования оппонентов политического режима или просто независимых групп и изданий. Одновременно эти псевдоантифашистские действия размывают и без того туманные представления российского общества о недопустимости публичных проявлений ксенофобии.

К сожалению, анализ событий и явлений 2006 – первой половины 2007 годов не позволяет констатировать какое-либо улучшение ситуации, связанной с проявлениями радикального национализма в России. Напротив, дефицит систематических, активных и при этом политически не ангажированных мер, направленных на противодействие преступлениям на почве ненависти и пропаганде ксенофобии, откровенное и все расширяющееся злоупотребление антиэкстремистским законодательством и стремление основных политических партий максимально использовать этнонационалистический ресурс в преддверии двух федеральных избирательных кампаний способствуют лишь усугублению ситуации.

Приложение. Статистика

Таблица 1. Статистика расистских и неонацистских нападений за 2004–2007 гг. (по 31 августа)

(с разбивкой по городам)*

Город / регион	2004			2005			2006			2007 (по 31 августа)		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Москва	17	62	79	16	179	195	37	216	253	24	111	135
Петербург	9	32	41	4	45	49	5	52	57	5	72	77
Абакан	0	0	0	0	2	2	0	0	0			
Архангельск	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	3
Астрахань	0	0	0	0	2	2	0	0	0			
Барнаул	0	0	0	0	1	1	2	1	3	2	1	3
Белгород	0	5	5	0	4	4	0	18	18	0	1	1
Биробиджан	0	0	0	3	0	0	0	0	0			

* В алфавитном порядке, за исключением Москвы и Петербурга как основных центров расистского насилия.

Город / регион	2004			2005			2006			2007 (по 31 августа)		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Благовещенск	0	2	2	0	7	7	0	1	1			
Брянск	0	0	0	0	1	1	0	1	1			
Владивосток	5	9	14	0	3	3	2	16	18	1	1	2
Владимирская область	0	4	4	0	0	0	0	0	0			
Волгоград	0	2	2	0	1	1	2	9	11	0	3	3
Вологда	0	0	0	0	0	0	0	1	1			
Воронеж	1	2	3	1	21	22	1	6	7	0	12	12
Иваново	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	3	3
Ижевск	0	0	0	0	1	1	0	1	1	1	6	7
Иркутская область	3	0	3	2	5	7	0	8	8	1	47	48
Йошкар-Ола	0	1	1	0	15	15	0	5	5			
Казань	0	0	0	0	0	0	0	8	8			
Калининград	0	1	1	0	2	2	0	11	11	0	1	1
Калуга	0	0	0	0	11	11	1	3	4			

Город / регион	2004			2005			2006			2007 (по 31 августа)		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Киров	0	0	0	0	1	1	0	0	0			
Кострома	0	5	5	0	0	0	0	10	10	0	2	2
Краснодарский	2	32	34	1	3	4	0	7	7			
Красноярск	0	0	0	1	1	2	0	3	3	0	3	3
Курган	0	0	0	0	6	6	0	0	0			
Курск	0	5	5	0	2	2	0	0	0			
Липецк	0	1	1	0	3	3	1	0	1	0	3	3
Майкоп	0	3	3	0	0	0	0	0	0			
Мурманск	0	0	0	0	1	1	0	1	1	0	5	5
Нижний Новгород	1	5	6	4	12	16	0	36	36	0	34	34
Новгород	0	0	0	0	5	5	0	0	0			
Новосибирск	2	12	14	1	9	10	0	9	9	0	4	4
Омская область	0	3	3	0	0	0	1	3	4	0	1	1
Орел	0	8	8	0	0	0	0	9	9			

Город / регион	2004			2005			2006			2007 (по 31 августа)		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Оренбург	0	0	0	0	0	0	1	1	2	1	1	2
Пермь	0	1	1	3	2	5	0	0	0	0	2	2
Петрозаводск	0	0	0	0	2	2	0	0	0			
Псков	0	0	0	0	1	1	0	0	0			
Ростов-на-Дону	0	0	0	0	10	10	0	2	2	1	7	8
Рязань	0	0	0	0	1	1	0	4	4	0	6	6
Самара	1	3	4	4	5	9	0	2	2	2	2	4
Саратов	1	0	1	0	0	0	0	3	3			
Свердловская область	1	7	8	6	6	12	0	6	6	0	4	4
Смоленск	0	0	0	0	2	2	0	0	0			
Ставрополь	0	0	0	0	21	21	0	0	0	0	3	3
Сыктывкар	0	0	0	0	4	4	0	4	4			
Тамбов	0	3	3	0	6	6	0	0	0			
Тверская область	0	0	0	0	0	0	0	3	3	0	1	1

Город / регион	2004			2005			2006			2007 (по 31 августа)		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Томск	0	3	3	0	6	6	0	4	4	0	2	2
Тулская область	1	0	1	0	3	3	1	2	3			
Тюменская область	3	1	4	1	0	1	0	15	15			
Улан-Удэ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Уфа	0	1	1	0	2	2	0	2	2	0	1	1
Хабаровск	0	0	0	0	3	3	0	0	0			
Чебоксары	0	0	0	0	0	0	0	6	6			
Челябинск	1	4	5	0	0	0	0	1	1	0	6	6
Читинская область	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	2	2
Южно-Сахалинск	1	0	1	0	0	0	0	0	0			
Ярославская область	0	0	0	0	0	0	1	6	7	0	2	2
Всего	49	218	267	47	417	464	56	496	552	39	352	391

Таблица 2. Обобщенная статистика расистских и неонацистских нападений за 2004 – 2007 гг. (по 31 августа) (С разбивкой по времени года)

	2004			2005			2006			2007 (по 31 августа)		
	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших	Убитых	Избитых и раненых	Всего пострадавших
Зима (декабрь / январь + февраль / без даты*)	9 (-/9/0)	25 (-/22/3)	34 (-/31/3)	11 (3/7/1)	74 (14/54/6)	85 (17/61/7)	9 (4/5/0)	112 (57/47/8)	121 (61/52/8)	21 (7/14/0)	151 (50/93/8)	
Весна	12	79	91	5	119	124	16	112	128	18	130	148
Лето	16	20	36	7	72	79	18	171	189	7	121	128****
Осень	9	80	89	23	109	132	10	107	117			
Всего за год	49	218	267**	47	417	464***	56	496	552****			

* Все нападения, которые датируются только годом, условно относятся к январю.

** Кроме того, известно о **13 убийствах** бездомных, в которых правоохранительными органами подозреваются идеологическая (неонацистская) составляющая.

*** Кроме того, известно о **5 убийствах и 4 избитых** бездомных, в которых правоохранительными органами подозреваются идеологическая (неонацистская) составляющая.

**** Кроме того, 27–28 мая 2006 г. только в Москве скинхедами и другими гомофобами было избито не менее 50 представителей секс-меньшинств. Известно также о **7 убийствах и 4 избитых** бездомных, в которых правоохранительными органами подозреваются идеологическая (неонацистская) составляющая. В статистику **включены 13 погибших и 53 пострадавших** при взрыве на Черкизовском рынке 21 августа 2006 г.

***** Не считая пострадавших от скинхедов представителей секс-меньшинств 27 мая 2007 года. Известно также о **3 убийствах** бездомных, в которых правоохранительными органами подозреваются идеологическая (неонацистская) составляющая.

Таблица 3. Обобщенная статистика расистских и неонацистских нападений за 2004–2007 гг. (по 31 августа)

(с разбивкой по категориям)

Пострадавшие	2004		2005		2006		2007 (по 31 августа)	
	Убитых	Избитых и раненых	Убитых	Избитых и раненых	Убитых	Избитых и раненых	Убитых	Избитых и раненых
Темнокожие	1	33	3	38	2	32	0	15
Уроженцы Центральной Азии	9	23	16	34	12	54	15	39
Уроженцы Кавказа	15	38	12	52	15	70	11	36
Уроженцы Ближнего Востока и Северной Африки	4	12	1	22	0	11	0	11
Уроженцы стран АТР (Китай, Вьетнам, Монголия и т.д.)	8	29	4	58	4	49	2	23
Другие люди «неславянской внешности»	2	22	3	72	5	67	7	22
Представители молодежных субкультур и левацкой молодежи	0	4	3	121	3	119	4	137
Другие (включая русских) или нет информации	10	57	5	20	15	94	0	69
Всего	49	218	47	417	56	496	39	352

Таблица 4. Статистика обвинительных приговоров, учитывающих мотив ненависти в насильственных преступлениях за 2004–2007 гг. (по 31 августа)

Город / регион	Количество приговоров	Количество осужденных	В том числе условно или освобождены от наказания
2004			
Москва	4	11	Неизвестно
Петербург	2	10	4
Владимирская область	1	1	1
Воронеж	1	3	0
Новгород	1*	1	0
<i>Итого</i>	9	29	5
2005			
Москва	2	4	0
Московская область	4**	14	0
Петербург	2	10	4***
Благовещенск	1	4	0

* За угрозу взрыва синагоги.

** Точной даты одного приговора, вынесенного за убийство по мотиву национальной ненависти мы, к сожалению, не знаем, но предполагаем, что он вынесен в 2005 году.

*** Еще один оправдан за недоказанностью вины.

Город / регион	Количество приговоров	Количество осужденных	В том числе условно или освобождены от наказания
Владивосток	1	1	0
Волгоград	1	7	0
Екатеринбург	1	3	0
Липецк	1*	4	0
Мурманск	1	2	1
Пермь	1	1	0
Тамбов	1	1	0
Тюменская область	1	5	0
<i>Итого</i>	17	56	5
2006			
Москва	5	11	1
Московская область	3	18	4
Алтайский край	1	1	1
Белгород	1	11	1
Воронеж	1	13	7

* Со специальным определением суда в адрес городской администрации.

Город / регион	Количество приговоров	Количество осужденных	В том числе условно или освобождены от наказания
Еврейская АО	1	3	0
Екатеринбург	3	8*	0
Калужская область	1	2	0
Кострома	2	7	5
Нижний Новгород	4	6**	неизвестно
Новосибирск	1	неизвестно	неизвестно
Орел	2	6	2
Петербург	3	10	4
Ростов-на-Дону	1	2	0
Саратов	1	5	0
Томск	1	3	0
Уфа	1	3	3
Южно-Сахалинск	1	1	0
<i>Итого</i>	<i>33</i>	<i>109***</i>	<i>24***</i>

* В том числе 3 осуждены за создание экстремистского сообщества и одновременно за убийство, в котором мотив ненависти не учтен.

** Не менее, по одному делу известно лишь, что приговор вынесен.

*** Не менее.

Город / регион	Количество приговоров	Количество осужденных	В том числе условно или освобождены от наказания
2007 (январь-август)			
Москва	1	2	0
Петербург	2	11	3
Белгород	1	2	0
Воронеж	1	4	0
Екатеринбург	2	8	0
Калуга	1	3	2
Красноярск	1	2	1
Омск	1	1	0
Владикавказ	1	1	0
Ставрополь	1	1	0
Сыктывкар	1	1	0
Тамбов	1	1	0
Ярославль	1	1	1
<i>Итого</i>	<i>15</i>	<i>38</i>	<i>7</i>

Таблица 5. Статистика обвинительных приговоров за пропаганду ненависти

2004–2007 (до 31 августа включительно)

Город / регион	Количество приговоров	Количество осужденных	В том числе условно освобождены от наказания
2004			
Ижевск	1	1	1
Новгород	1	1	0
Новосибирск	1	1	1
<i>Итого</i>	<i>3</i>	<i>3</i>	<i>2</i>
2005			
Москва	1	1	1
Екатеринбург	1	1	0
Кемеровская область	4	4*	1
Киров	1	1	0
Нальчик	1	1	1
Новгород	1	3	0
Орел	1	2	2
Сыктывкар	1	1	1

* Один человек осужден дважды в течение года по одному и тому же обвинению, но по разным эпизодам.

Город / регион	Количество приговоров	Количество осужденных	В том числе условно освобождены от наказания
Хабаровск	1	1	0*
<i>Итого</i>	<i>12</i>	<i>15</i>	<i>6</i>
2006			
Москва	1	1	0
Московская область	1	1	0
Петербург	2	2	1
Астраханская область	1	1	0
Екатеринбург	1	1	0
Кемерово	2	2	2
Киров	1	1	0
Краснодар	1	1	0
Новгород	1	1	0
Самара	2	2	2
Саратов	1	1	1
Сыктывкар	1	1	0
Челябинск	1	3	0
Ярославль	1	2	1
<i>Итого</i>	<i>17</i>	<i>20</i>	<i>7</i>

* Приговор отменен по кассации из-за истечения срока давности.

Город / регион	Количество приговоров	Количество осужденных	В том числе условно освобождены или освобождены от наказания
2007 (январь – 31 августа)			
Москва	1	1	1
Владимир	1	1	0
Вологодская область	1	1	1
Калининград	1	1	1
Киров	1	1	0
Краснодар	1	1	1
Курган	1	1	0
Новгород	1	1	0
Новосибирск	3	3	0
Республика Коми	2	2	0
Рязань	1	2	2
Самара	1	2	2
Свердловская область	1	1	0
Ставропольский край	1	1	1
Ульяновск	1	1	1
Челябинск	1	1	0
<i>Итого</i>	<i>19</i>	<i>21</i>	<i>10</i>

Галина Зверева

Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины»

...Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды. Подсоединенные к сетям «рубильники» ... выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью.

Мануэль Кастельс.
Становление общества сетевых структур. 1999

Введение

Начало 2000-х годов в общественной жизни и информационном пространстве России характеризуется заметным увеличением социально-политического спроса на слово «русский» и усложнением его прагматики.

Проект «Русская доктрина» представляет собой одну из многочисленных практик использования символического потенциала «русскости» в политических целях. Появление в российской публичной сфере очередного клона такого рода не кажется оригинальным. Удивительным, на первый взгляд, выглядит другое: быстрое, уверенное продвижение «Русской доктрины» в информационно-медийном поле и ее положительные оценки у известных политиков и публицистов, поразному представляющих себя идеологически, и в различных сегментах общества.

Рассмотрение конкретного опыта создания и продвижения «Русской доктрины» (РД) открывает возможность для обсуждения способов конструирования «позитивной» коллективной идентичности в современном российском обществе, а также проблем, касающихся взаимосвязей между динамикой информационно-медийной среды и тенденциями российской социально-политической жизни.

Формирование «Русской доктрины» как информационного события относится к 2005–2007 годам, когда в различных средствах массовых коммуникаций появляются упоминания о работе представителей «консервативной интеллектуальной элиты» над коллективным проектом, который определяется как «важный» для будущего России. «Материализация» готового продукта выражена в его «бумажных» изданиях (книга, журнальные публикации) и в тексте, размещенном на специально созданном одноименном сайте в Рунете¹. В этот же период из различных ресурсов — бумажных, аудиовизуальных, электронных — складываются многообразные информационные потоки, свидетельствующие о начавшемся процессе консолидации «национально-ориентированных сил» вокруг «Русской доктрины».

Характерными примерами позитивных оценок «Русской доктрины» в публичной сфере могут служить следующие высказывания:

Дмитрий Киселев²:

«До недавних пор у нас было модным идеологии избегать какой-либо вообще. Потом стало понятно, что если у нас не будет своей идеологии, то будет чужая. Чужую примерили, не подошло, хотим свою... Существенные компоненты общенациональной доктрины ...предложил Владимир Путин. Свой вариант, значительно более пространственный и в то же время подробный, предлагает группа русских интеллектуалов. Цели совпадают — сильная и процветающая Россия. Близка и интонация».

Сергей Лабанов³:

«“Русская доктрина” — это целостная мировоззренческая система, дающая современной России программу общественно-политических преобразований с достаточно глубокой и ориентированной на национальные традиции степенью конкретизации».

Александр Дугин⁴:

¹ См.: Русская доктрина (Сергиевский проект) / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М.: Яуза, 2007. 864 с. (серия «Русская правда»); Русская доктрина (Сергиевский проект) (www.rusdoctrina.ru).

² Киселев Дмитрий. Национальный интерес // РТР. 2006. 14 мая (<http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=6&o=29>).

³ Лабанов Сергей. Доктрина русского прорыва // Правая.ру. 2007. 8 мая (<http://www.pravaya.ru/idea/20/12236>).

⁴ Кара-Мурза Владимир. Виктор Аксюциц о «Русской доктрине» президиума Всемирного русского народного собора // Радио «Свобода». 2007. 20 августа (<http://www.svoboda.ru/Transcript/2007/08/20/20070820111929687.html>).

«Сегодня мы находимся в ситуации, когда само определение русскости, сама наша идентичность, все это на самом деле скорее вопрос, чем ответ. Поэтому я глубоко убежден, что этот труд нужен будет каждому россиянину. А если россияне не захотят читать этот труд, то россиян не будет. Сегодня вопрос жизни и смерти русского народа стоит на повестке дня. Захотим выжить, прочитаем, ничего, 800 страниц не так много, взял, отпустил, посидел несколько дней, хорошо — недельку потратил, отпуск взял, прочитал «Русскую доктрину» для того, чтобы чувствовать себя нормальным человеком, гражданином новой России. Потому что раньше то, что нам в голову бредни советские, потом либеральные демократические вдалбливались, — это надо выбросить на помойку. Это не багаж для России 21 века. А “Русская доктрина”, которую готовит церковь во главе с владыкой Кириллом — это то, что должно быть на столе у каждого русского человека».

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (Соборные слушания Всемирного русского народного собора по проекту «Русская доктрина», 20 августа 2007 г.)⁵:

«Этот документ, разработанный рядом российских специалистов, заслуживает самого пристального внимания. Нужно особо отметить, что авторы не претендуют на роль пророков или вождей, призывающих идти единственно верным путем. Они предлагают обратить внимание на те духовно-нравственные и культурные основы, которые служили и продолжают служить прочным фундаментом российского государства на протяжении многих веков... Хотелось бы надеяться, что совместная работа над проектом “Русской доктрины” ...со временем перерастет в широкое общественное обсуждение базисных ценностей России, сохранение которых, в свою очередь, стало бы главным приоритетом каждой из политических партий».

Основной тезис этой статьи состоит в том, что «Русская доктрина» как текст конструируется в соответствии с правоконсервативными представлениями о необходимости преобразования государства и общества на

⁵ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Консолидация русского общества на базе традиционных ценностей может стать платформой для объединения людей, заботящихся о благополучии России // РПМонитор. 2007 (http://www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=5447).

базе «национальных традиций и ценностей», а как социально-политический проект она реализуется в логике постсовременной сетевой культуры. Вместе это создает эффект массовой кастомизации⁶ «Русской доктрины» в общественно-политической среде России. «Стать повсюду своей для своих», — так в целом можно охарактеризовать принципы построения «доктрины», организацию ее менеджмента и способы распространения в российском обществе.

В этой связи представляется интересным обсудить феномен «Русской доктрины» с точки зрения маркетинговых стратегий и практик, акцентируя внимание на формах и способах продвижения базовых установок, репрезентируемых как «русские».

Основу статьи составляют анализ текста «Русской доктрины» (с учетом того, что в его «бумажной» и «виртуальной» версиях имеются некоторые редакционные различия) и сопоставление этого текста с другими правоконсервативными националистическими «манифестами» и «проектами». Все документы рассматриваются в общем контексте, который складывается из массива различных информационных ресурсов (электронных и бумажных) по «русской» теме.

Формулы «Русской доктрины»

Мы имеем право гордиться нашей нацией внутри своего государства. Ибо мы смело можем сказать в глаза всем нашим подданным, что мы победили их, но не уничтожили. Мы сохранили им их религию, их язык, их нравы и обычаи, и требуем одного: да помнят они, что в России державная господствующая нация — русская нация, и кто желает в России стать равным русскому, тот должен стать духом — русским.

Павел Ковалевский.

Русский национализм и национальное воспитание в России. 1912.

Как выглядит каркас текста «Русской доктрины» и как выстраиваются его базовые концепты?

РД определяется ее создателями как «системный стратегический проект консервативных преобразований», который призван «дать нам как

⁶ Массовая кастомизация — производство продуктов и услуг для различных групп потребителей с учетом их интересов и требований.

нации собственное «оружие сознания», дать такие инструменты, которые не позволят разрушать наш национальный менталитет»⁷:

Как подчеркивается в тексте, «Русская доктрина» распространяется в российском обществе и утверждает себя в открытой конкурентной борьбе с другими программами «Реставрации Будущего России (здесь и далее в цитатах — выделения авторов РД), пусть выполненными с разных точек зрения и исходя из различных ценностных систем».

По утверждению авторов, именно РД является адекватным ответом на «вызовы» и «угрозы» России, которые исходят от современного мира. Основной аргумент состоит в том, что проект создается с учетом требований «когнитивной эпохи», главное в которой — «человекостроение» и возрастание «роли мировоззрения, воображения, способности придумывать и воплощать новое»:

«Та цивилизация, которая разовьет этот высший, творчески человеческий ярус экономики, будет доминировать над промышленными, сырьевыми и аграрными странами. Как? С помощью организационных технологий, синтеза традиционных иерархических и новых сетевых принципов организации взаимодействия и мощи интеллекта. Но всему этому потенциалу должна быть создана надежная основа, все это должно получить достойный базис и стартовую площадку в виде обновленной государственности, собирающей силы нации в кулак. В нынешних условиях уникальный опыт русских позволяет им сменить Запад в качестве технологичного авангарда человечества. Для этого необходимо выдвинуть глобальный проект (по принципу “Спасая Россию, мы спасаем весь мир”), став лидером здоровых сил человечества, совместив в новом проекте наши православные устои и лучшие достижения советского строя».

Идея «спасения России и мира» в условиях информационного общества сопрягается с признанием необратимости глобальных технологических и организационных перемен и, вместе с тем, со стремлением во что бы то ни стало сохранить и упрочить уникальные «русские», «православные» и «советские» цивилизационные устои:

«Мы вступаем в век русского самосознания, век, когда Россия укажет всему миру на объективные корни мирового зла и подскажет, как сообща можно ему противостоять. Россия была призвана

⁷ Здесь и далее приводятся цитаты по электронной версии текста «Русской доктрины», размещенной на ее сайте (www.rusdoctrina.ru).

и до сих пор остается призванной к нравственной гегемонии, мы верим, что она займет в будущем место мирового лидера, станет авторитетом для других цивилизаций. Наступление русского “века философов”, “века ученых” могло бы произойти и раньше, если бы не то опустошение, которое произвело оружие поражения сознания, примененное врагами нашего государства... Оклеветанная и расхищенная Советская Цивилизация продолжает и теперь, спустя полтора десятилетия, питать нас своими соками. Пока еще живы люди, встроенные в структуру советской цивилизации, пока они не утратили своих знаний и опыта, возможно и возобновление и развитие цивилизационной традиции, которую попытались насильственно прервать. Однако советский опыт должен быть доведен до своего высшего воплощения. СССР создал технократию, но не успел завершить формирование смыслократии. ...Смыслократы должны стянуться в сети, завязать в них новые узлы, сшить разорванные куски русского духовного и смыслового пространства — смыслократия может полноценно действовать только как организованная сила, имеющая свою инфраструктуру и возможность передавать свой опыт молодым».

Залогом самосохранения, выживания и мирового признания Новой России, по мысли создателей РД, служит выработка в обществе устойчивого понимания того, что Россия — это не-Запад и, более того, не-Европа:

«Какие бы подвиги мы ни совершали во имя того, чтобы нас признали европейцами, цивилизованным на западный манер народом, — нас отвергают, нас презирают, нас ненавидят, нас боятся, нас считают недостойными. Высококультурные европейцы (не говоря даже о самовлюбленных и невежественных американцах) рисуют нас в своих книгах, в своих фильмах, в своих учебниках истории грубым, неотесанным народом... Пора расстаться с вредными иллюзиями о том, что вот-вот, еще чуть-чуть, еще немного усилий, еще слегка «подреформируем» себя — и мы будем как они. И они это признают и примут нас в свои объятия... Нас не примут за своих никогда просто потому, что мы в корне иные, у нас иная природа. Возрождение и новое восхождение Русской цивилизации не начнется без «возвращения к себе». Необходимо искать свое, органичное. Надо идти от своей самости. И только тогда нас (Россию) признают в качестве полноценного игрока, когда мы прекратим центрироваться на этой мысли о необходимости признания. Более

того, именно в нашей инаковости, непохожести на других, то есть в нашей цивилизационной самостоятельности, — залог наших возможных приобретений и успеха на путях Истории».

Таким образом, опора на «свою духовную суверенность», «традиции» и «учет вызовов времени» образуют базу для формирования РД как «Русского глобального проекта»:

«Нам требуется не учреждение нового государства, а прорыв к традиционному русскому государству. Мощь национально-государственной традиции никуда не исчезла, она дремлет в народе и ждет своего часа — часа пробуждения. И по-настоящему восстановление нашей традиции возможно только в формах новейшего, технологически совершенного и разумного творчества, зорко распознающего самые грозные и острые вызовы новой эпохи и четко отвечающего на них».

Текст «Русской доктрины» сложен из трех блоков. Во-первых, это — «позитивный» концептуальный пересмотр «нашей» непрерывной национально-государственной истории и создание новой «официальной истории» (*реставрация прошлого* — базовые слова мы здесь и далее выделяем), что дает возможность *«реально изменить прошлое* в сознании общества и тем самым *задать будущее*». Во-вторых, это полномасштабная критика и решительное отрицание «либерально-реформаторского» опыта создания «настоящего» («перестройка» и 1990-е годы). Наконец, это — четкое, ясное определение контуров «нашего будущего» (*реставрация будущего, контрреформация*). Соответственно, в качестве когнитивных скрепок текста отобраны «всем известные» базовые слова (понятия, метафоры) и формульные высказывания с нерелексивными разделяемыми значениями, подразумевающими прямую отсылку к референту — нашей реальности и апелляцию к здравому смыслу адресата (массового потребителя этого продукта).

Ключевые оппозиции, маркирующие пространство текста и замыкающие его в целое — «мы — они», «свой — чужие», «Россия — Запад», «либерализм — динамический консерватизм», «хаосократия — смыслократия». Базовые слова — *Русская цивилизация, духовно-политическая нация, русский дух, православие, национальное русское государство* и т.п. Трактовка содержания основных понятий ведется с позиций эссенциализма и эволюционизма.

Русская нация мыслится как живой социальный организм, основу которого составляет *государствообразующий народ* — русские. Этот организм прирастает за время своего исторического существования новыми

компонентами (*иноплеменники, другие племена, другие народы*). Национальное русское государство растет и развивается в непрерывной истории как семья с его единоличным главой и соответствующими нравственными православными устоями:

«Консерваторы видят в частях нации членов семьи — если это не родные дети, не свое племя, то государство выступает как сиротский приют, усыновляющий племена. Иногда государствообразующий народ усыновляет иноплеменников в буквальном смысле, как, например, огромное число “сирот казанских” было взято русскими в свои семьи после разрушения Казани Иоанном Грозным... Многие иноплеменники по мере осознания ими своего подданства Русскому государству стали называть себя “русскими”. Происходило это по той простой причине, что они ассоциировали себя с русским царем как своим “большим отцом”, верховным покровителем, который усыновил их. Граница русской нации проходила тогда, проходит и сейчас между теми народностями, которые претендуют на полезное участие в жизни России как целостного политического организма, и теми, чьи интересы лежат исключительно в политической организации своих этносов на их территориях. Иными словами, если кто желает быть своим в доме русской нации, то он приглашается стать родственником — говорить на одном языке, смеяться и плакать над одним и тем же, считать тех, кто здесь — своими, родными. Родоначальник и основатель дома, а также его нынешний глава признается таковым и для вновь пришедшего “родственника”. Если же кто считает себя тут только гостем, то ему следует вести себя соответственно, с уважением, и не рассчитывать на особые льготы и привилегии».

Предлагая читателям свою версию непрерывной национально-государственной истории от Московской Руси до современной Российской Федерации, авторы выстраивают ее в русле эволюции *миродержавия, правильной империи*, базирующейся на идеологии *сверхнационализма*:

«“Россиянство” — навязанный неверный ориентир, по своему происхождению “интернационалистический”, игнорирующий иерархию этнокультурных ценностей России... Нужно обратиться к более четкому исконному прилагательному “русский”, а прилагательное “российский” употреблять значительно реже... Собственно русские в союзе с русскими этническими меньшинствами — это и есть точная, честная формула исторической России... Формула России воплощает в себе парадокс сверхнациональной нации. Но

это живой, жизненный парадокс, это правда того, что мы сделали предметом собственной национальности и крови — быть выше самой национальности и самой крови, не отказываясь от нее, повелевать ею, подчинять ее духовным задачам. Русские превратили свою “русскость” в нечто большее чем “русскость”. Поэтому Русским нельзя родиться, имя Русского надо заслужить».

Русский народ как ядро духовно-политической нации наделяется особыми сущностными признаками, главным из которых является *собранность, способность к сосредоточению на поставленной цели*. Именно на это качество «русской породы», по мнению авторов РД, следует делать основной акцент при укреплении современной государственности:

«Русские с высокой степенью внутренней дисциплины, со способностью к упорядоченной и систематической работе, со стойкостью и крепким волевым характером, с расчетливостью замысла и точностью действий не так уж редки. ...Здоровое государство должно сделать свою ставку именно на этот тип. И воспеть нашим поэтам нужно не художественных шалопаяв и разгильдяев, а собранных и сосредоточенных, целеустремленных соотечественников, на которых стоит Русская земля. По своей природе русский — предприниматель, однако поднявший свою предприимчивость на новую ступень, на служение высшим религиозным и политическим задачам. Ничего “непредпринимательского” в русском менталитете нет».

В процессе исторического развития России, как полагают создатели РД, происходит оформление *особой русской модели государственности*:

«Современная Россия является непрерывным продолжением России исторической, то есть Русского государства, суверенитет которого восходит по крайней мере к 1480 году. Россия современная не признает исторического и правового разрыва с Российской империей до 1917 года и Советским Союзом до 1991 г. Россия не приемлет статуса правопреемства по отношению к Российской империи и СССР, поскольку правопреемство подразумевает прекращение существования предыдущего государства... Россия складывалась не как “гражданская нация”, а как определенный союз народов, ядром которого являются русские. Этот союз и является реальной основой политической нации России».

Конечная цель проекта РД состоит в том, чтобы из Российской Федерации вырастить «сетевую Святую Русь»:

«Суть Русской доктрины — создание иерархически-сетевой социальной ткани, сетевой империи на месте разрушенного “советского мира”, на основе лучших традиций Святой Руси, старой Российской империи, на основе достижений “советского народа”, то есть, той же, что и раньше, что и всегда, сверхнациональной русской нации».

Этимология слова «сеть» подразумевается двоякая: традиционные православные практики управления «Сергиевского общежительного монастыря» с «почкованием от основного монастыря новых обителей» и — постсовременные практики создания информационных сетей.

Контуры «сетевой Святой Руси» выглядят следующим образом.

В России необходимо выстроить унитарную государственную систему власти (*национальное самодержавие*) с соответствующей вертикалью управления и делением страны на административные округа вместо современного этнофедеративного устройства:

«Каждый коренной народ России обладает учредительным статусом на всей территории России, а не в пределах “национальных республик”, пресловутый “принцип самоопределения” в России не действует... Мы считаем в настоящий исторический момент оптимальной для России формой правления республику с предельно сильной властью выборного главы государства... Перед Россией стоит задача создания постбюрократической, “информационной” модели управления, которая сочетала бы новейшие информационные технологии и создаваемую ими возможность сверхцентрализации с широким развитием начал самоуправления».

В государстве и обществе принципиально возрастает роль Русской православной церкви:

«Русская доктрина провозглашает несомненным условием будущего возрождения и усиления России — союз государства с Церковью и, с другой стороны, теснейший союз Церкви с обществом... Нужно рассматривать православие не как сегмент общественной жизни, но как силу, тождественную самой национально-государственной традиции России... В настоящий момент следует признать целесообразным режим светского государства, высшее руководство которого принадлежит к первенствующей религии — православию... Русская Православная Церковь является неотъемлемым элементом оформления правовой идентичности России, задающим религиозную картину мира, в которой находит свое обоснование цивилизационный суверенитет Русского государства».

Русской Православной Церкви нужно предоставить возможность влиять на образование и медиа, активно пропагандировать положительные достижения православия в указанных сферах».

Успешность социально-политического и культурного самоопределения России, по замыслу создателей РД, зависит от эффективности действия механизмов протекционизма и «смешанной экономики», строгости надзора государства за демографическими процессами (включая жесткую миграционную политику), контроля средств массовых коммуникаций и регламентации содержания обучения в системе образования.

Главное же в создании «сетевой Святой Руси» — *человекостроение* — «воспитание национального духа и национального достоинства» у молодежи, формирование «здоровой», «национальной элиты». Отсюда — «консервативный поворот» в педагогике и в семье, возвращение «к себе», «своим» (не-западным) традициям и ценностям, общественное осознание того, что «Россия — в центре мира». Для всего мира Россия должна предстать в облике «северной цивилизации воинов, ученых и разведчиков».

Сценарий практической реализации «сетевого проекта Святой Руси» выглядит следующим образом:

«Курс власти начинают осуществлять силы, близкие Русской доктрине или как минимум разделяющие значительную часть ее идей. В таком случае Русская доктрина становится в каком-то смысле официальной. При развитии такого сценария власть должна бросить клич социальной правды, обратиться к этому вековому чувству. Власть должна призвать активное здоровое население, во-первых, в элиту (“делайте карьеру!”), во-вторых, в реальный сектор экономики через учреждение масштабных проектов. Это должна быть идеология не “потребительского общества”, не “свободного рынка”, который сам за нас все вспашет и засеет, но идеология национального развития, волевого проекта, опирающегося на сознательно выстраиваемый “образ будущего”. Мечта русского гражданина ...должна быть связанной с созидательными проектами, в которых у него есть возможность участвовать... Из аморфного состояния через сетевое стягивание нам предстоит вновь, как и в былые времена, сосредоточиться вокруг своих святынь и традиций, вновь выявить вечный лик России».

Основная сила процесса обновления России — «консервативный интеллектуальный класс»:

«Этот класс является носителем так называемой “высокой культуры” и, несмотря на некоторую свою расхлябанность и неорганизованность в качестве класса, служит по своей природе естественным препятствием на пути дальнейшего культурного расслоения и разложения. Он преодолевает в своем сознании и творчестве уровень субкультурности, будучи вхож в разные творческие среды и кружки, он способен легко овладевать их якобы исключительными техниками самоидентификации. ...Он носитель сверхнационально-русской Культуры. Главное: он внеэлитарен, то есть, способен овладеть интеллектуальным и эстетическим языком сетевых и академических, клубных и салонных авторов. Естественно, он не тратит все свое время на покорение этих “вершин”, просто он в курсе всего того, что ему интересно. Он ориентируется на общенациональные артефакты, его вдохновляет не столько доступность, сколько простота и цельность культурных решений... Возникновение такого национального интеллектуального класса подкрепляется наличием соответствующей ему народной толпы, которая, по замыслам постмодерных идеологов, должна была бы удовлетворяться современной массовой культурой. Тем не менее, оборотной стороной подъема русских интеллектуалов к Большой Культуре будет переход народа от массовой к универсальной национальной культуре».

Направлять такой национальный класс и руководить его действиями должен особый слой смыслократов:

«Чтобы интеллектуальный класс мог организовать системные процессы культурной контрреформации, он должен признать во главе себя ведущий слой, который мы предложили называть “смыслократией”... Возрождаемой России нужна как минимум полузакрытая сеть здоровой, патриотической элиты, нацеленной на развитие страны и воссоздание империи. Сеть, которая будет существовать параллельно с органами государственной власти, подстраховывая их и восполняя их недостатки. Здесь будет храниться и творчески переоткрываться смысл нашей цивилизации. В существовании смыслократического сетевого сообщества — залог сплоченности патриотических, динамичных сил, страховка от бюрократизации и выхолащивания Русской доктрины».

Авторы «Русской доктрины» подчеркивают, что государство с его иерархическими структурами *«нацелено прежде всего на текущее функционирование и поддержание создавшегося порядка вещей»*, тогда как

сетевые структуры, создаваемые и ведомые смыслократами, необходимы для *«исследования, прогнозирования перемен и даже отчасти их управления... формирования стратегий, подбора и воспитания кадров высочайшего класса»*. Именно с помощью смыслократов через сетевые структуры в новой России будет проводиться процесс полного очищения государства и общества от сил Зла:

«“Класс” Русской доктрины является, несомненно, медийным «классом», то есть медиатором общественных коммуникаций. Его связующая роль только усилится с формированием мощной национальной сети, в узлах которой расположится смыслократическая элита нашего интеллектуального «класса». Смыслократ пойдет впереди преобразований, в консервативном авангарде, он поднимет знамя русской контрреформации, покончит с господством современной медиакратии».

Преимущество сетевых структур, как подчеркивают авторы РД, состоит в том, что в них *«объединяются под общую идею или задачу люди, формально не подчиняющиеся друг другу, подчас принадлежащие разным культурам, а не только ведомствам или партиям»*. В конечном счете, в России сложится система государственно-общественного, сословно-корпоративного взаимодействия, которую можно назвать *сетевой иерархией*:

«Сетевые структуры более гибкие, чем иерархические, — ибо выстраиваются в оптимальные схемы под решение конкретной задачи, не тратя времени на бюрократические утряски и увязки... Сетевые структуры работают в одной связке с иерархическими. Общность обеспечивается идейным единством, общей целью. Сети должны стать лабораториями для создания и отработки инноваций в бизнесе, технологиях, политике, социальных практиках. Сети, а не мертворожденное и искусственное “гражданское общество”, позволят реальному обществу организовать и доносить свой голос до государства. Таким образом, возникнет симбиоз иерархии и сетевых структур, адекватный современному миру, нацеленный на развитие и замену старых отживших структур новыми».

Итог проектной работы авторам РД видится в *«моделировании русского национального самосознания»* совместными усилиями реформированного государства, РПЦ, смыслократов в рамках сетевых иерархических общественно-государственных структур:

«Здоровые силы Русской цивилизации должны осознать себя новой корпорацией с общим духом, с идеологией отвоевывания»

страны, ...сделать сами имена “Россия”, “русские” символами правильной цивилизации и морального влияния, ... поставить врагов России перед фактом, что в нашей этической системе сила является источником блага, а государство, которое не может проявить силу, не может считаться и суверенным».

Формулы «Русской доктрины», выведенные в российское общественно-политическое пространство, позиционируются создателями и поборниками этого произведения как оригинальный интеллектуальный продукт.

«Русская доктрина» как продукт на общественно-политическом рынке

DJ — вот герой нашего времени. Персонаж, который ничего не создает сам, а только микширует произведения других... Коллекционер, выдающий вторичные импровизации за чистую монету. Главное, что их играют здесь и сейчас... И со временем можно приучить публику к поглощению имитаций, подсаживая каждую неделю на новую тенденцию...

Главный принцип диск-жокея, позволяющий ему подолгу держаться на плаву и слыть законодателем мод, — сочетать несочетаемое. В наши дни навык делать коммерческие композиции из разных вещей и функций гораздо больше в цене, чем способность изобрести абсолютно новый продукт.

Владимир Ляпоров.
Брэнддинг по-русски. 2005.

Как выглядит этот продукт? В жанровом отношении это — смесь элементов «злободневной» публицистики, художественной эссеистики, историософии, политической историографии, геополитики, экономической социологии и проч. В концептуальном плане — попытка соединения постсовременной «информационной» терминологии с имперской державной риторикой, идейными конструктами политического православия и русского этнонационализма. Опорными точками в нем являются клише традиционалистского обыденного сознания и стереотипы национально-государственного величия. Однако читатель (потребитель) этого произведения при желании может увидеть в нем не набор банальностей, помноженных на многословие, но нечто такое, что близко его собственным мыслям и выражено его собственными словами.

Неслучайно, что немногочисленные критические или скептические отзывы об этом проекте, как правило, содержат в себе оттенок признания его актуальности для России.

Виктор Аксючиц⁸:

«Очень радует публичная постановка этого вопроса и вообще такой резонанс сегодняшней. Много вопросов поставлено правильно и очень интересно, и актуально... Авторы доктрины нацелены на критику и на полемику с нашими радикал-либералами, на самом деле это вчерашний день, сейчас полемика должна идти внутри патриотов, государственников, внутри этого мировоззрения, поскольку это сейчас важно для того, чтобы сформулировать концепцию русского прорыва... Это сейчас молодые ребята, которые окунулись в историю России, в ее культуру, православие. Но они с таким наскоком кавалерийским решили, что они все поняли и действительно назвали “доктрина” и декларировали, но при этом они летоисчисление изучения русского вопроса ведут с 2005 года, тогда, когда они сами за полгода создали “Русскую доктрину”... Я могу... назвать много выдающихся имен, которые занимались этой тематикой и много наработали, которую следовало бы учитывать, читать и просвещать народ в этом смысле... Доктрина, которая получилась, “Русская доктрина”, в ней налет маргинальности и маргинального радикализма. Поверхностно достаточно, очень многословно, дидактично, как истина в последней инстанции декларируются на самом деле тривиальные суждения и очень многословные. Они давно известны, во всяком случае, среди читающей публики.... Как первый опыт, такой коктейль он неплох. Но я бы не советовал его употреблять целиком».

Содержательная неотличимость продукта от других, ему подобных — это недостаток или достоинство? Текст РД собран как конструктор «Лего» из множества других текстов разных авторов и образует своеобразный гипертекст («кликнул — провалился в другой текст»). Его можно читать с любого места и в любом направлении. Принципы конструирования — механическая эклектичность разнородных компонентов, их сплетение в семантическую сеть, в которой «узлы сборки» образуют привычные слова с разделяемыми культурными значениями. Послания, содержащиеся в тексте, легко опознаваемы читателями с разными идеологическими ориентирами, но общим позиционированием: «мы русские» (РД — это

⁸ Кара-Мурза В. Указ. соч.

«просто», «понятно», «доступно»; «мы и сами так думаем»; «мы тоже так говорим»).

«Достоинства» текста РД определяются не его семантикой, а прагматикой — позиционированием на социально-политическом рынке и способами потребления в обществе. Главной и для создателей этого произведения, и для его потребителей представляется идея «своевременности» создания «Русской доктрины» как своеобразного интегратора «национальных» общественных умонастроений.

В этом смысле характерен один из благожелательных откликов в Рунете. Его автор вписывает «Русскую доктрину» в ряд других подобных текстов (анонимный «Проект Россия», проект «Конституция России» Института национальной стратегии и др.) рассматривая феномен их появления в российском публичном пространстве в начале 2000-х годов как своего рода «знак времени»⁹:

«В 2005 году, поздней осенью мы ехали с другом по грибы. Под дорогу и тихую охоту — и разговоры разные про жизнь. До Москвы “тыща верст”, периферия. На ТВ никаких просветов уже с десяток лет. Но было странное ощущение, что что-то меняется, что-то зреет... Весной 2006-го Президент впервые в своем послании говорил только о России, и говорил о катастрофе социального расслоения. Говорил, в том числе русскими цивилизационными понятиями, “русскими словами”... А к 2007 году стало ясно, что русское общество начало утверждать своё понятийное пространство. Что потёмки, вроде, кончаются. Что обретается «слово». Стали понятнее события... В разных местах России вывели и оформились из периода “потерь и безвременья” четкие и направленные в жизнь, как альтернатива, представления, что есть Россия, и предложения, какой ей быть. ...Проблема самоидентификации России снова (через 15 лет) стала ощущаться, как необходимость».

Положительно оценивая «Русскую доктрину», автор отмечает «сугубую практичность» этого документа. РД представляет собой общую программу действий для всех, кто озабочен решением «русского вопроса»:

«Важное значение этого текста — собирание смыслов России, осознание русского мира и восстановление его в мировоззрении соотечественников. Воссоздание русской ткани через все проявления социальной жизни — задача, которую вольно или невольно реша-

⁹ Алферов Сергей. К «Русской доктрине» // Союз русского народа. 2007. 8 августа (<http://www.srn.su/vdoc.asp/2007/08/08/01>).

ют авторы “Русской доктрины”. Четкие и в чем-то новые (для привычного официального дискурса) слова и понятия — их много. Они образуют систему, понятийное пространство и образуют систему координат, в которых понимается мир. Они находятся в контексте, не в системной иерархии; но это не важно... Есть главное — мы слышим русский мир».

На эту черту текста РД, как правило, указывают и другие его читатели. В данном случае для них не так значима оригинальность проекта в концептуальном отношении. Настойчивое позиционирование его «всеобщности» для российского (в версии создателей «Русской доктрины — русского) общественного сознания и сетевое распространение, — вот то главное, что привлекает внимание.

Один из активных соучастников проекта «Русской доктрины» Михаил Ремизов неизменно подчеркивает, что для социально-политических практик «новых консерваторов» России характерен ряд черт, которые обеспечивают им успех в обществе¹⁰:

«Я бы выделил две типологические особенности “нового консерватизма”. Во-первых, он носит “проектный” характер. ...И главный вопрос консерватизма — это... то, вокруг какого социально-исторического субъекта центрируется наше прошлое, наше настоящее и наше будущее. Это вопрос о том, что есть наше. Поэтому, в отличие от левого радикализма или либерализма, консерватизм проектирует ценности исходя из разделения мира на “свое” и “чужое”... Предельным воплощением этого разделения мира на “своих” и “чужих” является нация. В этом смысле базовой для консерватизма формой исторического сознания мне видится именно национализм, который позволяет нам артикулировать ценности не как “высшие ценности” (значимые для всех и ни для кого), а как элементы жизненного проекта того социально-исторического организма, к которому мы принадлежим... Второй особенностью “нового консерватизма” в противовес “традиционному” является представление о том, что главной текущей задачей является не абстрактное “взятие власти”, но завоевание культурной гегемонии... Предпосылки политической системы находятся в способах мышления людей, в области культурных институтов,

¹⁰ Новые консерваторы — будущее России? // Философская газета. 2004. 15 декабря (<http://www.pravaya.ru/govern/392/1911?print=1>); Пожарский Михаил. «Русская доктрина» — оружие прямого действия // Портал Credo.Ru. 2005. 5 декабря (<http://portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=404>).

стереотипах общественного сознания и т.д. ...Нужно не взывать к власти, а самим производить ее, заполняя вакуум социального пространства...

...Идеализма в нашем начинании меньше всего... Политическая борьба в современных обществах — это борьба не столько парламентская, не столько борьба на улицах, сколько борьба за преобладание в интеллектуальной сфере и в массовой культуре. Сегодня очень важно понять, что опорой консервативных настроений является наше население. Население гораздо более консервативно настроено, нежели правящее меньшинство».

«Русская доктрина» мыслится как сетевой общественно-политический проект, который строится по «надпартийным» основаниям и включает в себя различные социальные группы и движения. Она создана и продвигается в соответствии с механикой информационного сетевого общества и постсовременными маркетинговыми стратегиями и практиками. В роли объединительного начала и условия включения в сеть выступают слова «русский», «консерватизм», «православие», «нация», «национальное государство». Отсюда — специфика формирования проектной группы и технологические особенности устройства самого проекта.

Участники проекта собраны в команду из разных правоконсервативных националистических партий, организаций и движений. В конечном счете, проектная группа выглядит как состоящая из трех взаимосвязанных страт: «авторы», «эксперты», «консультанты». В составе группы — обществоведы, политические публицисты, политические и общественные деятели «правого» толка: Виталий Аверьянов, Александр Кобяков, Илья Бражников, Ярослав Бутаков, Егор Холмогоров, Владимир Кучеренко, Михаил Ремизов, Андрей Савельев, Константин Крылов, Михаил Леонтьев, Павел Святенков и мн.др.

Александр Кобяков представляет «легендарную историю» формирования проектной группы следующим образом (Заседание Санкт-Петербургского Патриотического форума, 7 декабря 2005 г.)¹¹:

«Сначала мы провели серию установочных научных семинаров, на которых уточняли и структуру будущего документа, и пожелания экспертов принимать участие в его создании в том или ином качестве... Мы хотя и ожидали большой позитивный отклик на наше начинание, тем не менее, не ожидали такой готовности экспертов к той работе, которая им предлагалась. Было ощущение,

¹¹ Представители авторского коллектива о «Русской доктрине» // Русская линия. 2005. 7 декабря (<http://rusk.ru/st.php?idar=8521>).

что многие на предыдущем этапе своей жизни сами подходили к идеям создания такого труда. Поэтому мы столкнулись с удивительным энтузиазмом, более, чем в 90 % случаев люди не просто участвовали, не только предлагали какие-то свои прежние наработки, но и работали с полной отдачей специально, создавая тексты специально для этого документа. Почти сто экспертов трудились над этой идеей. Часть из них выступили в дальнейшем авторами и соредакторами этого труда. Кто-то участвовал в каких-то частях выдержками из своих работ, кто-то выступал в качестве консультанта. Поэтому в выходных данных перечислено более шестидесяти человек... Среди авторов этой работы около тридцати кандидатов наук и около десяти докторов, что говорит само за себя. Очевидно, что “Русская доктрина” — это продукт отнюдь не маргинальный».

Идея Сети, которая постулируется в тексте «Русской доктрины» как основополагающая, выражает себя в определенном алгоритме коллективной проектной деятельности. Это — собирание общественных сил для формулирования «базовых ценностей», «соборная работа», совместные действия по продвижению ее результатов, расширение сети за счет включения в нее новых звеньев.

Основу «соборной работы», о важности которой говорят авторы РД, составляет отбор концептов и высказываний, содержащихся в текстах «ближнего круга» участников проекта — произведениях, которые создавались в самом начале 2000-х годов¹². Именно из них смонтированы главные смысловые блоки: *русский проект, русская доктрина, русская смута, самоненависть, контрреформация, русский сверхнационализм, национальная власть, смыслократия, реставрация будущего* и проч. Эти понятия циркулируют в родственных консервативных организациях, члены которых позиционируют себя как представители национальной интеллектуальной элиты: Консервативное совещание, Консервативная ассамблея, консервативный интернет-журнал «Золотой лев», православно-аналитический портал «Правая.ру» и проч. «Дальний круг» значений и смыслов РД образуется из разнородных сколков концепций, которые продуцируются в организациях и движениях националистической ори-

¹² См. например, публицистические работы и философские эссе Виталия Аверьянова, Егора Холмогорова, Михаила Ремизова: Аверьянов В. Природа русской экспансии. М.: Лепта-пресс, 2003; Холмогоров Е. Русская доктрина // Спецназ России. 2002. № 1; Он же. Русский проект: реставрация будущего. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2005; Он же. Русский националист. М.: Европа, 2006; Ремизов М. Опыт консервативной критики. М.: Прагматика культуры, 2005.

ентации (Родина – Конгресс русских общин, Союз русского народа и т.п.). Причудливые сплетения и семантические сдвиги различных базовых понятий и высказываний – это характерная черта текста РД.

Виталий Аверьянов (Заседание Санкт-Петербургского Патриотического форума, 7 декабря 2005 г.)¹³:

«“Доктрина” должна, на наш взгляд, развиваться, а не быть неким катехизическим, неприкосновенным материалом, неким догматическим в философском, а не богословском, смысле трудом. Поэтому мы открыты для того, чтобы выслушать и критику, и предложения. ...Мы надеемся, что будет “Русская доктрина-2”, “Русская доктрина-3”, что документ будет развиваться и переиздаваться как саморазвивающийся, самообновляющийся организм... Мы полагаем, что язык доктрины в том виде как он выработан на данный момент, не универсален, что читатель у документа может быть разный, что мало сформулировать идею, нужно ее еще донести до нации, разъяснить ее. Поэтому также нужна серия адаптированных материалов гораздо меньшего объема – объема брошюры, для разных аудиторий: для молодежи, для военных, для предпринимателей и так далее».

Эта мысль о необходимости перманентного развития правовонсервативной сети в процессе самоорганизации новых ее звеньев-узлов в обществе постоянно озвучивается руководителями проекта «Русская доктрина» и поддерживается его сторонниками в публичной политике и средствах массовых коммуникаций. Авторы проекта стремятся к тому, чтобы о них говорили повсюду, чтобы полный текст (или, по крайней мере, тезисы) РД в российском обществе не только стали предметом широкого обсуждения, но и вошли в политический мейнстрим.

Общественные реакции на активность такого рода различные. Но главное: тактику создателей «Русской доктрины» в российском публичном пространстве уже заметили и заговорили о ней всерьез.

Михаил Пожарский¹⁴:

«Авторы предлагают довольно новаторскую для российской политики схему “сетевой иерархии” и “идеологического поля”. Задача видится им в создании свободных сетевых объединений консерваторов разных мастей и профессий (с опорой, видимо, на интеллигенцию и бизнес), состоящих из людей, не подчиненных друг

другу напрямую, но имеющих возможность доказывать эффективность лидерства в непосредственных действиях. Сети сформируют своеобразное “поле консервативных идей”, в пространстве которого силами консерваторов разных мастей будут развиваться и эволюционировать идейные и практические схемы, в том числе и сама “Русская доктрина”. Когда эти сети разрастутся в солидных размеров паутину и опутают страну, они сформируют некое протогосударство, государство в государстве, которое органично сможет заменить собою действующее. На первый взгляд, вся вышеописанная стратегия оставляет впечатление футуристического бреда, сошедшего со страниц политической фантастики. Но при ближайшем рассмотрении она имеет также и ряд преимуществ. Таких, как, например, отсутствие необходимости пользоваться стандартными методами “пролезания во власть”, с их стандартными последствиями в виде тотальной девальвации и самодискредитации идеи в процессе воплощения ее на практике, получения тусклой копии задуманного изначально. Напротив, в “сетевом поле” идея должна “нарабатываться” и органично подстраиваться под окружающие реалии».

Стоит заметить, что практики такого рода далеко не новы для современных российских политических и общественных организаций. Создание и функционирование так называемого кольца национально-патриотических ресурсов в Рунете, развитие подвижных межпартийных коммуникаций политических фрилансеров-публицистов – наглядные тому подтверждения. Сетевые практики широко используются активистами партии «Единая Россия» при создании и продвижении лояльных общественных организаций (прежде всего молодежных). Они исключительно важны для выработки «общего языка» и формирования «общего смыслового поля» в российском обществе. К примеру, начиная с 2006 года, в России проводятся широкомасштабные Дни русской политической культуры. По свидетельствам и оценкам самих создателей этого «мероприятия», цель акции – «создать пространство, в котором допустимо и уместно было бы обсуждать ценностные основания современной российской государственности и актуальной политики». Основная задача видится ее организаторам в том, чтобы в такое обсуждение постепенно включались не только профессиональные политики, политологи, журналисты, но и «философы, историки, писатели, драматурги, музыканты и публичные фигуры, пользующиеся авторитетом в самых разных сферах»¹⁵.

¹³ Представители авторского коллектива о «Русской доктрине».

¹⁴ Пожарский М. Указ. соч.

¹⁵ Константы русской политической культуры. Сборник. М.: Европа, 2007. С. 3–4.

Технологии продвижения «Русской доктрины»

Изобрати товар, позиционируй его как брэнд, объясни потребителям, как его использовать, и, возможно, он придется им по душе...

Основной сферой приложения маркетинговых усилий становится приспособление продукта к пониманию и нуждам аудитории. Средствами продвижения инновации являются либо многобюджетные промоушен-кампании, либо партизанский маркетинг с точечным закреплением на рынке.

Итог работы — адаптация продукта в потребительской среде и, как следствие, рост продаж и прибыли.

«Две правды маркетинга»
(журнал «Маркетолог», 2003).

Как продвигается РД? Сеть — это продавец продукта и одновременно — покупатель продукции. Важно уметь предложить для Сети интересный продукт. Нестандартные промо-акции, которые проводят создатели «Русской доктрины», — презентации проекта с участием потенциальных потребителей.

Рассмотрим вехи продвижения этого проекта.

В октябре 2005 года на греческом острове Корфу в рамках общественного форума «Русская неделя» был проведен первый «показ» РД и состоялось первое обсуждение этого документа при участии главного редактора журнала «Политический класс» Виталия Третьякова, публициста и обозревателя «Литературной газеты» Александра Ципко, главы ВЦИОМа Валерия Федорова. Текст «Русской доктрины» получил тогда высокую оценку у всех участников этого собрания. В дальнейшем Виталий Третьяков и Александр Ципко стали активно продвигать этот проект в российском обществе. В ноябре того же года в Екатеринбурге при содействии президента фонда «Русский предприниматель» Сергея Писарева продукт РД был представлен в уральском деловом сообществе. До конца 2005 года проект прошел обсуждение в ряде общественных организаций Москвы (на Генеральной ассамблее консервативных проектов, в Союзе писателей России) и телевидении (канал «Культура»). Затем обсуждение «Русской доктрины» переместилось в Санкт-Петербург (на Патриотический форум). В этих презентациях участвовали митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, вице-спикер Государственной Думы России Сергей Бабурин, публицисты, обществоведы, экономисты, крупные предприниматели.

К 2006 году продукт, наконец, оказался замечен в Рунете: текст «Русской доктрины» включили в одну из сетей — Кольцо национально-патриотических ресурсов. Документ был поставлен на сайты многих консервативных националистических организаций и движений. В 2006—2007 годах последовали новые успехи продвижения проекта — он появился на центральных телеканалах, в Английском клубе предпринимателей, на слушаниях Всемирного русского народного собора и проч. В ходе этих акций авторы и сторонники РД стали формировать свою собственную сеть.

Такие мероприятия, как ко-брендинг, использование в своих целях известных общественно-политических «торговых марок», оказывают влияние на позиционирование «Русской доктрины» в сети. За три года продвижения она стала не только узнаваемой и отличимой от других правых националистических проектов и манифестов, но и сумела занять свою «нишу» на социально-политическом рынке. В настоящее время текст РД или ссылки на документ можно обнаружить не только на порталах и сайтах организаций, отождествляющих себя с политическим православием, правым консерватизмом, русским этническим национализмом, но и в электронных ресурсах «респектабельных» организаций, прямо или косвенно отождествляющих себя с высшими структурами истеблишмента.

Эти практики продвижения РД в российском обществе вполне согласуются со стратегией действий создателей продукта, описанной в тексте проекта. Сторонники укрепления этого и подобных проектов предполагают следующее развитие политического сценария¹⁶:

«Русским консерваторам нужны организации для выхода к власти... Их цель — работа в администрациях любого уровня, вплоть до высшего. Вторая важная цель — постоянная медийная активность, поддержка своих во власти, продуцирование определенного “фона” в информационной сфере... Общественно-политические организации русских консерваторов, во-первых, ждут удобного момента, а еще лучше — создают удобный момент для рекрутирования единомышленников в структуры исполнительной власти; во-вторых, всегда готовы в случае нестабильности на самом вершине заявить свое право на места в “стратегическом центре”; в-третьих, если центральная власть, не меняясь на персональном уровне, поворачивается лицом к чаяниям национальных консервативных сил, она должна видеть перед собой реально действующие

¹⁶ Володихин Дмитрий. О государстве Русском // Агентство политических новостей. 2006. 2 июня (<http://www.apn.ru/publications/print9781.htm>).

группы, с которыми можно как минимум провести политические консультации или договориться о разработке масштабных программ. Поэтому идеальная общественная организация русских консерваторов должна напоминать кадрированную военную часть. Штаб, небольшое количество охранных подразделений и полуправление (те же журналисты), находятся в постоянной боевой готовности. Прочие, когда потребуются, могут быть от мобилизованы быстрыми темпами... Ориентация на своего рода клубы, как на сетевую основу центров консервативной политики — гораздо правильнее и реалистичнее... Лишь постепенное продвижение единомышленников к верхам всех социальных иерархий может создать в России государство-семью, государство, основанное на благодушном и рачительном патернализме».

Активисты-«менеджеры» проекта «Русская доктрина» не без оснований рассчитывают на дальнейшее укрепление его позиций в социально-политической жизни России, поскольку «русский вопрос» и «поиск национальной идеи» продолжают оставаться центральными темами для государственной власти и ведущих политических партий в России.

Осторожные критики этого проекта начинают тревожиться: что если вдруг власть заметит послание, которое к ней пробивается из Сети? Что может произойти, если она захочет «включить рубильник»?

Татьяна Смирнова

Образ «другого» в «национальном» государстве: мультипликационный проект «Князь Владимир»

Проблема преобладания расиалистского дискурса в официально признанных текстах известна: выступления представителей власти, теле- и радиопрограммы, газетные и «научные» публикации оказываются обширным полем для анализа на предмет наличия языка вражды.

Одной из наиболее распространенных символических ситуаций «активирования» языка вражды стало рассуждение на тему современной российской идентичности. Любая попытка ее конструирования или характеристики в преобладающем большинстве случаев сводится к созданию образа «другого» — так, российская идентичность неизменно видится негативной¹. Что касается инструментов ее формирования, они не изменились: необходимыми и достаточными оказываются этнические или этнонационалистические концепты.

Особый интерес представляет конструирование национальной идентичности в текстах, ориентированных на детскую аудиторию и осуществляемое прежде всего через образовательные программы. Образование (в первую очередь историческое) как эффективный инструмент формирования идентичности может использоваться национальным государством для легитимации собственных позиций и «культурной» гомогенизации общества. В то же время терминологическая неопределенность часто приводит к замене понятий, и единая «культура» неизбежно превращается в «этнокультуру», а этнизация националистического дискурса в целом автоматически выстраивает иерархию «групп», повышая или понижая их символический статус². Описание национальной идентичности в этнических терминах привносит в понимание «этнической принадлежности» оценочные категории, что создает негативный образ

¹ Гудков Лев. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: НЛЮ, 2004.

² Шнирельман Виктор. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейа, 2002. С. 131–152.

определенных «групп» (и их представителей) и противоречит заявленной идее объединения государства.

Наиболее интересным примером применения образовательных практик России как национального государства являются различные интерпретации историко-былинных сюжетов, где становятся возможными и «историческая» легитимация существующего государства, и формирование четких образов «мы»- и «они-групп». В то же время специфика былинных сюжетов не только делает их применимыми в общепринятых школьных программах, но и позволяет создавать масштабные медиальные проекты, более эффективные и эффективные.

Исследование, фрагмент которого представлен в данной работе, сконцентрировано на анализе произведений с визуальной составляющей — в этом случае мы обладаем не только вербальным описанием акторов, но и их изображениями, и это существенно преобразует рассматриваемые фигуры³. Оптимальным объектом анализа оказывается мультфильм — популярный, «массовый» детский жанр, обладающий критерием «наглядности» и поэтому удобный для трансляции каких-либо идей.

Необходимо отметить, что исследования на тему формирования национальной идентичности в мультфильмах российского производства практически отсутствуют. Основной корпус работ, посвященных проблеме конструирования идентичности, базируется на исследовании советского кинематографа; описание советских мультфильмов ведется поверхностно, лишь в дополнение к теме, хотя социально-политическая направленность мультипликационного искусства постоянно подчеркивается в искусствоведческих работах советских авторов.

Советское кинематографическое искусство как инструмент формирования массового сознания, и в том числе национальной идентичности, наиболее подробно рассматривается современными исследователями в сборнике статей «Советское богатство», изданном в 2002 году⁴.

Так, статья Наташи Друбек-Мейер «Mass-message/массаж масс: советские (масс-) медиа в 30-е годы»⁵ посвящена описанию искусства

³ Исследование проводилось в период 2006–2007 годов и было посвящено анализу образа «другого» в современных российских мультфильмах.

⁴ Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино. К 60-летию Х. Понтера. СПб.: Академический проект, 2002 (далее — Советское богатство).

⁵ Друбек-Мейер Наташа. Mass-message/массаж масс: советские (масс-) медиа в 30-е годы // Советское богатство. С. 124–137.

Интересно, что сама возможность тотального воздействия на «массовое сознание» не подвергается серьезной рефлексии, Друбек-Мейер лишь упоминает об условности понятия «тоталитаризма» и тенденциях к возложению вины за преступления, совершенные в СССР, в том числе на советского человека.

сталинского периода с точки зрения его воздействия на людей; кино Н. Друбек-Мейер называет наиболее «медиальным» видом искусства. Тему медиальности советского кинематографа продолжает Бернд Уленбрух в статье «Инсценировка мифа: о фильме С. Эйзенштейна “Александр Невский”»⁶. Исследуя итоговую версию фильма как «шрифт», «правильный текст», Б. Уленбрух отмечает весьма значительные расхождения с первоначальным сценарием, позволяющие достаточно уверенно охарактеризовать направления политики правительства, в том числе и в области конструирования идентичности, — текст фильма (и вербальный, и аудиовизуальный) содержит элементы как этнонационалистического, так и религиозного дискурса.

Особенности советского кинематографа в сталинский период анализирует В. Багдасарян в статье «Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг.»⁷. Основной тезис работы следующий: через призму советского исторического кино прослеживается трансформация идеологии режима от революционно-интернационалистической к национал-большевистской. Главным показателем этого Багдасарян называет превращение «врага» (восточного, внутреннего («врага народа») и западного) из классового противника в национального «противостоятеля русского народа».

Перечисленные исследователями особенности советского кинематографа свидетельствуют, во-первых, о формировании образа «врага» как средства конструирования национальной идентичности, а во-вторых, об описании предложенного «врага» в этнических категориях. «Медиальность» советского кинематографа и искусства вообще в совокупности с акцентированной просветительской функцией мультфильма позволяет анализировать современные (одобренные государством) проекты как инструмент трансляции официальной «идеологии».

Современные российские аудиовизуальные произведения в большинстве случаев представляют националистические проекты социально-политического устройства государства: акторами политических процессов становятся «нации», отдельные действующие лица неизбежно превращаются в «типического» представителя группы, а национально-патриотический пафос, в том числе не вербализированный, имманентен каждому тексту.

«Князь Владимир» — один из самых масштабных и амбициозных проектов современной российской мультипликации. Полнометражный фильм с заявленной историко-просветительской составляющей является

⁶ Уленбрух Бернд. Инсценировка мифа: о фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский» // Советское богатство. С. 316–327.

⁷ Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46.

наиболее репрезентативным примером активирования политического дискурса в произведении, ориентированном на детскую аудиторию.

Сюжет фильма следующий. Князь Владимир (речь идет о Владимире Красном Солнышке) стремится наладить отношения с братом Ярополком и стабилизировать напряженную ситуацию в государстве. Однако в дело вмешиваются «темные силы»: языческий жрец Кривжа, отвергший законы добра и потерявший доверие русичей, в альянсе с «исконными врагами» Руси печенегами сеет раздор между князьями, мешая принятию компромиссного решения, что в итоге приводит к убийству старшего брата.

Параллельно разворачивается история мальчика-сироты Алекши, единственный родственник которого был убит печенегами. Мальчик становится невольным свидетелем заговора захватчиков и жреца и попадает в плен, из которого его спасает византийский посол. Цель Алекши — предупредить Владимира о предательстве, цель «врагов», соответственно — не позволить мальчику нарушить план захвата Руси. После некоторых злоключений мальчик знакомится с языческим жрецом Бояном, который, занимаясь обучением Алекши, объясняет устройство мира в рамках христианского канона. Алекша становится связующим звеном между Бояном и Князем.

Во время охоты околдованный Кривжей Владимир теряет обратную дорогу, выходит на незнакомую поляну, где спасает Алекшу от разъяренного быка, но сам получает ранение. Алекша помогает Бояну вылечить Князя. Ночью к избушке Бояна подводит войско печенежский хан Гурия. Решающая битва Владимира с Гурией заканчивается абсолютной победой «сил света».

Наконец, заключительный эпизод фильма — принятие Владимиром православной веры.

Патриотический пафос проявляется уже в подзаголовке фильма (подписи) — «Тысячу лет назад он сделал Русь великой». Каждая составная часть этой фразы становится отсылкой к определенным дискурсивным практикам конструирования национальной идентичности, поэтому последующий анализ будет проведен в соответствии с заданной авторами рамкой.

Можно предположить существование символической связи между государственной моделью Руси X–XI веков, презентуемой в фильме, и политическим устройством современной России. Иными словами, дальнейшие рассуждения будут исходить из гипотезы, что авторы проекта описывают указанный период как время становления современной российской государственности, а принципы социально-политического

устройства Руси представляют основой идеального государственного устройства современной России⁸.

Косвенное доказательство этой гипотезы авторы предоставляют в аннотации к фильму, называя персонажей «родными». «Этногенетический» миф о «рождении», «развитии», «жизнедеятельности» «этноса» и кровном родстве его «представителей»⁹, актуализированный таким образом, во многом раскрывает авторские интенции и образовательный канон, в рамках которого создавался проект.

Отсюда, необходимо уделить внимание специфике выбранного сюжета.

Интересен выбранный авторами период — «тысячу лет назад». Отдаленность происходящего во времени, во-первых, придает государству статус издавна сложившегося, легитимного¹⁰, а во-вторых, позволяет полностью абстрагироваться от соблюдения относительной «достоверности» событий и не только трактовать, но и «реконструировать» их в абсолютно любом ключе. Другими словами, речь идет о воспроизводстве «официальной» версии истории, адаптированной для детей и изложенной в развлекательно-познавательной форме.

Изложение материала происходит в рамках анализируемого Виктором Шнирельманом «цивилизационного» подхода: акторами истории становятся три группы — Русь, Византия и печенежское ханство.

Характерное для образовательных программ смешение терминов находит отражение и в проекте «Князь Владимир». Группы-актеры одновременно оказываются и государствами, и культурными, и этническими общностями, и, соответственно, «цивилизациями».

Надо заметить, при описании групп авторы фильма, намеренно или нет, не всегда четко следуют перечисленным «признакам цивилизации». Так, Печенежское ханство, не обладающее территорией как «традиционным» атрибутом современного государства, на фоне пафоса русской и византийской государственности оказывается символически лишено институциональной «полноценности»¹¹. Таким образом, авторы выстра-

⁸ В связи со сходством «политических дискурсов» представляемого проекта и современной российской политической элиты («укрепление государства», «укрепление духовности») образ Князя Владимира кажется синонимичным с образом Владимира Путина.

⁹ См., например: Гумилев Лев. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2007.

¹⁰ Шнирельман В. Указ. соч.

¹¹ Вообще, в логике эволюционистских представлений, по всей видимости, разделяемых авторами проекта, кочевые народы из-за отсутствия привязки к строго определенной территории, признаются «отстающими в развитии» — не успевшими к настоящему моменту «обрести государство».

ивают некую «цивилизационную иерархию»: одна группа может быть более или менее «государственной», нежели остальные.

Конструирование иерархии продолжается в сфере культуры. Интересно, что под понятием «культура» авторы подразумевают как набор установок и ценностей, так и этические категории, и изящные искусства.

К примеру, Русь и Византия оказываются абсолютно, максимально «культурными»: акцентированы морально-этические ценности обеих групп, тщательно прорисованы детали архитектурных сооружений, в фильмах присутствуют сцены наиболее стереотипных способов времяпрепровождения (русское застолье, например). «Культура» печенегов также представлена, однако практически все ее элементы преподнесены в сравнении с элементами остальных «культур» и приобретают неизменно негативные характеристики. Например, традиция приема пищи руками представлена в фильме как показатель невоспитанности, жадности и неразборчивости: персонаж подбегает к огромному котлу с едой, хватается кусок мяса и с жадностью заглатывает.

Итак, актерами истории являются группы, «цивилизации», которые могут быть более или менее развитыми. Группы эти взаимодействуют друг с другом (Русь и Византия) или вступают в конфликт (Русь и печенежское ханство) — довольно типичная схема обоснования социально-политических процессов.

Интересен выбор «союзника» для Руси. Сотрудничество и партнерские отношения с Византией («золотым» государством, «землей обетованной»: эпитет «золотой» практически неотъемлем для описания страны и столицы, а визуально она всегда изображается залитой мягким солнечным светом) представлены в фильме как альтернатива участию варягов в политической и культурной жизни страны. Активизация и реконструирование политического мифа о роли варягов в истории России также вписываются в общую образовательную концепцию проекта.

Активизация политического мифа посредством развлекательных произведений — практика, характерная практически для любого государства. Французский миф о галльском происхождении обыгран, например, в серии комиксов Госсини и Удэро «Приключения Астерикса»¹² и экранизаций к ним. Однако галлы, описанные в проекте — иронические персонажи, а сам проект не несет серьезной идеологической нагрузки.

Варяги, изображенные в «Князе Владимире», напротив — многофункциональные идеологические персонажи: образ их оказывается «вспомогательным» для конструирования «русской» идентичности — как

¹² См., например: Госсини Рене, Удэро Альберт. Приключения Астерикса: Астерикс и Клеопатра. М.: PANGLOSS, 2002.

«культурно-этической», так и идентичности «действия», представления о роли «русского народа» в истории.

В проекте варяги представлены одним персонажем — дружинником Князя. Светловолосый крупный мужчина с хитрым прищуром, сломанным носом и колоритным шрамом через все лицо, Варяг предстает жестоким, корыстным, беспринципным захватчиком. Именно на этот персонаж возложена ответственность «русского» войска за все убийства, грабежи, поджоги и разрушения. Завоевательные походы — неизменно его инициатива, характерные реплики Варяга: «*За морем добыча ждет!*», «*Зачем нам домой спешить? Городов еще столько!*», «*До первой крови!*», «*Возьмем и всех порешим!*», «*Варяга меч кормит!*» (в отличие от традиционного «хлебушка» для дружины).

Таким образом, персонаж Варяга олицетворяет «внутреннее зло» и предлагается зрителю в качестве объекта обвинений в преступлениях княжеской дружины. Важно отметить, что в самом сообществе, как военном, так и мирном, варяги не считаются «своими», они исключены из «мы-группы» и представлены не только как «другие», «чужие» («*Что у нас, своих молодцов нет?*»), но, в большинстве случаев, как «враги» («*Зачем варягов-то взяли? На нас глядят, как на врагов!*»).

Наиболее значимая миссия персонажа — участие в заговоре «темных сил» против Руси, русичей и Князя. По сюжету фильма, убийство киевского князя Ярополка, старшего брата Владимира, произошло вследствие заговора печенежского хана и языческого жреца Кривжи, не желающих допустить примирения братьев, дабы ослабить и захватить Русь. Однако осуществление планов внешних «врагов» невозможно без участия «врагов» внутренних — и функция предательства возложена не на «русича», что могло бы дискредитировать идею непогрешимости «русского народа», а на «чужого» Варяга. В самой сцене убийства Ярополка центральными действующими фигурами становятся Князь, сомневающийся в правильности происходящего и не желающий трагедии, и Варяг, наносящий удар под шептывание жреца «*Делай свое дело, Варяг!*».

Альянс «темных сил», «внешних врагов» и «внутренних» предателей полностью вписывается в популярную «теорию заговора», в логике которой Россия (Русь, СССР) выступает как богатое ресурсами и сильное государство, стратегический и «моральный» оппонент «корыстным и беспринципным» соседям. Как «сильный противник» на международной арене, она постоянно подвергается угрозам со стороны объединившихся врагов, находящих союзников в рядах ее населения — «врагов народа».

Итак, авторы проекта возлагают функцию «врага народа» на Варяга, чем одновременно «очищают» образ «русского народа» от всех негатив-

ных характеристик и деконструируют миф о призвании варягов на Русь. Возможность какого-либо влияния варяжской культуры на «становление» Руси полностью отрицается, внимание зрителя акцентируется на несоместимости убеждений и ценностей разных групп: «*Нешто мы разбойники*», — задумчиво роняет мудрый княжеский воевода Добрыня.

Каким же предстает в проекте «непогрешимый» «русский народ»? Кто такие «русичи», кто такой Князь Владимир и что, по версии предлагаемого проекта, есть «Русь»?

Конструирование условной «мы-группы» в вербальной составляющей фильма происходит при помощи реплик-характеристик с намеренным интонационным выделением притяжательных местоимений: «*Хороши наши невесты*», «*Краше наших девок на всем белом свете не сыскать*»¹³. Отсюда, естественным становится появление оппозиционного образа «чужого»: «чужими» могут быть и антропоморфные персонажи («*Чужой он, отдай его мне!*»), и материальные предметы («*Одежда на нем чужая, поганая*). Интересно, что озвучивают термин только отрицательные персонажи, однако ответ персонажей положительных не содержит ссылок на отсутствие такого разделения, он лишь подтверждает «нашесть» объекта — таким образом, механизм формирования негативной идентичности проявляется максимально явно.

Наиболее важный аспект исследования — способ создания образа «мы-группы», основные характеристики, по которым происходит разделение между условными «мы» и «чужие». Главной и единственной такой характеристикой становится этническая принадлежность. Так, на просьбу языческого жреца отдать ему Алекшу воевода отвечает: «*Наш он, русич!*», а один из отрицательных персонажей, увидев мальчика, презрительно протягивает: «*А-а-а, русич*». В итоге предлагаемая национальная идентичность трансформируется в этнонациональную и базируется на принципе исключения из группы, соответственно, закрытой.

Надо заметить, что эффективность вербального текста фильма в целом построена на выверенных, кратких и емких репликах персонажей: каждая из них содержит ссылку на предлагаемую авторами политико-идеологическую формулу. Особенно четко это проявляется в описании «мы-группы» и «ее» территории: слова-маркеры, которыми прежде всего оказываются «Русь» и «русич», выделяются интонацией. Визуально внимание зрителя удерживается при помощи крупных планов говорящих, а часто — крупных планов рук (сжимающийся кулак, например), что, как

¹³ При характеристике группы авторы, сознательно или нет, воспроизводят идею популярного гендерного разделения «сильные мужчины — красивые женщины», представляя его одной из составляющих «идеального общества».

один из вариантов воспроизведения плакатной стилистики, позволяет говорить о пропагандистской направленности фильма¹⁴. Характеристики персонажей, в свою очередь, стандартны для создания позитивного образа «народа», что делает их доступными для восприятия.

Основная составляющая конструируемой идентичности — категория символического «родства». Авторы проекта выстраивают как горизонтальную систему «родственной связи» членов группы («*Ведь братья мы!*»), так и вертикальную, объединяющую «народ» X–XI веков и современный его «прототип» («родные» персонажи). Учитывая специфику формирования идентичности — принцип этнической принадлежности, — авторы предлагают зрителю сделать вывод, во-первых, о существовании связи между древними «русичами» и, по логике проекта, современными «русскими», и, во-вторых, о символической ценности этой связи. Таким образом, активизируемый энтогенетический миф о рождении и развитии «народов» оказывается направленным на формирование «этнопатриотических» чувств.

Кроме того, в описании «русичей» значимой становится идея объединения. Разобщенность князей представлена в фильме основной проблемой внутренней политики Руси и фактором угрозы нападения «врагов»: «*Слаба Русь. Все князья перегрызлись*», — со злорадством изрекает печенежский хан. Объединение князей становится главной задачей Владимира, однако в ходе развития сюжета его стратегическая роль нивелируется. Реплики «*только вместе мы Русь от печенегов защитим*» не находят в фильме фактического подтверждения и оказываются символическим призывом объединения группы:

- *Ждем, чтобы вместе все...*
- *Все русичи?*
- *Ну наконец-то!*

Другими словами, речь идет об объединении «русичей» как самоцели, а «сила», одна из центральных характеристик группы, становится лишь одним из аргументов. Более того, принимая во внимание образовательную направленность проекта, логично предположить, что таким образом авторы говорят о возможности объединения современных «русских», последовательно укрепляя концепт этнонационального патриотизма.

Еще одна основополагающая категория описания «мы-группы» — «закон». Ориентация на «законность», с одной стороны — характеристика поведения каждого члена группы («*Не по закону это...*»), а с другой — легитимация власти Владимира, «правильного», «верного». Не случайно противостояние жреца Кривжи, повторяющего «*Я править хочу! Моя*

¹⁴ Вашик Клаус. *Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов* // *Образ врага*. М.: ОГИ, 2005. С. 191–229.

власть! Мой закон!», и Князя во многом основано на дискурсе легитимности — статус Владимира, таким образом, становится «легитимным от противного».

Что касается личностных характеристик группы (именно группы), то они раскрыты в фильме через типовые образы персонажей-представителей.

Воевода Добрыня (прототипом которого, по всей видимости, стал былинный герой Добрыня Никитич) предстает своеобразным «хранителем» Руси, как фактическим (роль предводителя «дружины верной»), так и символическим (роль советника и друга Князя). Именно этот персонаж всегда угадывает «врага», выражает открытую неприязнь к Варягу и Кривже, обладает способностью разделять «наших» и «не наших», приходит на помощь Владимиру и в моменты моральных терзаний, и в решающем бою. Сильный и мудрый воевода Добрыня — своеобразный глашатай «русской идеи», помогающий Князю стать справедливым правителем Руси.

Помимо Добрыни в фильме представлены еще два богатыря — братья-увальни, обладающие недюжинной силой, но не способные ни на одно осмысленное решение, а потому разрушающие все на своем пути. Даже такая попытка самоиронии не лишена защитнического пафоса — богатыри с легкостью расправляются с печенежским отрядом («*Ну я им бошки-то и отвернул!*»), спасают мальчика и приводят его к старику Бояну. Так образ богатырей становится иллюстрацией идеи «многогранности русского характера», разного, но неизменно «положительного». Добрые отношения братьев со стариком также символичны: Боян — воплощение божественной мудрости — по-отечески покровительствует молодцам, оберегая и направляя их энергию в безопасное русло, что может свидетельствовать о божественном покровительстве всему «русскому народу» в целом и каждому «русичу» в частности.

Один из наиболее ярких персонажей фильма — сирота Алекша. В начале повествования он предстает «типовым» сильным, смелым и честным мальчиком-патриотом: услышав о готовящемся заговоре, всеми силами стремится сообщить об опасности Князю. Однако в ходе развития сюжета образ Алекши все чаще представляется при помощи крупных планов, в плакатной стилистике, в связи с чем начинает вызывать аналогии с образом Руси. Вообще, выбор в качестве прототипа Руси персонажа-ребенка кажется наиболее эффективным ходом для создания ее оптимально позитивного имиджа: с одной стороны, она становится «трогательной», «близкой», вызывающей сочувствие и сопереживание, с другой — вызывает «уважение» зрителя, демонстрируя качества, ей в силу «детскости» теоретически не свойственные.

Так, попавший в печенежский плен Алекша предстает измученным, поработанным сиротой, босоногим, в рваной льняной рубашке и с веревкой на шее. Безусловно, значимым становится и образ «поработителя» — жестокого, но трусливого и продажного слуги печенежского хана, и образ спасителя — византийского посла, выкупающего мальчика. В моменты опасности Алекша демонстрирует самоотверженность, смелость и великодушие: он спасает дочь Князя от медведя-оборотня и даже вытаскивает из воды тонущего сына печенежского хана.

Кроме того, Алекша становится первым персонажем-«русичем», постигающим мудрость христианства: именно ему византиец Анастасий отдает Евангелие со словами «оно спасет тебя», именно он в беседах со стариком Бояном открывает законы доброты и любви. Образ седовлавого Бояна во многом соотносится с образом Бога: по сюжету — лесной отшельник и жрец, он живет в гармонии с природой, появляется в ореоле света, а слова его чаще всего сопровождаются торжественной, похожей на церковную, мелодией.

Наконец, центральный персонаж фильма, Князь Владимир, изображен авторами проекта идеальным правителем Руси и, соответственно, примером «идеального русича».

Прежде всего, следует отметить иконографичность образа Князя. Правильные черты лица, тонкий нос, четко выделенные скулы, пронзительный взгляд — все это позволяет проводить аналогии с иконографическими образами православных святых.

Владимир честен, а концепт «чести», «правды», «закона» оказывается одним из центральных для описания стиля жизни и моральных убеждений «русичей». Так, Владимир до последнего момента не верит в возможность предательства Ярополка, а при личной встрече с братом не поддается чарам жреца Кривжи.

Далее, Князь представлен мудрым и справедливым «хозяином» Руси. Вообще, описание Руси основывается прежде всего на «хозяйском» дискурсе и дискурсе «родства»: в одном из диалогов, например, Русь названа «родным гнездом». Апогеем метафорического представления о Руси как о «доме» становится сцена пира в Новгороде: Владимир — хороший «хозяин» — демонстрирует «русское» гостеприимство, угощая византийских послов со словами «*Кушайте, гости дорогие!*». Таким образом, Князь отвечает древнерусскому идеалу сильного и мудрого правителя-монарха, основной задачей которого является забота о «собственном» «родном» государстве.

Владимир мужествен и смел, и это оказывается не только необходимыми качествами правителя, но, по логике проекта, неотъемлемыми характеристиками любого «русича». Князь — ловкий и талантливый

воин, но в то же время он не видит смысла в завоевательных походах, впадает в странную задумчивость после взятия одного из городов (образ разрушенного гнезда голубки). В отличие от корыстного Варяга, Князь вместе с воеводой отказывается от захватнических военных действий, как будто чувствуя «неправильность», «неестественность» такой роли для «русичей»: он отворачивается от протянутого меча, заканчивая тем самым бессмысленные кровопролитные набеги.

Физическая сила и доблесть Владимира и его дружины, таким образом, связывается только с функцией «защиты» Руси от печенежских набегов.

Русь, как уже было отмечено, изображена авторами как «полноценное» современное государство: она обладает территорией и границами, населением и правительством (правителем). Основополагающим здесь оказывается понятие «границы», которую необходимо «защищать». Вообще, метафора «щита» и «защиты» характерна для описания как внутренней политики Руси — *«только вместе мы Русь от печенегов защитим»*, так и внешней — *«Нам нужна сильная Русь. Она щит от печенегов»*. Так образ печенегов расширяется от «внешней угрозы» Руси до «глобального» врага всего «мира добра».

Роль Князя — защитника Руси реализуется как аллегорическая — через спасение Алекши (*«Не бойся, Князь тебя в обиду не даст»*, — говорит мальчику грек Анастасий), так и фактически — в ходе решающего поединка с Гурей, печенежским ханом.

Определяющим моментом фильма является путь Владимира к принятию православия: именно спасая Алекшу (Русь), Владимир попадает к старику Бояну, прообразу Бога, и принимает новую веру. Надо заметить, процесс крещения Князя в фильме не акцентирован — им можно считать и озарение во время ночной битвы, и утреннее омовение, и выздоровление после болезни (*«Рано меня похоронили!»*). Однако «совместное» принятие православия Князя и Алекши становится почти мистическим: в некоем ирреальном золотом пространстве их голоса соединяются:

Алекша: Тьма проходит, и истинный свет уже светит. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, а кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме. И мы имеем от него...

Князь Владимир: ... и мы имеем от Него заповедь, чтобы любящий Бога любил брата своего. В любви нет страха. Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем, и Бог есть любовь...

Интересно, что «золотой мир» появляется в визуальном ряде фильма при каждом упоминании Бога и православной веры. Прежде всего, речь идет об эпизодах детских воспоминаний Князя, где фигурирует Княгиня Ольга, по одной из версий — первая святая Руси; ее образ также может быть ассо-

цирован с ликом иконы. Дочь Владимира Оленька — по всей видимости, символ преемственности православной традиции на Руси. Кроме того, «золотой» становится Византия — союзница и «религиозная наставница» Руси.

Итак, «русич», по версии авторов проекта — честный, справедливый, мужественный, сильный морально и физически человек, проповедующий при этом христианские ценности добра и любви к ближнему и в любой момент готовый защищать «брата» и «родную страну». Другими словами, образ «русича» становится олицетворением абсолютного Добра.

Стандартный набор пафосно идеальных характеристик дополнен визуальным наделением персонажей «этническими чертами». Так, практически все персонажи-«русичи» — обладатели светлых волос (обязательный атрибут для мужчины — борода) и голубых глаз; при этом они хорошо развиты физически (мужчины — крупные, широкоплечие, женщины — изящные).

Значима, с этой точки зрения, и трансформация «многонационального» торгового Новгорода в моноэтническое сообщество «русичей» (похожую трансформацию образа города наблюдает Б. Уленбрух в фильме С. Эйзенштейна¹⁵). «Визуальная полиэтничность», однако, сохранена при изображении рынка: именно там зритель видит «представителей» различных этнических групп, маркированных «этническими чертами лица». В большинстве своем рыночные торговцы оказываются брюнетами с крупными носами; один из персонажей продает дыни, с характерным акцентом зазывая покупателей: *«ПадхАди, пАкунай, сладкие дыни! ПадхАди, пАкунай, хАрошие дыни!»* Функцию этой сцены определить сложно: возможно, это стереотипное выражение националистической позиции авторов, возможно, наоборот, попытка «нормализовать» подвергающиеся критике националистов экономические практики «историческими истоками». В любом случае, визуальное выражение ситуации может способствовать формированию этнических стереотипов, а предлагаемая «нормализация» — окончательно стигматизировать изображаемую «группу».

В итоге, сконструированная по принципу этнической принадлежности «мы-группа» ввиду примордиалистских представлений о возможности «членства» в ней становится еще более «непроницаемой».

Образ «чужого», без которого формирование идентичности в рамках логики проекта оказалось бы невозможным, есть, соответственно, образ абсолютного Зла.

Помимо упомянутой «некультурности», «дикости», в ходе развития сюжета всячески подчеркивается жестокость, беспринципность и корыс-

¹⁵ Уленбрух Б. Указ. соч.

тность печенегов: эпитет «проклятые» стал практически постоянным, а отзывы «русичей» оказываются крайне негативными («печенеги наши деревни жгут», «враги», «убийцы»).

Как уже было отмечено, печенеги становятся организаторами заговора против Руси — на них возлагается главная ответственность за все неудачи внешней и внутренней политики страны («*Печенеги угрожают нашим границам, а русских князей рассорили*», — докладывает византийский посол). Таким образом, поиск внутреннего врага, коим оказались варяги, дополняется формированием образа врага внешнего, причем противостоянию этому придается статус «исконного», «естественного» (маленькие братья Владимир и Ярополк играют в «русича» и «печенега»).

Одним из наиболее ярких эпизодов, изображающих действия «врага», становится экранизация текста подложного Кривжей письма. Сцена выполнена в черно-красных тонах, образы печенегов гиперболизированы до сходства с дьяволом (хан Гури).

Демонизация «врага» описана в исследовании Клауса Вашика, посвященном анализу образов «врага» в плакатной пропаганде 30–50-х годов как один из наиболее эффективных способов создания максимально устрашающего образа:

«... фигура демона могла претендовать на вневременные и более жизненные качества. Демоны являются нечеловеческими и в то же время они не подвержены смерти, что распространяет масштаб представляемой ими опасности уже во вневременные пределы. Потенциальное “возвращение демона к жизни” требует, даже не проговаривая этого, бескомпромиссного торжества добра, ради свершения чего неизбежно полное уничтожение врага»¹⁶.

Таким образом, подобный способ изображения «врага» удачно вписывается в пафос «вечного сюжета» и оппозиции «Добро — Зло», «Демон-печенег — Святой русич» и т.д.

Живописно изображение огромного мужчины с хлыстом, с каждым ударом которого происходит смена кадров горящих деревень, погибающих жителей, отчаянных лиц женщин. Интересно, что образ этот, как подчеркивает Вашик, характерен для немецкого плаката 30-х годов, изображающего, как и в случае с «человеком-зверем», «восточную угрозу».

Жестокость печенегов выражается и в пассивных действиях: образ хана Гури, «убийцы отца» Владимира, подкреплён сценой приема пищи в шатре — чашей хана оказывается череп Святослава, украшенный драгоценными камнями.

¹⁶ Вашик К. Указ. соч. С. 209.

Своеобразной попыткой очеловечивания печенегов стал сын Гури Дияр, протестующий против жестокости отца. Дияр неоднократно встречается с Алексеем (Алекша, в свою очередь, проявляет благородство, спасая сына печенежского хана), а в одном из эпизодов общается и с другими детьми, в том числе и с Оленькой, дочерью Князя. Тем не менее, возможность налаживания отношений между детьми сведена к минимуму, «несовместимость» их «культур» подчеркнута «хозяйской» репликой Алекши: *«не у себя дома»*.

В любом случае, этот персонаж стал своеобразным реверансом авторов проекта в сторону идеи «толерантности» в ее специфическом понимании «и среди них есть хорошие». Интересно, что только персонажи, олицетворяющие негативные качества «они-группы» — хан и его слуга, — наделены «этническими чертами» и превращены в представителей «монголоидной расы» (прежде всего, маркерами становятся узкие глаза, темные волосы), нейтральные персонажи обладают «нейтральными» чертами лица. Вывод, предлагаемый авторами проекта, по всей видимости, заключается в наличии связи между внешними данными персонажа и его личностными характеристиками.

Окончательная абсолютизация Зла в лице печенегов происходит в эпизоде решающей битвы Князя и хана Гури.

Силу Гури обеспечивает, в первую очередь, Кривжа — жрец Перуна (неслучайно образ печенегов часто соотносится с огнем: «пожгли», «сожгли» и т.д.). Жрец-оборотень, околдовавший Владимира и внесший вклад в трагический исход заговора (еще один пример «гибридизации» образа врага, активизирующий мотив «маски и разоблачения»¹⁷), обеспечивает печенегам поддержку «темных сил», в то время как Владимир выступает от имени «сил света», олицетворением которых является старик Боян.

Таким образом, битва происходит в двух измерениях: это одновременно сражение русичей с «врагами»-печенегами и противостояние религиозных традиций язычества и христианства.

Масштабы и пафос битвы переданы авторами прежде всего в визуальном ряде эпизода.

Противопоставление образов противников, в первую очередь, происходит за счет выбора символического цвета, присущего каждому из них. Так, цвет печенегов — воплощения абсолютного Зла — черный: действие происходит ночью (стереотипное время суток для активизации «темных сил»), а изображение печенежского войска выполнено в темных, холодных цветах (черный, темно-синий, мерцающий зеленый). Визуальным

¹⁷ Там же. С. 210.

апогеем демонизации «врага» становится черный шлейф, тянущийся за печенежским ханом. Цвет Князя, в свою очередь — золотой: огненный круг, ограничивающий поле битвы, зелено-огненные стрелы «врага», рассыпающиеся перед золотым сиянием «дерева жизни» Бояна. Сиянию «сил добра» визуальнo противопоставлен туман, окутывающий «силы зла».

В ходе битвы всячески подчеркивается преобладание сил противника — это и войско печенегов, окружившее избушку Бояна, и мощь вооружения Гури, и слабость Князя из-за болезни. Вообще, образ Князя в битве — это образ максимально «народного» правителя, который без доспехов и оружия, в льняной рубахе, с факелом в руке готов защищать «родную землю» от «врага» (меч и коня он получает от воеводы). За счет этого одновременно возрастает символическая ценность победы, одержанной Владимиром, а образ «победителя» становится, наконец, завершенным.

Эффектность и пафос битвы Добра и Зла во многом создаются посредством акцентированных «плакатных» кадров (например, столкновение противников или лицо Владимира на фоне «дерева жизни») — с четкой композицией, продуманным цветовым решением и звуковым сопровождением.

Исход битвы — безоговорочная победа Добра (Владимира, Руси и православия) — признается даже «врагом»: сын поверженного хана Диар уводит печенежское войско со словами «*Это был честный поединок*».

По всей видимости, именно с этого момента — момента победы великого Князя в союзе с проповедником «истинной веры» — начинается отсчет той самой «тысячи лет назад», когда Владимир Красное Солнышко «сделал Русь великой».

Анализ историко-просветительского проекта «Князь Владимир» приводит к следующим выводам.

Во-первых, принципы конструирования национальной идентичности, предложенные в проекте, основаны на противопоставлении образа «мы» образам «других», трансформированных во внешнего и внутреннего врагов — так национальная идентичность становится негативной. Кроме того, существование самого концепта «врага» призвано объяснить неудачи государственной политики и идеализировать образ государства.

Особенности описания групп «мы» и «они» — идеализация и абсолютизация упоминаемых качеств: параметр «глубины» персонажа заменяется параметром «представительства», образ каждого персонажа призван быть «типическим», поэтому характеристики его максимально схематизированы, с одной стороны, и подобраны в соответствии с образом «представляемой» группы — с другой.

Один из важнейших принципов конструируемой идентичности — этническая принадлежность персонажа. Этнизация действующих лиц не подвергается какой-либо рефлексии, создавая образ «русского правителя»; авторы воспроизводят современное, этническое понимание «русскости» и «нерусскости», а религиозная принадлежность, актуальная на момент создания былины, становится необходимым, но не достаточным условием определения современного былинного «мы-персонажа». Связь этнической принадлежности и внешнего облика человека оказывается аксиоматической. Так, в большинстве случаев персонажи наделены ярко выраженными «этническими чертами»; «мы-герой» всегда оказывается «визуально русским», а «герой-зло» чаще всего — представитель «монголоидной расы». В результате национальная идентичность трансформируется в этнонациональную, и визуализированная «мы-группа» оказывается эксклюзивной, закрытой. Определяющую роль в формировании образа идеального государства Руси и его граждан играет концепт веры, принятие православия. Таким образом, актуализируется миф об исторической борьбе Святой Руси с ее «исконными врагами»¹⁸.

Кроме того, одним из основополагающих параметров описания государства Руси (России) становится «территориальность». Сопоставление (противопоставление) образа Руси с образами других государств проведено (в соответствии с определением современного государства) по трем параметрам: «население», «правительство» и «территория». Отсутствие одного из параметров (постоянной территории у кочевых народов) приравнивается к «неполноценности» и «группы», и ее «членов».

Перечисленные особенности проекта превращают его патриотический пафос из пропаганды национальной идеи в пропаганду этнонационалистических убеждений. Активизация создателями этногенетического мифа не только способствует развитию «этнопатриотизма», но и делает возможным сопоставление архаичных принципов социального устройства, представленных в проекте, с предлагаемыми особенностями современных моделей национального государства.

¹⁸ Перечисленные выводы практически в точности повторяют результаты исследований медиального фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский», проведенных Б. Уленбухом и В. Багдасаряном.

Виктор Шнирельман

Расология в действии: мечты депутата Савельева

17 ноября 2006 г. на очередном заседании Ассамблеи ООН по инициативе России был принят проект резолюции, осуждающей расизм и неонацизм. Этот документ, дающий адекватный ответ росту популярности ультраправых движений в современной Европе, представляет несомненную актуальность и для самой России, парламент которой несвободен от расистских взглядов. О депутате-расисте, заседающем в Государственной Думе РФ, и идет речь в настоящей работе.

Осенью 2006 года в Госдуму РФ поступил проект федерального закона № 350968-4 «Об общинах коренных народов Российской Федерации» вместе с приложенной к нему пояснительной запиской. Этот текст был подготовлен по инициативе Андрея Савельева, депутата Госдумы от партии «Родина», попавшего в парламент по списку названной партии в результате думских выборов 2003 года. В качестве депутата Савельев получил пост заместителя председателя Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками.

Андрей Николаевич Савельев, выпускник факультета химической физики МФТИ (1985), начал свою трудовую деятельность в Институте химической физики и в 1991 году защитил кандидатскую диссертацию в области физико-математических наук по специальности «химическая физика». Однако научная карьера Савельева, похоже, не прельщала, и он предпочел ей сферу политики, сулившую младшим научным сотрудникам на исходе перестройки гораздо более захватывающие перспективы. В бурные переходные годы мы находим Савельева в рядах депутатов Моссовета (1990–1993), куда он попал при поддержке блока «Демократическая Россия», а затем в 1994–1998 годы он уже руководил аналитическими структурами Российского общественно-политического центра и Конгресса русских общин (КРО). Тогда же Савельев стал участвовать в деятельности Православного политического совещания и Союза

православных граждан. К тому времени он познакомился с Дмитрием Рогозиным и сделался его ближайшим соратником. В 1993 году оба они участвовали в создании таких консервативных по духу организаций, как Союз возрождения России и КРО. Савельев был одним из основных разработчиков программы КРО «Манифеста возрождения России», подготовленной под редакцией Рогозина¹.

Одновременно он побывал и в рядах национал-капиталистов, создавших осенью 1996 года объединение «Золотой лев», и в 1998 году вошел в редколлегию одноименного журнала. Идеология этого движения была определена другим его активистом, Александром Севастьяновым, как «диктатура национального капитала», или «фашизм», в котором, по его словам, Россия остро нуждалась². Наряду с Севастьяновым и другими идеологами этого движения осенью 1996 года Савельев участвовал в разработке платформы «Русское согласие», планировавшей введение «расовой гигиены». Там же предлагалось учреждение «сословно-корпоративного общества», следующего примеру фашистской Италии.

Именно тогда в середине 1990-х годов впервые проявилась заинтересованность отдельных политиков в «чистоте крови», что выражалось, в частности, в подчеркивании своего славянского происхождения³. Тогда-то и отмечался политический взлет движения КРО, выступавшего от имени этнических русских и ставившего своей целью не строительство гражданской нации, а политическую консолидацию русского народа. Именно КРО наряду с ЛДПР пытался привлечь русских избирателей путем политизации этнического фактора⁴. Одновременно в Государственной Думе начали разрабатывать законопроект «О русском народе», сторонники которого представляли русских как якобы единственный из крупных народов России, лишенный прав политической субъектности, то есть не имевший «своей национальной государственности». От некоторых экспертов, помогавших в

¹ Авдеев Владимир, Пыхтин Сергей. От политологии к расологии (политическая и научная биография Андрея Николаевича Савельева) // Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология. М.: Белые альфы, 2007; см. также: Titkov Alexei. 'Party number four'. Rodina: whence and why. Moscow: Panorama Centre, 2006. P. 58–61.

² Сиротин Евгений. «Фашизм — это диктатура национального капитала» // Диагноз. 1997. № 2. С. 12–13. Подробнее о симпатиях Севастьянова к фашизму и расовой теории см.: Севастьянов А.Н. Национал-капитализм. М.: А. Севастьянов, 1995; Он же. Национал-демократия и новый реализм. М.: А. Севастьянов, 1996.

³ Рывкина Розалина. Евреи в постсоветской России — кто они? М.: УРСС, 1996. С. 135.

⁴ Дейнего Екатерина, Красников Евгений. Русские общины готовы взять власть в стране // Независимая газета. 1995. 11 апреля; Клямкин Игорь, Лапкин Владимир. Русский вопрос в России // Полис. 1995. № 5. С. 82.

разработке законопроекта, журналистам доводилось слышать, что «*биологическая принадлежность к русскому народу будет учитываться*»⁵.

Оценив аналитические способности друга, Rogozin, ставший председателем Комитета Госдумы по международным делам, назначил того в 2000 году своим советником. В этой должности Савельев встретил парламентские выборы декабря 2003 года. Войдя в политический совет партии «Родина», он прошел по ее списку в депутаты Госдумы, где стал активным членом фракции «Родина». К тому времени Савельев не только пополнил ряды новоиспеченных российских политологов, но даже ухитрился, не имея никакого высшего гуманитарного образования, защитить в 2000 году в Академии труда и социальных отношений докторскую диссертацию по политическим наукам. Диссертация называлась «Механизмы духовно-нравственного измерения политических процессов: политическая мифология». По материалам этой диссертации Савельев вскоре издал книгу, в которой не только проводил анализ политической мифологии, но и исследовал возможности ее применения в текущей политике. Целью книги он называл создание «Большого национального мифа» и призывал к консервативной революции и строительству новой империи на основах иерархии, элитного отбора и принципов корпоративности. Кроме того, он использовал свои знания политической мифологии для развития национальной идеи, в основу которой предлагал положить нацистский нордический миф, адаптированный к славянскому этногенезу, где русские оказывались прямыми потомками прибывших с севера мифических арийцев⁶.

К тому времени за Савельевым уже числилось несколько книг, написанных с большим эмоциональным пафосом, под псевдонимом «А.

⁵ Колесниченко Александр, Поздняев Михаил. Русские в законе // Новые Известия. 2004. 11 февраля.

⁶ Кольев Андрей. Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. С. 364–368. Позднее, обратившись к научной литературе, Савельев резко изменил свои представления о происхождении «арийского типа», который он теперь связал со степной зоной. Правда, похоже, литературу он читал выборочно и урывками, что и приводит к странностям в изложении им археологических материалов. Здесь у него возникают какие-то неведомые «нордические культуры», а из далекой Азии появляются вдруг «популяции арьев»; «кавказоидный тип» (то есть европеоидный) противопоставляется «арийскому» (тоже европеоидному), а ямочно-гребенчатая керамика оказывается «носителем мезоцефалии». «Расовая теория» показывает себя во всей своей красе, и мысли, высказанные на каждой последующей странице, перечеркивают то, о чем говорилось на предыдущей. См.: Савельев А.Н. Образ врага. С. 138–167. Об арийском мифе см.: Godwin Joscelyn. Arktos. The Polar myth in scientific symbolism, and Nazi survival. L.: Thames and Hudson, 1993; Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. М.: Academia, 2004. С. 175–214.

Кольев». В своих книгах он обсуждал судьбу современной России и без устали искал ее «врагов», кем бы они ни были — «этнической номенклатурой» или «чеченцами». Однако все это, похоже, А. Савельева не удовлетворяло, ибо глобальная катастрофа, обрушившаяся, по его мнению, на Россию, требовала и глобального объяснения. Такое объяснение он нашел, сблизившись с Владимиром Авдеевым, бывшим советским инженером, ставшим в 1990-х годах радикальным идеологом, членом одной из московских неоязыческих общин. Похоже, этот альянс язычника Авдеева с православным Савельевым пошел обоим на пользу. Не без помощи последнего Авдеев начал издавать «Библиотеку расовой мысли», ставящую своей целью «*выработку концепции русской расовой теории*»⁷, а Савельев получил ценного советника, дававшего ему необходимые консультации по «расовым вопросам». С тех пор у Савельева наметился отчетливый тренд от устаревшей, на его взгляд, политологии к многообещающей «объективной биополитике», рассматривающей народ как «культурно-биологическое целое» и объявляющей социологию «шулерством» и «спекуляцией».

Первой ласточкой в этой серии стал сборник «Расовый смысл русской идеи», авторы которого делали попытку привить русским расовое сознание⁸. При этом ни Авдеев, ни Савельев, ставшие инициаторами этого издания, не имели никакого отношения к физической антропологии, не говоря уже о каких-либо самостоятельных исследованиях в этой области. Не обладали они и специальными знаниями в области древнейшей истории человечества. Однако это несколько не помешало им объявить, что в основе древней социальности якобы лежало «*биологическое единство крови*»⁹. Казалось бы, зачем «политологу» Савельеву понадобилось углубляться в такую запредельную древность? Есть ли вообще какая-либо связь между политологией и «расовой наукой»? Современный физический антрополог, безусловно, даст на этот вопрос отрицательный ответ и откажется продолжать бессмысленный разговор. Не то наши авторы, не желавшие знать об истинных достижениях современной физической антропологии, но замороженные давно устаревшими и отвергнутыми идеями «расовой философии» и «расовой гигиены», которые были распростра-

⁷ О реакции российских физических антропологов и генетиков на эту инициативу см.: Алексеева Татьяна и др. Рецидивы шовинизма и расовой нетерпимости // Природа. 2003. № 6. С. 80–81.

⁸ Авдеев В.Б., Савельев А.Н. и др. Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М.: Белые альвы, 2000.

⁹ Кстати, в другой работе Савельев продемонстрировал свою веру в «расовую природу этноса». См.: Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. С. 388.

нены в Европе ровно сто лет назад. Именно тогда в Германии некоторые мыслители верили в универсальное биологическое объяснение исторических и политических процессов и именно тогда, и только тогда, термин «политическая антропология» однозначно понимался как утверждение того, что политика имеет расовые основы. На практике такой подход был реализован германскими нацистами. Но наших авторов это нисколько не смущало, и теперь они мечтали о его возрождении на российской почве. Свое введение к указанному сборнику Авдеев и Савельев заканчивали призывом к русским заучить три важнейших слова: «РУССКИЕ», «РОССИЯ» и ... «РАСА»¹⁰. Почему это должно быть важно русским? Авторам казалось бесспорным, что именно недооценка «расового фактора» не раз ставила Россию на край гибели. Среди их аргументов можно найти и неправильный «психосоматический компонент первого советского правительства», и «дружбу народов» как «контрselection», и «кровосмешение», якобы отдающее власть в руки «вырожденцев». Чтобы преодолеть «негативные тенденции», авторы предлагали пробуждать у русских «расовое сознание», следовать «расовой гигиене», довести до конца размежевание с «народами инорасовыми» и, наконец, сохранять «расовую чистоту». При этом для авторов «национальное» означало «расовое», и формирование русской нации они видели как «социобиологическую мутацию сознания». А большевикам они пеняли более всего за то, что те «*прервали полет русской (расовой. — В.Ш.) мысли*».

Между тем образцом для подражания им служила секретная инструкция Лаврентия Берии об отборе кадров в органы НКВД, составленная в конце 1938 года не без влияния нацистской Германии. В этой инструкции, в частности, рекомендовалось обращать внимание на национальное происхождение: «*Очень опасными в социальном плане по своей психогенетической сущности являются люди, произошедшие в результате смешанных браков. Для кадрового отбора в НКВД важно отсекаать, в основном, лиц, у которых присутствует еврейская кровь*». Эту инструкцию без всяких комментариев и опубликовали составители сборника в виде приложения к нему¹¹.

Что же касается авторского участия Савельева в данном сборнике, то оно состояло в анализе результатов социологических опросов¹². Эти результаты для него неутешительны: ведь русские выказывают не только

¹⁰ Авдеев В.Б., Савельев А. Н. Раса и русская идея // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. С. 15.

¹¹ Инструкция. Об основных критериях при отборе кадров для прохождения службы в органах НКВД СССР // Расовый смысл русской идеи. С. 470–483.

¹² Савельев А.Н. Русские по паспорту и русские по духу // Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. С. 352–361.

то, что автор трактует как «неразвитость русского самосознания», но и нежелание участвовать в патриотических движениях и поддерживать их выдвиженцев на выборах. Для того чтобы побудить русских к большей политической активности, Савельев убеждал их в том, что другие народы якобы, с одной стороны, живут за их счет и грабят их, а с другой — питают к ним неуважение и ненависть. Констатируя низкий уровень русской этнической идентичности, он сетовал на то, что до 40–50 % тех, кто считается русскими по паспорту, лишены русской идентичности. Для него это означало, что «*до половины русских являются теми самыми “россиянами”, которые фактически образуют внутри русского народа инородную, инокультурную общность*». Иными словами, Савельев наделял себя самого правом судить о том, кто является русским, а кто нет¹³. Все свои надежды он связывал с узким слоем «русской элиты», усилия которой, по его мнению, должны были привести к «*воссозданию Русского Дома и заселению его истинно русскими людьми*». Перед нами не что иное, как план создания «русского государства», из которого исключаются не только нерусские народы, но и все те, кого автор и его сподвижники сочтут недостойными звания русского человека¹⁴.

Позднее Савельев объявит это «национальной этнополитикой» во имя «сохранения племенного родства». Спыхватившись, что заходит слишком далеко, он объясняет: «*Речь, разумеется, не о тотальной евгенической чистке, а о социальных практиках подкрепления биологических доминант данного народа*», чтобы тот научился себя вести в соответствии с «*определенным расовым типом*»¹⁵. О том, какое поведение соответствует «определенному расовому типу», знает, похоже, только сам Савельев. «Тотальную евгеническую чистку» он проводить, конечно, не намерен, но почему не провести частичную и не «*вытеснить из культурного ядра нации разного рода “творческие мутации”*»? Ведь «мутанты» заслуживают «системного истребления», не так ли?¹⁶ Нетрудно заметить, что в свое время именно такие идеи вдохновляли германских нацистов. Кому-то это, возможно, покажется непозволительной аналогией. Но можно ли объяснить случайностью тот факт, что любимыми авторами Савельева,

¹³ Впрочем, так же он поступает и с другими народами, решая за них вопросы их идентичности, опираясь на «антропологические типы».

¹⁴ Мало того, недавно Савельев всерьез предложил сознательно заниматься культивацией «русского расового типа», то есть именно тем, что в 1930-е годы немецкие нацисты пытались реализовать в Германии в отношении немцев. См.: Кольев А.Н. Нация и государство. С. 389.

¹⁵ Савельев А.Н. Образ врага. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 61.

перед которыми он благоговееет, являются трубадуры шовинизма (Павел Ковалевский) и расизма (журналист-расист Михаил Меньшиков)?¹⁷ Творцы идеологии «консервативной революции» (Карл Шмитт, Эрнст Юнгер), фактически подготовившие фашизм или верой и правдой служившие ему?¹⁸ Или пытавшиеся возродить его в послевоенной Европе (Юлиус Эвола)? Большое почтение Савельев питает и к нобелевскому лауреату Конраду Лоренцу. Но нужно иметь в виду, что в 1930-е годы Лоренц был убежденным сторонником расизма и нацизма. Он полностью одобрял действия Третьего рейха, включая расовую гигиену, и стал членом НСДАП сразу после аншлуса Австрии. Затем он работал в Расово-политическом управлении НСДАП. Тогда Лоренц писал о животворящей силе нацизма, верил, что надо отделяться от «низших» индивидов, стоял за чистоту расы и выступал против смешанных браков. В основном ученый сохранил эти свои взгляды и после войны, хотя в последние годы жизни считал себя либералом¹⁹. В частности, К. Лоренц остался верен идее врожденности основ поведения, и это нашло отражение в его популярной книге «Об агрессии», доказывавшей существование «инстинкта агрессии»²⁰.

Все эти симпатии к видным деятелям фашизма обнаруживают себя и в концепциях самого Савельева. Действительно, заимствуя у известного

¹⁷ Савельев даже написал апологетическую статью о Меньшикове, изображая его пламенным борцом с «чужеземцами» и «вырожденцами». См.: Савельев А.Н. Русское сердце Михаила Меньшикова // Сайт Андрея Савельева (<http://savelev.ru/article/show/?id=423&t=1>). О более адекватной оценке Меньшикова см.: Рейнблат Абрам. «Котел фельетонных обедков». Случай с М.О. Меньшиковым // Неприкосновенный запас. 1999. № 2. С. 4–8.

¹⁸ Сам Савельев является ярким сторонником «консервативной революции» и не видит никаких серьезных различий между ней и фашизмом: «Фашизм в своих основных постулатах никак не был разрывом европейской традиции, напротив, продолжая ее и вполне органично отвечая на вызовы времени реализацией консервативной парадигмы государственности», «фашизм был одной из форм реализации консервативных теорий государства и нации». Он критикует нацистов за «дилетантизм», и их практика его не интересует. Зато его непреодолимо влечет к себе «теоретическое наследие» Гитлера и Муссолини. При этом называться «фашистом» он не хочет (Савельев А.Н. Время русской нации. М.: Книжный мир, 2007. С. 135–144). Любопытно, что чем большую симпатию Савельев проявляет к фашизму, тем с большей яркостью он отвергает понятие «русский фашизм». И он прав. Говорить надо не о «русском фашизме», а о некоторых русских интеллектуалах, всеми силами стремящихся реализовать на русской почве идеи итальянских и германских фашистов.

¹⁹ Колчинский Эдуард. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 523–525.

²⁰ О детальной анализе этой идеи см.: Першиц Абрам, Семенов Юрий, Шнирельман Виктор. Война и мир в ранней истории человечества. М.: ИЭА, 1994. Т. 1. С. 15–20.

специалиста определение фашизма и старательно очищая его от неприятных ассоциаций, Савельев пишет: «Под фашизмом здесь понимается такая организация общества, где ясно различается образ врага, наблюдается национальное единство, ликвидирована межпартийная грызня, осуществлена мобилизация перед наиболее опасными вызовами, элементы разложения и измены оперативно локализируются и удаляются, а политический режим обходится без мифологии “светлого будущего”, опираясь на консервативную прагматическую идеологию и национальный эгоизм»²¹. И такой монолитный «социальный организм», отбраковывающий любые девиации как «разложение» и «измену», ему явно нравится.

Между тем, разделяя так любимый им русский народ на «элиты» и «чернь», Савельев мечтает о «сословных барьерах» и «новых формах аристократии». Аристократия представляется ему «подлинным образом расы», и ей вменяются в обязанность как воспитание «развращенного и бесстыдного народа», так и забота о его «демографическом благополучии» (неужели путем права первой ночи?). Савельева не останавливает то, что «сословные барьеры» неизбежно подорвут монолитность нации²². Бескомпромиссный борец с номенклатурой, захватившей несметные богатства и ведущей «паразитический образ жизни», решение проблемы он связывает отнюдь не с формированием истинной демократии. Напротив, он мечтает о новом иерархическом обществе, и в своих мечтах себя и своих потомков он, разумеется, видит в рядах «новой аристократии»²³.

Несколько лет назад Савельев выпустил памфлет «Последний век Белого мира», который он написал под большим впечатлением от вышедшей тогда в русском переводе книги известного американского ультраконсерватора Патрика Бьюкенена²⁴. Тележурналист Бьюкенен вошел в большую политику после того, как поработал несколько лет референтом у президента Ричарда Никсона и советником президента Рональда Рейгана. Позднее он при поддержке крайне правых трижды пробовал баллотироваться кандидатом в президенты США, выступая против иммигрантов и геев, поддерживая бесконтрольную продажу оружия и настаивая на запрете абортов и прекращении аффирмативных действий. Однако каждый раз Бьюкенен терпел сокрушительное поражение

²¹ Савельев А.Н. Образ врага. С. 78–79.

²² Там же. С. 79, 212–213.

²³ Там же. С. 323–324.

²⁴ Бьюкенен Патрик. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. О неонацистском, расистском и антисемитском окружении Бьюкенена см.: Frantz Douglas, Janofsky Michael. Buchanan drawing extremist support, and problems, too // New York Times. 1996. February 23; Lee Martin A. Reforming Right // Intelligence Report. Fall 2002. Issue 107. P. 39–43.

ние. Последний раз это случилось в 2000 году, когда политик интенсивно готовил к печати свою книгу под рабочим названием «Смерть Белых». Рукопись имела откровенно расистский характер и основывалась на «фактах», почерпнутых из пропаганды местных ультрарадикалов. В частности, нападая на известную своими левыми взглядами Франкфуртскую школу, Бюкенен основывался на радиопередачах неонацистского «Национального альянса» Уильяма Пирса²⁵. Рукопись имела настолько скандальное содержание, что для того, чтобы она смогла выйти в свет, редактору пришлось убрать многочисленные расистские рассуждения и изменить название на «Смерть Запада»²⁶.

Между тем Савельеву книга понравилась²⁷. Перефразируя Бюкенена, он сокрушается по поводу близящейся «смерти Европы», но делает особый акцент на якобы приближающемся крахе России, где «геноциду со стороны иных рас подвержены русские»²⁸. Однако если в причесанном редактором тексте Бюкенена говорится о «смерти Запада» и «цунами иммиграции», то, не скованный американской политкорректностью, Савельев рисует все это в апокалиптических тонах как «смерть Белого мира» от «расового нашествия»²⁹. Если Бюкенен возлагает основную вину на Франкфуртскую школу, то Савельев видит главную беду в том, что «новая антропология Запада отвергла расовую теорию и утвердила принцип культурного релятивизма». Послушно повторяя аргументы Бюкенена, Савельев с раздражением отмечает термин «русский фашизм», видя в нем поклеп на добропорядочных русских консерваторов и патриотов, только и заботящихся, что о национальных ценностях. В «антифашизме» он усматривает «циничную агрессию против Белого человека», которую ведет некая «антинация» («антисистема», по Гумилеву). Иммигрантов автор называет

²⁵ О Пирсе см.: Шнирельман В.А. Лица ненависти. М.: Academia, 2005. С. 293–306.

²⁶ Citing neo-Nazi and racist sources, Buchanan sounds the alarm // Intelligence Report. Summer 2002. Issue 106. P. 3.

²⁷ Любопытно, что и в либеральном журнале «Космополис» была опубликована благожелательная рецензия на книгу Бюкенена, где подчеркивалась ее якобы добротная фактологическая основа (см.: Мкртчян Никита. Бюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003 // Космополис. 2003. № 3. С. 180–185). Так что не один Савельев был введен в заблуждение.

²⁸ См. также: Савельев А.Н. Образ врага. С. 206.

²⁹ Савельев А.Н. Последний век Белого мира // Золотой лев. 2004. № 49–50. Идеи Бюкенена настолько пришлись по вкусу Савельеву, что позднее он неоднократно перепечатывал свое эссе и усердно развивал эти идеи в применении к России. См.: Савельев А.Н. Очерки политической антропологии. Екатеринбург: Филантроп, 2005; Он же. Образ врага. С. 399–472; Он же. Время русской нации. М.: Книжный мир, 2007. На книгу Бюкенена любит ссылаться в своих «расологических» построениях и Авдеев, консультирующий Савельева по вопросам «расы».

«варварами», массами проникающими на земли «Белого мира» якобы для того, чтобы поднять там восстание. В своей новой книге Савельев прямо называет их «боевыми отрядами будущей гражданской войны»³⁰.

Он сочувствует «Белому миру», будто бы переживающему безмерные страдания от «давления инорасового населения», и с ужасом пророчесствует, что к середине XXI века «традиционные “белые” территории будут полностью очищены от европейцев». Он пытается вызвать у читателя бурные эмоции, заявляя, что «всюду белый человек подвергается чудовищной криминальной агрессии». Он запугивает того «небелым расизмом», якобы готовящим геноцид белых. Наконец, он призывает русских к «расовой солидарности», а власть — к тому, чтобы она «остановила уничтожение Белого человека». И Савельев стремится всеми силами натравить общественность на некий «альянс инородного и иноверного врага с безродным бесстыдником-либералом». Фактически перед нами программа этнических чисток, опирающаяся как на «культурный», так и на «оборонительный расизм», причем программа, отстаиваемая заместителем руководителя одного из важнейших думских комитетов.

Любопытно, что Савельев всячески пытается подвести под свои построения псевдонаучную базу; этому посвящена вышедшая в Екатеринбурге в 2005 году его публицистическая брошюра «Очерки политической антропологии». В ней он фактически возрождает наследие немецкого расиста начала XX века зоолога Людвиг Вольфмана, заимствуя у того само название «Политическая антропология»³¹. Савельев озабочен «расовой чистотой» и видит в расовых смешениях верный путь к упадку цивилизации и хаосу. Он верит в вечность и неизменность универсальной иерархии, что для него не только означает «социобиологическую ценность аристократии», но включает и иерархию народов. У него не вызывают сомнения некие генетические преимущества «арийцев» перед другими народами, а самыми чистыми «арийцами» он называет «северных славян». Он убежден, что «средством идентификации, необходимым для поддержки биологических механизмов защиты чистоты расы, является этнос». Мало того, по его словам, «современным способом подкрепления расовой чистоты становится государство и нация, ограничивающая иммиграцию чужаков уже не только культурными, но и политическими методами». Его страшит «разрушение расовой чистоты и сложившегося расового разнообразия», и он пугает себя и читателя как «ужасными болезнями», которые якобы несут с

³⁰ Савельев А.Н. Время русской нации. С. 12.

³¹ Так назывался журнал Вольфмана, выходивший с 1902 года, а затем и книга этого известного немецкого расиста. См.: Field Geoffrey G. Evangelist of race: the Germanic vision of Houston Stewart Chamberlain. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1981. P. 212.

собой иммигранты, так и — еще больше — появлением неких новых расовых типов, которые почему-то захотят уничтожить современных людей³². В этой новой книге Савельева эти откровенно расистские рассуждения завершаются глубокомысленным выводом о том, что «русская цивилизация» имеет «не только социокультурное измерение, но и биологическое» и что «наследниками древнеславянской цивилизации остались только русские, великороссы». Южные и западные славяне вызывают у него подозрение, ибо в ходе истории «шли от предательства к предательству славянского мира в пользу иных племенных союзов»³³. Но особую опасность он видит со стороны «мультирасовых сообществ», самой судьбой обреченных на «враждебность к расово чистым народам»³⁴.

Любопытно, что, делаясь с читателем своими сокровенными мыслями, себя Савельев расистом и шовинистом не считает. Мало того, в интервью KM.RU, взятом сразу же вслед за гибелью конголезского студента Роланда Эпоссака от рук скинхедов, Савельев назвал расизм «надуманной темой» и заявил, что «говорить о расизме в России не актуально»³⁵.

Правда, вскоре он изменил свое мнение, и сегодня он уже признает наличие расизма, но в виде ... «либерального расизма»³⁶, якобы разжигающего «руссофобию». В «расисты» он зачисляет, например, писателя, наглядно показывающего, что российская государственность и российские наука и культура создавались совместно людьми самого разного происхождения. В этом Савельев усматривает посягательство «инородцев» на «русскую землю» и даже «задумку уничтожить русских как народ»³⁷. Но свои рассуждения о «расовом детерминизме» и необходимости форми-

³² Эти сюжеты он развивает и в своей новой книге. См.: Савельев А.Н. Образ врага. С. 202–203. Совершенно очевидно, что автор злоупотребляет просмотром фильмов ужасов.

³³ Савельев А.Н. Образ врага. С. 217, 238. О том, как русские князья ездили получать ярлык на княжение в ставку монгольских ханов, Савельев, очевидно, не знает.

³⁴ Там же. С. 374.

³⁵ А. Савельев: «Говорить о расизме в России не актуально. Это надуманная тема» // KM News. 2005. 16 сентября (<http://www.km.ru/news/view.asp?id=4F95623678AC4731ADA491C3F931F484>).

³⁶ В своем понимании расизма Савельев фактически повторяет духовного лидера французских «новых правых» Алена де Бенуа, известного своим латентным расизмом (см.: Benoist Alain de. What is racism? // Telos. Winter 1999. N 114. P. 11–48). Подробно об Алене де Бенуа и его идеях см.: Шнирельман В.А. Этничность, цивилизационный подход, «право на самобытность» и «новый расизм» // Социальное согласие против правого экстремизма. Вып. 3–4. М.: Институт социологии РАН, 2005.

³⁷ Савельев А.Н. Образ врага. С. 484–487. Речь идет о книге Юрия Безелянского, опирающейся на огромный корпус вполне достоверных источников. См.: Безелянский Ю. Н. 5-й пункт, или Коктейль «Россия». М.: Радуга, 2000.

ровать у русских «расовое сознание» он расизмом считать отказывается. При этом он не видит ни дискриминации гастарбайтеров, ни кровавой деятельности скинхедов, число жертв которых с каждым годом нарастает. Зато Савельев заявляет, что «расизм может быть изжит только с помощью знания — расологических исследований...»³⁸ Зная сущность развиваемой им вместе с Авдеевым «расологии», это можно понимать вполне однозначно: расизм может быть «изжит» только путем расистских исследований. В этом для него и состоит одна из важнейших задач «расологии» — «выделение “чужого” и указание на него» ради формирования «образа врага», чтобы «не допустить потопа вражды» (sic!)³⁹. Поэтому-то Савельев всеми силами и стремится создать «образ врага» из «инородцев» и «либералов», искусственно рисуя картину повальной «руссофобии». Вот его принципиальная позиция: «Недоверие к инородцам в сегодняшних условиях является не просто обоснованным, но необходимым фактором русской самозащиты, русского выживания во враждебной среде»⁴⁰. Следовательно, надо культивировать у русских расовые предрассудки⁴¹. Итак, мир — это война! А из другой книги Савельева мы узнаем, что демократия — это диктатура!⁴² В то же время «расология», пытающаяся сознательно культивировать расовые предрассудки, расизмом, по его мнению, не является, а ее критика объявляется «хамскими выходками против науки»⁴³. И такой «объективной научной методологии» химический физик стремится обучать специалистов и прочих «либеральных интеллектуалов».

Объявивший себя «православным» Савельев готов всеми силами бороться с врагами христианства. Для него «антихристианские группировки — среда для вербовки антирусских сил», а «богоотступничество» он приравнивает к «измене Родине»⁴⁴. Однако и в этом случае, как в случае с русскими, определение принадлежности к христианам Савельев, очевидно, присваивает себе. Своего соратника, язычника и борца с христи-

³⁸ Савельев А.Н. Образ врага. С. 40. Любопытно, что определения расизма, принятые наукой, нашим «расологам» не подходят, ибо те исходят из «либеральных кругов» (см., например: Майлз Роберт, Браун Малкольм. Расизм. М.: РССПЭН, 2004). Но зато они готовы без устали цитировать классиков «расовой теории», обслуживавших практику расистских политических режимов. Их выводит из себя тот факт, что русские культура и государственность создавались людьми далеко не «чистой крови». А борцов с расизмом они объявляют «расистами»! Такова логика «расологии» как «науки».

³⁹ Савельев А.Н. Образ врага. С. 85.

⁴⁰ Там же. С. 482.

⁴¹ Там же. С. 551.

⁴² Савельев А.Н. Время русской нации. С. 99.

⁴³ Савельев А.Н. Образ врага. С. 578.

⁴⁴ Там же. С. 498–499.

анством Авдеева, он к «антихристианам» относить отнюдь не намерен⁴⁵. Напротив, он благодарит Авдеева «за общее направление мысли», а тот, в свою очередь, пишет введение к его книге, где называет ее «русской по духу» и «эталонной», тем самым поддерживая Савельева в его «бескомпромиссной» борьбе с «антихристианством».

Есть у Савельева и претензии к русским патриотам, которым в указанном выше сборнике он (под псевдонимом «А. Кольев») пенял за «*неспособность облекать свои политические идеи в нормы закона*». При этом автор настаивал на том, что закон должен соответствовать традиционному обычному праву. С последним он связывал стремление каждого народа сохранять «генетическую чистоту»⁴⁶, выводя ее из некоего «охранительного инстинкта»: «*В обычае закрепилось глубинное представление о том, что потомки русских должны быть русскими*». И далее: «*Закрепление указанного обычая в писаном праве — одна из важнейших задач при решении проблемы сохранения русских как культурно своеобразного и генетически обособленного народа*»⁴⁷. В связи с этим Савельев говорит даже о «кровосмесительном грехе». Но если в Библии запрет на кровосмешение есть запрет на инцест, то есть на половую связь между близкими родственниками, и это соответствует универсальному для первобытности обычаю экзогамии, то Савельев по своей прихоти полностью переворачивает это положение, отождествляя ненавистное ему «кровосмешение» со смешанными браками и требуя узаконить обычай эндогамии, то есть объявить смешанные браки незаконными. Из этого для него проистекает необходимость принятия мер по защите «русского

⁴⁵ Воззрения Авдеева противоречат и то, что Савельев пишет об «авторасизме» (Там же. С. 536–539). Но это противоречит и тому, что пишет сам Савельев в других своих произведениях или в других частях той же книги.

⁴⁶ Утверждая от лица науки, что якобы «естественным для каждого народа является сохранение своей этнической обособленности, генетической чистоты», Савельев не желает считаться с научными данными о социальной, а не генетической, природе родства в традиционных обществах и о популярности там обычая адопции (усыновления и удочерения). Ни о каком стремлении к «генетической чистоте» при этом речи не было. Поэтому не говорилось об этом и в «Русской правде» Ярослава Мудрого. Об адопции см., например: Шнирельман В.А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 364–365; Он же. Формирование этничности: тлингиты Юго-Восточной Аляски в конце XX в. М.: Институт этнологии и антропологии, 1999. С. 11–13; Adoption in Eastern Oceania. Honolulu: Association for Anthropology in Oceania, 1970; Guemple Lee. Inuit adoption. Ottawa, 1979; Mandeville Elizabeth. Kamano adoption // Ethnology, 1981. Vol. 20. N. 3. P. 229–244.

⁴⁷ Кольев А.Н. Правда русского права // Расовый смысл русской идеи, с. 363–364; Савельев А.Н. Образ врага. С. 320–321.

генофонда». Мало того, для него этот «русский обычай» оказывается идущим из раннего палеолита, когда люди якобы жили «*эндогамными семьями*»⁴⁸. Объявляя смешанные браки «*порушением телесности, данной нам Создателем*»⁴⁹, называющий себя православным Савельев, похоже, не верит, что Создатель дал всем людям единую телесность, сделав всех их потомками общих предков — Адама и Евы.

Всячески апеллируя к племенным обычаям и делая экскурсы в древнюю историю для обоснования своего понимания «расовых законов», Савельев, постоянно подчеркивающий свой «научный подход», вовсе не знает работ специалистов, которые занимались изучением древних и традиционных обществ профессионально. Зато его работы пестрят ссылками на кабинетных ученых типа Гумилева, которые, подобно ему, выдавали свои досужие фантазии за якобы установленные наукой закономерности. Поэтому дилетантские рассуждения химического физика Савельева об этносе, о «племенной психологии» и тотемизме, о кастовой системе в Индии, о «монголоидах хеттах», об образе «чужого» и природе агрессии, а также о «*биосоциальном регулировании в древних родовых общинах*» и об «*антропогенезе мигрантов*» здесь рассматриваться не будут⁵⁰. Хотя сам Савельев позволяет себе поправлять археологов и сурово критиковать генетиков и физических антропологов за «грубые методологические просчеты». Ведь, в отличие от него, они вовсе не считают, что «*скифы, углубившиеся в среднерусские леса, стали предками автохтонного славянского населения*», что кельты «*создали великое Готское государство*» и что, оказывается, вовсе не скифы, а «*протогерманцы под давлением скифов*» породили германцев и славян, а германский язык отделился от славянского только потому, что был «*языком царей*» (sic!)⁵¹. Шедевром «расологической» логики служит и то, что в одном и том же абзаце Савельев объявляет русских «*расово чистой нацией*» и тут же при-

⁴⁸ Савельев А. Н. Образ врага. С. 127.

⁴⁹ Там же. С. 321.

⁵⁰ Правда, обращает на себя внимание его апологетика «арийских походов» и завоеваний, которые он противопоставляет вымышленным им самим миграциям «африканской проторасы» по Южной и Юго-Восточной Азии. Якобы те «отбросили арийских колонистов», «устраивая при этом страшные расовые чистки и мстя аристократическим сословиям за свое униженное положение в социальной пирамиде». См.: Савельев А.Н. Образ врага. С. 167.

⁵¹ Там же. С. 179–181. Но в дальнейшем удивленный читатель узнает, что «русское население связано с древнейшими неолитическими (или даже мезолитическими) автохтонами Восточно-Европейской равнины и наследует его тип» (с. 242, грамматика автора сохранена). А если специалисты усматривают во всем этом неумелые упражнения дилетанта, то Савельев готов объявить их профессии вредными. См.: Там же. С. 289.

знает, что они включили «обрусевших представителей иных этнических групп»⁵². Попытка Савельева изобразить коллизии раннего средневековья «расовой войной», которую якобы «монголоиды» вели против «европеоидов», выходит за рамки какого-либо научного обсуждения. Он идет и на прямые подлоги, изображая передвижения тюрков-булгар в раннем средневековье миграциями «протославянских племен»⁵³.

Мало того, забираясь в дебри антропогенеза, Савельев утверждает, что у африканцев якобы сохранился некий «звериный ген», которого были лишены ушедшие из Африки предки европейцев и азиатов. Критикуя ученых за вполне обоснованную осторожность, которая диктуется скудностью и неоднозначностью имеющихся данных, сам он ее придерживаться не намерен и, не имея к тому никаких оснований, объявляет, что «только в Африке до современности сохранились ближайшие к человекоподобным существам народы...» Именно этим он и пытается объяснить «расовые различия»⁵⁴.

Любопытно, что в конце 1990-х годов Савельев наметил для себя три этапа борьбы за «Русскую Правду». Тогда он утверждал, что в силу своего подавляющего демографического преобладания русским выгодно строительство общегражданской нации, отрицающей какую-либо этническую как правовую категорию. На втором этапе «русская власть», по его мнению, должна была действовать на практике исключительно в интересах русского народа (централизация власти, экспроприация собственности у «иностранцев» и т.д.). При этом он советовал осуществлять дифференцированную демографическую политику, стимулируя рождаемость у русских и снижая ее у «иностранцев». Наконец, на третьем этапе он предлагал введение евгенической практики — «для очищения человеческой породы от уродств». Он даже выдвигал задачу восстановления «древнерусского гено типа»!⁵⁵

Еще тогда Савельев поставил своей целью добиваться удовлетворения интересов русских путем законодательных инициатив. Его прежде всего волновало «ограждение русских от иноплеменной интервенции». Русских он рисовал населением с ущемленными правами (при этом

⁵² Там же. С. 280. Любопытно, что не прошло еще десяти лет с тех пор, как Савельев лишь осторожно говорил о том, что «речь должна идти о становлении русских как нации» (Кольев А.Н. Правда русского права. С. 370). Но в дальнейшем, забыв о «расово чистой нации», Савельев заявляет, что «русской расы не существует». См.: Савельев А.Н. Образ врага. С. 539.

⁵³ Савельев А. Н. Образ врага. С. 223, рис.

⁵⁴ Там же. С. 125–126, 134–135.

⁵⁵ Кольев А.Н. Правда русского права. С. 367–369.

хорошо сознавая, что они составляют доминирующее большинство в стране и преобладают во властных органах). Поэтому политик предлагал законодательным путем закрепить доминирование русских и их патернализм в отношении других народов страны. Например, он советовал начинать текст Конституции РФ словами «Мы, великий русский народ и связанные с ним одной исторической судьбой национальности России». Он заявлял: «Россия должна быть страной русской общенациональной культуры, под покровительством которой сосуществуют культуры других народов России». Федерализм он называл «фальшивой конструкцией» и мечтал о возрождении унитарного политического устройства, где малые этнические группы должны знать свое место. Иными словами, Савельев вовсе не призывал к отмене этнического принципа, а лишь хотел положить его в основу новой иерархии этнополитических статусов, увенчанной русским народом. При этом, по его мысли, закон должен был утвердить «преимущество центральной России перед периферией»⁵⁶ — по той простой причине, что Центральная Россия виделась ему «ядром чистых антропологических типов». Мало того, не политика, а именно антропология, по мнению Савельева, дает «основания для выстраивания политического единства, территориально приближенного к бывшим границам СССР». Он мечтает воссоединить все пространство, где «русские когда-либо жили оседло»⁵⁷ (неужели и Аляску?). Тем самым если десять лет назад он связывал «восстановление русской нации» с «территориальным воссоединением России», имея в виду объединение с Белоруссией, Украиной и Казахстаном, то сегодня «расология» позволяет ему строить более амбициозные планы. Его упорное стремление видеть русских «чистой расой» и совместить «антропологическую чистоту» с политическим единством дает читателю полное представление о том, какой именно ему видится воссоединенная Россия, «приближенная к бывшим границам СССР». При этом Савельева вовсе не интересует, согласятся ли на это бывшие советские народы.

По вопросу о том, что собой представляет Россия, и о сути ее «воссоединения» у Савельева, похоже, нет никаких сомнений, хотя его рассуждения об этом и способны вызвать у читателя недоумение. Если,

⁵⁶ Вот как он представляет себе иерархию: «Имперская нация, свойственная российской исторической традиции, требует разветвленной иерархии статусов, различающих культурные и геополитические периферии вокруг национально-государственного русского ядра». См.: Савельев А.Н. Время русской нации. С. 83.

⁵⁷ Савельев А.Н. Образ врага. С. 255, 322. У политолога Савельева вообще отмечается склонность искать корни современных событий, по меньшей мере в неолите, если не раньше.

как мы видели, ему мил образ «русской нации», совпадающий с «числотой расой», то это вовсе не мешает ему одновременно называть нацией «сообщество коренных народов России»⁵⁸. Отсюда следует, что «проблема воссоединения нации означает не только репатриацию соотечественников, но и территориальное слияние территорий исторического проживания народов... Можно воссоединиться с Россией вместе с территорией». Начинать предлагается с Украины, Белоруссии и «южноуральских степей» (так он изящно называет территорию Казахстана) безоговорочно причисляя их к «русским пространствам»⁵⁹.

Завершив «воссоединение», о нации как «сообществе коренных народов России» он говорить отказывается, ибо «наше государство существует для воспроизводства прежде всего русской идентичности, русского народа»⁶⁰. Мало того, Савельев предполагает подавлять те народы, чье «развитие прямо вредит России и русским»⁶¹. При этом чеченцев он упоминает только как «бандитов» и «этнопаразитов», а в кавказцах в целом видит зло, ибо в Центральную Россию все они якобы «приезжают не для того, чтобы жить, а для того, чтобы приобрести богатство за счет местного населения и уехать обратно»⁶². Его вообще раздражают многочисленные мигранты, которые якобы создадут свои анклав и будут защищать их «боевыми дружинами»⁶³. При этом «ближнее зарубежье» для него — это «наши исконные земли, которые должны добровольно вернуться в единое государство, спасая себя от иноземной зависимости. Спасая свои народы, вымиравшие столь же стремительно, как и русские»⁶⁴. Проявляя поистине отеческую заботу о народах «ближнего зарубежья», у многих из которых, кстати, демографическая ситуация лучше, чем в России, автор забывает упомянуть, что именно к этим народам в своей подавляющей части и относятся те самые иммигранты, которых он всей душой ненавидит⁶⁵. Иными словами, проявляя жгучий интерес к восстановлению былого советского единства, он озабочен прежде всего приращением территории, а отнюдь не проживающими на ней народами.

⁵⁸ Савельев А.Н. Время русской нации. С. 26.

⁵⁹ Там же. С. 40.

⁶⁰ Там же. С. 34–35.

⁶¹ Савельев А. Н. Образ врага. С. 290.

⁶² Савельев А.Н. Время русской нации. С. 39.

⁶³ Там же. С. 12.

⁶⁴ Там же. С. 29.

⁶⁵ Там же. С. 24, 32. Хотя осенью 2005 года Рогозин всячески доказывал, что в предвыборном ролике партии «Родина» не было ничего расистского, теперь Савельев подтверждает, что там шла речь об «этническом мусоре» в виде «нелегальных мигрантов-инородцев». См.: Савельев А.Н. Образ врага. С. 394–395.

Территориальная реставрация представляется Савельеву столь важной, что он даже предлагал внести положение о «территориальном воссоединении России» в Основной закон страны. Он также полагал, что России необходим особый правительственный орган (комитет или министерство), ведающий «общерусскими вопросами». Наконец, он предлагал русским держаться «принципа крови и почвы» и настраивал их против «нерусской власти», представленной бюрократией как «паразитическим грибок на национальном теле». Тот факт, что подавляющая часть чиновников в стране представлены этническими русскими, для него не имел никакого значения.

Нынешний русский народ Савельеву не нужен, и, обвиняя власть в «курсе на замещающую миграцию»⁶⁶, он тоже готов заменить его, но иными способами, путем «расовой гигиены». Сегодня вера Савельева во всемогущество биологии лишь возросла, и он видит задачу современной политики «в управлении биологическим фактором, в аккуратном и тонком применении евгенических законов и выращивании здорового и адаптированного к определенному типу жизни индивида, задатки которого проясняются в раннем возрасте и направляются в нужное русло». Именно это, на его взгляд, должно служить основой для разработки политических стратегий⁶⁷. А образцом таких «политических стратегий» он считает «арийские законы», введенные нацистами в 1933 и 1935 годах⁶⁸.

Иными словами, социальные и политические факторы кажутся этому доктору политических наук чем-то второстепенным по сравнению с этническими и расовыми. Любопытно, что, критикуя советскую политику за искусственное создание этнических общностей⁶⁹, сам Савельев идет еще дальше и пытается превратить такие этнические общности в «расы». Действительно, идеальное устройство страны он связывал с «дифференциацией прав территорий, в которой автономии малых народов смогут получать права на поддержку этно-культурного развития за счет остальной страны только в обмен на снижение своего представительства

⁶⁶ Савельев А.Н. Время русской нации. С. 32.

⁶⁷ Савельев А.Н. Образ врага. С. 217.

⁶⁸ Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. С. 419; Савельев А.Н. Образ врага. С. 330. О Нюрнбергских и других «арийских законах» в нацистской Германии, об их «научной экспертизе», а также об их применении на оккупированных территориях см.: Альтман Илья. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945. М.: Ковчег, 2002. С. 57–70; Dawidowicz Lucy D. The war against the Jews: 1933–1945. N.Y.: Bantam Books, 1986. P. 48–69; Burleigh Michael, Wippermann Wolfgang. The racial state: Germany, 1933–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 44–49; Conte Édouard, Essner Cornelia. La quête de la race. P.: Hachette, 1995. P. 215–229.

⁶⁹ Савельев А.Н. Образ врага. С. 294–296.

в высших органах власти и уровня политической самостоятельности»⁷⁰. И так, подчеркивая антропологические различия народов, Савельев с готовностью дополняет это культурным фактором. Но как? Он доказывает, что «телесным носителем» русской культуры является «русский расовый и психологический тип». И «только ведущая роль русских в России может обеспечить соблюдение прав национальных меньшинств на этно-родовую культуру и сохранение своего собственного расового типа»⁷¹.

Трудно не заметить сходства такого подхода с введенной в 1948 году политикой апартеида в Южной Африке, целью которой называлось «охранение и защита чистоты белой расы европейского населения страны, охранение и защита туземных расовых групп в качестве отдельных этнических единиц в надежде, что эти группы разовьются в самостоятельные единицы в своих собственных районах...»⁷² Принцип расового равенства трактовался южноафриканскими расистами как путь к «национальному самоубийству белой расы», а политика апартеида и сегрегации представлялась идеальным способом к обеспечению будущего каждой расы. Якобы только она могла позволить расам развиваться так, как они сами считают нужным, и обезопасить их от взаимных столкновений и конфликтов.

Если во всех этих рассуждениях заменить термин «раса» термином «этническая группа», а термин «белая раса» — термином «этнические русские», то сходство с идеями Савельева оказывается разительным. Действительно, именно такой смысл имеет та «имперская модель», которую Савельев предлагает России⁷³. Для него современный мир по-прежнему населен «племенами», а этнос имеет «родовую сущность». И Савельев даже готов создавать резервации для «сохранения генофонда российских народов»⁷⁴. В то же время он стоит за меры материального стимулирования рождаемости у русских при одновременном введении «налога на рождение детей в пухнувших от перенаселенности инородческих окраинах»⁷⁵. В этом, очевидно, и будет выражаться прокламируемое им «соблюдение прав национальных меньшинств» в условиях «русской власти».

Что касается политической платформы, то Савельев безоговорочно поддерживает лозунг «Россия для русских». А «ценности демократии, сво-

боды, социальной защищенности, абстрактной справедливости, правового государства, разделения властей» он отвергает как «второстепенные»⁷⁶. Вместо этого он предлагает вернуть в страну цензуру, ввести меры против абортотворцев и не допускать к политике бездетных людей, ибо они опасны. А в дальнейшем этот политик намерен возвращать элементы родового общества и родового права!⁷⁷

Теперь настало время вернуться к предложенному Савельевым осенью 2006 года законопроекту. Интерес к нему вызывается тем, что через полгода его автор совместно с Рогозиным создал новую политическую партию «Великая Россия». Тем самым законопроект является черновым наброском той политической линии, которой Савельев, очевидно, намерен следовать и которая так или иначе высвечивается в его рассмотренных выше работах.

Суть законопроекта состояла в создании «гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни и хозяйствования». Ключевыми понятиями документа стали «коренной народ», «традиционное хозяйство и традиционный образ жизни», «территории традиционного расселения». Между тем анализ этих понятий, как в контексте предлагаемого законопроекта, так и специфики современного социоэкономического развития, ставит в тупик. Действительно, под «коренным народом» автор понимал «проживающий на территориях традиционного расселения народ (этнос) Российской Федерации, относительно которого имеются материальные подтверждения о проживании на территории Российской Федерации ранее 1801 года в форме компактных поселений данного народа». Однако на этом основании пришлось бы отказать в «коренном статусе» целому ряду российских народов, например, народам Приморья и Приамурья, присоединенным к России в 1858–1860 годах, или тувинцам, вошедшим в состав РФ только в 1944 году⁷⁸. Не получили бы этот статус и те, чьи предки были до недавнего прошлого кочевниками и не имели «компактных поселений», — речь идет о калмыках, башкирах, бурятах, якутах и т.д. Мало того, статус «коренных народов» не получили бы украинцы и

⁷⁰ Кольев А.Н. Правда русского права. С. 372.

⁷¹ Савельев А.Н. Образ врага. С. 280.

⁷² Документы обличают расизм. М.: Наука, 1968. С. 168–170.

⁷³ Савельев А.Н. Образ врага. С. 326.

⁷⁴ Там же. С. 302.

⁷⁵ Там же. С. 319, 321. Но затем он признает, что высокая рождаемость у кавказских народов является мифом. См. там же. С. 396.

⁷⁶ Там же. С. 312.

⁷⁷ Там же. С. 317–319.

⁷⁸ Это находится в разительном противоречии в таблице «коренных народов», составленной автором ранее. Там тувинцы вместе с народами Приморья и Приамурья были отнесены к «коренным народам». Очевидно, доктор политических наук не только не в ладах с историей, но и плохо знает свои собственные тексты. См.: Кольев А.Н. Нация и государство. С. 474.

белорусы: их традиционные территории и вошли в состав России до 1801 года — но в состав именно Российской империи, оставаясь за пределами территории Российской Федерации, о которой говорил автор⁷⁹.

Автор не объяснял, кто и каким образом будет устанавливать границы «территорий традиционного расселения». Однако, учитывая происходившие в истории, особенно в XX веке, массовые миграции, следует признать выполнение этой задачи не просто неразрешимым, но и опасным делом. Действительно, если до сих пор современная Россия знала лишь один кровавый территориальный конфликт (осетино-ингушский), то реализация предложений автора способна ввергнуть Россию в перманентное состояние анархии из-за бесчисленных межобщинных конфликтов из-за земли. Ведь субъектами «традиционного» землепользования и землеустройства автор делал не индивидов, а общины и народы, тем самым возвращая страну к эпохе, предшествовавшей реформам Столыпина. Поэтому очевидно, что практически в каждом регионе отдельные группы населения начали бы доказывать свой «коренной статус», считая своих соседей «пришельцами», и вопросы о татарах в Западной Башкирии, украинцах на Дальнем Востоке, русских в Калининградской области или в Бурятии и т.д. моментально обрели бы острое политическое звучание. Поэтому стремление автора уточнить понятие «коренной народ» — якобы для того, чтобы препятствовать межэтнической розни — на самом деле многократно усилило бы такую опасность. Кроме того, это вызвало бы массовое возвращение людей на свою так называемую историческую родину и привело бы к дальнейшему и еще более глубокому расколу по этническому признаку⁸⁰. Действительно, распределяя население по моноэтническим общинам, законопроект ставил своей целью привязать людей к определенной территории и резко снизить их миграционную активность. Ведь, по этому законопроекту, мигрант не только автоматически порывал со своей общиной, но и лишался права вступать в общину по месту нового жительства.

⁷⁹ В эту категорию «некоренных» попали и саамы Кольского полуострова на том основании, что большая часть саамов живет в странах Скандинавии. Попали туда также армяне и немцы, хотя их колонии имелись на будущей территории РФ еще в XVIII веке. Наконец, из категории «коренных» исключались и цыгане на том основании, что большая их часть обитает в других странах.

⁸⁰ Обращает на себя внимание сходство этого проекта с евразийской программой Александра Дугина, где записано: «Вместо губернского принципа перейти к созданию этнорелигиозных областей с максимальной степенью культурной, языковой, экономической и юридической автономии...» См.: Дугин Александр. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004. С. 367. Но неоевразийские идеи Дугина Савельев с негодованием отвергает. См.: Савельев А.Н. Образ врага. С. 414–418.

Заявленная установка на формирование мононациональных общин вытекала из негативного отношения автора к смешанным бракам. Фактически речь шла о расистском законе, ставившем своей целью силой заблокировать практику межэтнических браков. Ведь автор законодательным путем устанавливал предел (не менее 3/4 членов «родовой общины» должны были быть связаны родственными и семейными узами, а в «соседскую общину» должны были входить не менее 3/4 населения поселка), нарушение которого вело бы к роспуску общины. Заслуживает внимание и судьба разведенного супруга, автоматически исключавшегося из общины независимо от его (ее) личных качеств и желания (интересно, что о судьбе детей в этом случае вообще не говорилось).

В том же направлении работала бы и установка на защиту «традиционного образа жизни и хозяйствования», если речь шла, как это следовало из авторского текста, о современных крупных модернизированных народах. Для автора «традиционный образ жизни — это исторически сложившийся образ жизни коренного народа, основанный на едином родном языке, едином традиционном для данного народа вероисповедании (вероисповеданиях), сохранении в повседневной жизни обычаев и самобытной культуры, сознании единой этнической принадлежности». Это определение не только ставило заслон дальнейшему развитию, но стремилось повернуть его вспять. Так, законопроект предполагал вводить «ограничения нетрадиционной для коренных народов хозяйственной деятельности предприятий и организаций...» Но с точки зрения традиционной этнографии, на которую опирался автор, любая современная промышленность может считаться «нетрадиционной для коренных народов хозяйственной деятельностью».

Возникают и вопросы, касающиеся «традиционных верований». Во-первых, законопроект фактически предполагал, что все люди обязательно должны были быть верующими. Во-вторых, он навязывал им именно «традиционные верования». Однако за скобками оставалось содержание этого понятия: например, что следует считать «традиционными верованиями» финнов Поволжья — православие или их дохристианскую веру. Вполне вероятно, что из прагматических соображений финны Поволжья избрали бы последнюю, соответствующую представлениям современных неоязычников об «этнических религиях». Не меньше вопросов возникает и в отношении «традиционных обычаев и самобытной культуры», якобы сохраняющихся в повседневной жизни. И это, прежде всего, коснулось бы русского населения, подавляющая часть которого живет в городах и уже давно не знает никаких «традиционных обычаев и самобытной культуры».

Любопытно, что в законопроекте Савельева не было места для «общегражданской нации». Теперь ее предлагалось заменить «общинами ко-

ренных народов», формирующимся «по кровно-родственному (семья, род) и (или) соседскому принципам», а одной из важнейших задач объявлялось «сохранение или восстановление родовых традиций». Это сближало подход Савельева с воззрениями современных неоязычников, уже пытающихся сегодня создавать «родовые общины» (напомним о язычнике Авдееве, соратнике Савельева)⁸¹. Мало того, Савельев предлагал объединять общины в союзы, что, по сути, означало бы создание квазиплеменной организации с «правом юридического лица» в постиндустриальном обществе.

Как известно, международное законодательство относит к «коренным» или «аборигенным» группам те немногочисленные группы местного населения, которые прослеживают свое происхождение от обитателей данных стран или регионов, проживавших там до начала колонизации. Иными словами, речь идет только о колониальной ситуации и о помощи тем, кто сам не в состоянии преодолеть тяжелые последствия колониализма. Аборигенный титул помогает таким группам бороться за свои гражданские права, в том числе риторическими ссылками на опасность геноцида и этноцида. Одним из важнейших аргументов является апелляция к культурной самобытности и вековому обитанию на земле предков, что призвано придать такой борьбе законную силу.

У нас понятие «коренной народ» получило популярность лишь в последние десятилетия существования СССР и было теснейшим образом связано с политической борьбой между различными этническими элитами⁸². В демократическом государстве, где уважаются права человека и первостепенную важность имеет принцип политического гражданства, наделяющий всех граждан равными правами на всей территории страны, в нем нет большой необходимости. Однако в условиях высокой конкуренции, связанной с развитием рыночной экономики, демократический принцип гражданского равноправия не способен оградить от более активных «чужаков», ибо многие из них являются гражданами России. Тогда-то на повестке дня и появляется оппозиция «коренные/некоренные», призванная «восстановить справедливость» административными мерами. Однако эта оппозиция ведет к расиализации этнических общностей, отдаляя российское общество от демократии, но приближая его к режи-

⁸¹ Об этом см., например: Шнирельман В.А. От «советского народа» к «органической общности»: образ мира русских и украинских неоязычников // Славяноведение. 2005. № 6.

⁸² О понятии «коренной народ» см.: Соколовский Сергей. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнологическое обозрение. 1998. № 3. См. также: Он же. Образы других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001. С. 102–126.

му апартеида. Действительно, рассматриваемый законопроект наделял дополнительными правами и льготами (в области землепользования, трудоустройства, организации кооперативов) не какое-либо малочисленное дискриминируемое население, а доминирующее большинство. Иными словами, не меньшинство получало поддержку, открывающую ему путь к успешной интеграции в гражданскую общность, а большинство наделялось льготами, позволяющими дискриминировать меньшинство. Кроме того, этнические общины территориально отделялись друг от друга – чтобы «они» не оскверняли «нас». Этническим группам искусственно навязывалась жесткая эндогамия, чтобы превратить их в «расово чистые» общности и реализовать на практике мечту расистов о расовой сегрегации⁸³.

Вместо того, чтобы развивать конкурентоспособность местного населения путем повышения его образования и профессиональной компетентности, Савельев фактически предлагал законсервировать общность и вытекающую из нее круговую поруку, а вместо стимулирования индивидуального творчества пытался вернуться к былому патернализму и культивировать иждивенчество, питающееся средствами из федерального бюджета.

Законопроект практически ничего не говорил о гражданских правах индивидов, фактически подчиняя их воле общин, а точнее, их главам. Ведь при вступлении в общину люди должны были безвозвратно передавать последнюю часть своего имущества, поступающее в управление главы общины, причем «по нормам обычного права» (то, что русские уже давно не помнят никаких норм обычного права, автора, похоже, не волновало). При этом «глава общины получает общественное имущество и использует его по своему усмотрению во благо общины на правах личного имущества». Ясно, что «благо общины» каждый глава стал бы понимать по-своему, не забывая о своих корыстных интересах. Никаких гарантий от злоупотреблений таких «глав» безмерной властью законопроект не предусматривал. Однако он способствовал бы установлению строгой социальной иерархии и безраздельной власти элиты, к чему автор неоднократно призывал в своих произведениях. Следует напомнить, что именно такая программа была одним из вариантов фашистских проектов «корпоративного общества», популярных в Европе в 1920–1930-е годы⁸⁴.

Индивиды фигурировали в законопроекте лишь как «лица, относящиеся к коренным народам», и оставался вопрос о судьбе и правах тех,

⁸³ Все это – верный путь к расистскому режиму. См.: Майлз Роберт, Браун Малкольм. Расизм. С. 18.

⁸⁴ Випперман Вольфганг. Европейский фашизм в сравнении, 1922–1982. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

кого автор «коренными» не считал. Это открывало путь к конфронтации между «коренными» и «некоренными» жителями и фактически означало узаконение дискриминации целой категории лиц, получивших статус «граждан второго сорта». Поэтому автор лукавил, утверждая, что его законопроект якобы лишь подкрепляет положение Конституции о равенстве граждан перед законом независимо от национальной принадлежности. Напротив, принятие такого законопроекта сделало бы Россию не современным гражданским обществом, а режимом апартеида, основанном на сегрегации моноэтнических (монорасовых) общин и дискриминации тех, кого законодатели сочтут «некоренными». Не следует также забывать о планах евгеники и «расовой гигиены», к чему автор, надо полагать, и собирался приступить в случае принятия данного законопроекта.

К чести российских парламентариев, законопроект принят не был.

Между тем рассмотренная коллизия заставляет говорить о резком изменении правой идеологии в современных условиях. Если в XIX веке консерваторы мечтали всего лишь о сохранении монархии, сословных порядков и традиционной социальной иерархии, основанной на наследственных привилегиях⁸⁵, то сегодня «новые правые», хорошо знакомые с современными научными технологиями, идут гораздо дальше. Действительно, если раньше для подтверждения своих прав аристократии хватало отсылки к документально подтвержденному титулу и знатной родословной, то сегодняшние мечтатели апеллируют к генетике, физической антропологии и археологии, чтобы учредить «иерархию народов» в зависимости от их «эволюционной ценности» и снабдить их соответствующими неравными статусами. Мало того, в соответствии с охранительной доктриной «новых правых»⁸⁶ они придают основополагающее значение сохранению «этнокультурного портрета» региона или территории. Поэтому они предлагают законсервировать имеющиеся этнокультурные общности, объявив их «чистыми расами» и возведя между ними непродоходимые границы, призванные сохранять их в «первозданной чистоте». Кроме того, раздаются призывы активно внедрять методы евгеники, чтобы «отбраковывать» то, что получает название «человеческого мусора». Таким «мусором» оказывается, в частности, «этническая периферия» по отношению к «этническому (расовому) ядру», а тех, кто именно войдет в такие категории, будут, разумеется, определять сами наши мечтатели — с

⁸⁵ Nisbet Robert. Conservatism: dream and reality. Milton Keynes: Open University Press, 1986.

⁸⁶ de Benoist Alain, Champetier Charles. The French New Right in the year of 2000 // Telos. Spring 1999. N 115. P. 133–135.

опорой на генетическую экспертизу. Мечтатели знают, что именно такая практика и была введена нацистами в Германии. Они критикуют нацистов за ее «извращение» и допущенные «перекося», но сами нацистские принципы у них никаких сомнений не вызывают. Иными словами, сегодня понятие «неоконсерватизм» нередко является эвфемизмом для расизма⁸⁷. Это, в частности, показала полемика вокруг вышедшей в 1994 году в США книги «Кривая нормального распределения», авторы которой пытались доказать, что разные «расы» отличаются по уровню интеллекта. В то же время их оппоненты, среди которых было немало признанных ученых, убедительно показывали, что книга развивает идеи элитизма и расизма, создавая псевдонаучные основы для реакционных политиков типа Патрика Бьюкенена⁸⁸.

Подобно германским расистам начала XX века⁸⁹, российские мечтатели настаивают на том, что опираются на естественнонаучные законы. А их кумиром, помимо зарубежных создателей «расовой теории», служит историк-маргинал Лев Гумилев, тоже мечтавший о том, чтобы его псевдонаучная концепция этногенеза, восстанавливающая в правах «научный расизм», стала путеводной нитью для российских чиновников⁹⁰. Между тем печальный опыт применения «монистических идей» германскими нацистами заставляет опасаться энтузиастов политического использования такого рода естественнонаучных знаний.

⁸⁷ Lind Michael. Brave New Right // The Bell Curve wars. Race, intelligence, and the future of America. N. Y.: Basic Books, 1995. P. 172–178. Подробно о расистских тенденциях у западных неоконсерваторов и «новых правых» см.: Barker Martin. The New Racism: conservatives and the ideology of the tribe. Frederick, Maryland: Aletheia Books, 1981; Gerson Mark. The neoconservative vision: from the Cold War to cultural wars. Lanham, Md.: Madison Book, 1996; Ansell Amy Elizabeth. New Right, New Racism: race and reaction in the United States and Britain. N.Y.: New York Univ. Press, 1997; Swain Carol. The new white nationalism in America: its challenge to integration. Cambr., UK: Cambridge Univ. Press, 2002.

⁸⁸ Bell Curve debate: history, documents, opinions. N.Y.: Random House, 1995; The Bell Curve wars. Race, intelligence, and the future of America. N. Y.: Basic Books, 1995; Measured lies: the Bell Curve examined. N.Y.: St. Martin's Press, 1996.

⁸⁹ О них см.: Gasman Daniel. The scientific origins of National Socialism. New Brunswick and L.: Transaction Publishers, 2004.

⁹⁰ Гумилев Лев, Ермолаев Вячеслав. Горе от иллюзий // Alma Mater. Вестник Высшей школы. 1992. № 7–9. С. 6–14. О критике построений Гумилева см.: Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 11. С. 4–45; Он же. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8–21; Шнирельман В.А., Парнин Сергей. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37.

Виктор Шнирельман

«Цепной пес расы»: диванная расология как защитница «белого человека»

Явление расологии народу

В середине 1990-х годов в среде русских националистов, деморализованных событиями осени 1993 года, происходила перегруппировка сил. Тогда среди сторонников «Русской идеи» наметилось размежевание по социально-классовым симпатиям; возникли движения, начавшие прямо ассоциировать себя либо с национал-капитализмом, либо с национал-социализмом¹. Первых представляли так называемые национал-демократы. Среди их идеологов выделялись Сергей Городников, Петр Хомяков и Александр Севастьянов. Любопытно, что одним из организаторов движения стал Виктор Давыдов, бывший коммерческий директор откровенно антисемитской газеты «Русская правда», симпатизирующей неоязычеству. В 1995 году движение начало выпускать журнал «Национальная демократия», учредителем и главным редактором которого стал доцент МГУ Вадим Колосов. Этот философ получил скандальную известность тем, что в 1994 — начале 1995 года проводил в МГУ семинар «Будущее России», где звучали выступления, выдержанные в откровенно расистском духе². Своим символом движение избрало малинового цвета знамя с изображением золотого льва, держащего в лапах трезубец. Якобы именно такое знамя реяло над дружиной русского языческого князя Святослава. Другим излюбленным символом этих национал-демократов

служила вращающаяся трехпалая свастика — традиционный знак белых расистов в ЮАР. Активную роль в движении играл склонный к неоязыческим взглядам писатель Владимир Авдеев, неутомимый пропагандист расовой чистоты и евгеники.

Одновременно в середине 1990-х годов в Москве была создана Ассоциация русских правых издателей (АРПИ), ставившая своей целью «защиту белого человека». Среди ее руководителей числился Павел Тулаев, специалист по Латинской Америке, защитивший в 1985 году кандидатскую диссертацию о профсоюзном движении в Перу. На рубеже 1980—1990-х годов он уже был постоянным участником движения русских национал-радикалов. В частности, стал в 1995 году одним из организаторов и редакторов праворадикального журнала «Наследие предков»³, где наряду с фантазиями о «славянской предыстории» публиковались статьи, написанные в духе расовой теории и прославлявшие «арийцев». Самое любопытное, что такого рода расистская литература печаталась в Центральной типографии Министерства обороны РФ, подчинявшейся Генеральному штабу, где и располагалась АРПИ⁴.

В середине 1990-х годов в Москве под руководством Павла Тулаева, Владимира Авдеева и Анатолия Иванова (Скуратова) был создан филиал «Европейской Синергии», возникшей в 1993 году⁵. Называя себя лидерами праворадикальных интеллектуалов, они популяризировали в России неоязыческие учения с расовой окраской⁶. Во второй половине 1990-х годов Тулаев и Авдеев делали это на страницах журнала «Наследие предков», а в 2000 году для пропаганды расовых идей они учредили журнал «Атеней».

³ Название журнала отнюдь не случайно являлось аналогом немецкого «Аненербе», научно-окультурной организации, работавшей в нацистской Германии в структуре СС, руководимой Гейнрихом Гиммлером.

⁴ Челноков Алексей. Дом с мезонином, военной типографией и расистской литературой // Известия. 1995. 8 апреля.

⁵ Главой Международной ассоциации «Европейская Синергия» является Жильбер Сенсир, бывший сподвижник Ле Пена. Одним из активных деятелей ее московского филиала являлся и известный неоязычник Александр Белов, первый руководитель Московской (славянской) языческой общины и создатель сети клубов «славяно-горицкой борьбы». См.: Асеев Олег. Славянское неоязычество в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 1999. № 1. С. 32.

⁶ Расовое понимание этничности популярно у целого ряда русских и украинских идеологов неоязычества, пытающихся развивать то, что они называют «расологией», и требующих сохранять «чистоту крови». Об этом см.: Шнирельман В.А. От «советского народа» к «органической общности»: образ мира русских и украинских неоязычников // Славяноведение. 2005. № 6. С. 6—9; Ivakhiv Adrian. Nature and ethnicity in East European paganism: an environmental ethic of the religious right? // The Pomegranate. 2005. Vol. 7. No. 2. P. 213—214.

Вашему вниманию предлагается сокращенная версия статьи. Полная версия доступна на сайте Центра «СОВА» по адресу: <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/9EВ7A7E>. Полная версия содержит гораздо более детальную аргументацию, и здесь в ряде случаев (но не во всех) будет дана ссылка на полный текст статьи.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-00121а.

¹ Об этом на примере неоязычества см.: Shnirelman V. Aryanism, Neo-paganism, and the Jews in post-Soviet Russia // Jews in Russia and Eastern Europe. 2003. Vol. 2. P. 86—93.

² Сиротин Евгений. Фашизм — это диктатура национального капитала // Диагноз. 1997. № 2. С. 12—13.

Выпускник МЭИ и инженер-электромеханик по специальности, Авдеев стал писателем в конце 1980-х. Он входит в Совет координаторов Московской языческой общины и является членом языческого Клуба славяно-горицкой борьбы. На вопрос о вероисповедании он отвечает: «Язычник русский». Он также называет себя ученым, историком и филологом-традиционалистом, хотя и не имеет отношения ни к биологии, ни к физической антропологии, ни к психологии, не говоря уже об истории, археологии, лингвистике или этнологии.

В начале 1990-х годов Авдеев объявил христианство отмирающей религией и для ускорения этого процесса прилагал все усилия для его дискредитации. Представив христианство «религией человеконенавистничества», не способной к творческому мышлению⁷, Авдеев настаивал на психопатической ущербности личности Христа и его тяжелой генетической наследственности⁸. А чтобы окончательно дискредитировать христианство, он причислил к последователям Христа коммунистов⁹. Вместе с тем Авдеев боролся с христианством не как атеист, а как приверженец дохристианской языческой религии. В качестве таковой он выбрал зороастризм, объявив его «первой настоящей религией». Пытаясь укоренить зороастризм в русской почве, он подхватил идею об арийском происхождении славян, о родстве славян со скифами и о родине Заратуштры на территории России к востоку от Волги. Ему импонирует мысль о локализации арийской прародины в России¹⁰. Тем самым в этой версии славяне оказываются создателями высшей мудрости и древнейшей на Земле религии. Авдееву казалось важным подчеркнуть неувядаемую ценность местной духовной традиции и вредоносность чужой идеологии. Поэтому он требовал объяснить народам России, что «*Христос и Магомет — это заморские иностранцы*», а великий Зороастр — «*это наш соотечественник*». Первые будто бы поделили мир на два враждующих лагеря, и только последний способен помирить всех в рамках единой культурной традиции. Ведь только свой местный бог может принести удачу и счастье¹¹. Иными словами, в поисках привлекательной интегрирующей идеологии Авдеев заменил православие зороастризмом и провозгласил наступление эпохи «русской идеи» без Христа.

⁷ Авдеев В.Б. Преодоление христианства. М.: Капъ, 1994. С. 38, 44.

⁸ Там же. С. 46.

⁹ Там же. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 45, 162.

¹¹ Там же. С. 168–169. Хотя даты жизни Зороастра и регион его религиозной деятельности вызывают споры, один из лучших знатоков вопроса Ричард Фрай связывал пророка с Восточным Ираном. См.: Фрай Ричард. Наследие Ирана. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1971. С. 50–55.

Любитель радикальных идеологий, Авдеев во второй половине 1990-х годов внезапно объявил себя антропологом и «отцом русской расовой мысли». В 1999 году он основал при издательстве «Белые альвы» «Библиотеку расовой мысли», в которой издаются и переиздаются работы как нынешних российских расистов (ни одного специалиста по физической антропологии среди них нет), так и классиков западного расизма¹². Достаточно назвать известный расистский труд Людвиг Вольфмана «Политическая антропология» (М., 2000), сборник переведенных с немецкого А. Ивановым статей Ганса Понтера («Избранные работы по расологии». М., 2002), члена Совета по вопросам евгеники эпохи нацизма, подводившего псевдонаучную базу под нацистский расовый миф¹³, а также книгу расиста Эрнста Крика («Преодоление идеализма: основы расовой педагогики». М., 2004). Информация об издании такого рода книг, а иногда и их тексты, размещаются на сайтах русских неоязычников, которые таким образом просвещаются в области «расовых проблем».

Основательно изучив идеи западных основоположников и адептов расовой теории, Авдеев считал себя достаточно подготовленным к написанию собственного труда. Впрочем, не желая чересчур плотно ассоциироваться с защитниками этой теории, Авдеев провозгласил себя создателем новой науки «расологии» как учения о «наследственных ка-

¹² О предельно негативной реакции российских антропологов на эту деятельность см.: Алексеева Татьяна и др. Рецидивы шовинизма и расовой нетерпимости // Природа. 2003. № 6. С. 80–81. Весной 2005 года группа петербургских интеллектуалов направила в адрес президента Путина открытое письмо с предложением высказаться по поводу выпуска издательством «Белые альвы» расистской литературы. Ответа они не получили. Между тем с тех пор тиражированием расовых идей занялись и некоторые другие издательства, например, «Книжный мир».

¹³ Как писал Петер Вирек, «научный расизм профессора Ганса Понтера на поверку оказывается религией, хотя официально он и числится у нацистов “научным” авторитетом по вопросам расы». См.: Viereck Peter. Metapolitics. The roots of the Nazi mind. N.Y.: Capricorn Books, 1965. P. 293. О Понтере, которого сами немецкие специалисты называли «фанатичным невеждой», см.: Lutzhöft Hans. Der Nordische Gedanke in Deutschland, 1920–1940. Stuttgart, 1971; Essner Cornelia. Im “Irrgarten der Rassenlogik” oder Nordische Rassenlehre und Nationale Frage (1919–1935) // Historische Mitteilungen. 1994., Bd. 7. Hf. 1. S. 81–101; Колчинский Эдуард. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 363–367, 497–500. Отечественным ученым Понтер также давно известен как создатель «расистских фантазий». См.: Токарев Сергей. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978. С. 179–180. Остановившись на позиции этого «расолога» в послевоенный период, Колчинский пишет, что, «по мнению этого, ни в коей мере не раскаявшегося, пророка расологии, национал-социалистический расизм делал человека лучше, поэтому необходимо вернуться к национал-социализму, убрав из него все крайности и зло». См.: Колчинский Э.И. Биология Германии и России-СССР. С. 500.

чествах людей». Этому он и посвятил свою книгу «Расология», которая рассматривается ниже¹⁴.

Своеобразие этой книги состоит в том, что она, по сути, представляет собой обширный набор цитат, тщательно отобранных и прокомментированных автором. При этом его привлекали лишь те цитаты и те авторы, которые могли, на его взгляд, подтвердить нужные ему положения расовой теории. Не гнушается он и подлогом, то есть искажением цитат, взятых у известных авторов, ни в коей мере не разделявших положения расовой теории. Поэтому все цитаты, приводимые Авдеевым, следует сверять с первоисточником. Иной раз он приводит правильные цитаты, но в своих комментариях полностью искажает их смысл¹⁵.

Подходящие авторы отбирались им из самых разных стран и эпох, и их высказывания вырывались из контекста и помещались навалом без соблюдения какой-либо хронологии или учета их связи с той или иной научной парадигмой или школой. Никакого представления о развитии научных взглядов или изменении позиции того или иного ученого в ходе новых исследований такая подача материала не предполагала. О бурном развитии науки в течение XX века Авдеев знать не желает; его кумиры связаны в основном с XIX — началом XX века, когда данных было мало и методики их сбора и обработки были слабо разработаны¹⁶. Тогда многие специалисты ограничивались кабинетной работой и с излишним доверием относились к рассказам путешественников, а гипотетическим конструкциям уделялось гораздо больше внимания, чем их доскональной проверке. Эволюция научной мысли и кардинальные изменения представлений о расе, происходившие в 1930—1940-х годах, а затем в 1960-х годы, Авдеева не занимают. Невыносимо скучно ему и разбираться в методиках, применявшихся разными авторами. Так, он с восторгом рассказывает о «достижениях» краниологии, физиогномики, френологии, изучении размеров и строения мозга, исследованиях структуры волос и даже анализе насекомых-паразитов, которые у разных рас якобы различались. Он убеждает читателя в том, что все это будто бы дало неопровержимые доказательства

¹⁴ Авдеев В.Б. Расология: наука о наследственных качествах людей. М.: Белые альвы, 2005.

¹⁵ Целый ряд примеров рассмотрен в полной версии статьи. Все это — типичные приемы, которыми часто пользуются авторы расистских псевдонаучных текстов. Об этом см., например: Kamin Leon. Lies, damned lies, and statistics // The Bell Curve Debate: history, documents, opinions. N.Y.: Random House, 1995. P. 81—105.

¹⁶ О недостатках методик измерения черепов и мозгов и влиянии на них расовых предрассудков см.: Gould Stephen. The mismeasure of man. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1981. P. 57—69, 77—92, 100—102, 108—112.

различия рас. Однако все эти подходы дискредитировали себя еще в XIX веке, когда выяснилась их малая надежность: ведь используя, казалось бы, одни и те же методики, разные специалисты приходили к едва ли не диаметрально противоположным выводам¹⁷.

Что же касается тех специалистов, которые обрушивались с уничтожающей критикой на отдельные положения «научного расизма» или просто получали данные, их не подтверждавшие, то они Авдееву просто неинтересны. Зато для придания большего веса своим избранникам в глазах читателя Авдеев не скупится на звучные титулы — все они выглядят у него «талантливейшими учеными», «мэтрами», «корифеями», «крупнейшими специалистами» и т.д. В этом списке он особо выделяет современных адептов «научного расизма» — американцев Уильяма Шокли и Артура Дженсена и канадца Филиппа Раштона¹⁸, а также идейного вождя французских «новых правых» Алена де Бенуа, склонного к культурному расизму¹⁹.

Агрессивный дилетантизм

Подобно своим германским учителям, Авдеев вовсе не стремится к научной истине. Он всеми силами тшится заново выстроить здание «нордической (арийской) науки», призванной доказать величие «белого человека» и его «передового отряда» в лице «чистокровных русских арийцев».

¹⁷ Например, еще в 1876 году Джефриз Уаймен показал, что при измерении одного и того же черепа восемью разными методами расхождения могут достигать 120 куб. см. О сомнительности методов сторонников расовой теории и противоречивости их суждений см.: Шийк А.А. Расовая проблема и марксизм. М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем, 1937. С. 77—82; Рогинский Яков. Фриц Ленц и расы // Антропологический журнал. 1934. № 3. С. 187—203; Gossett Thomas. Race. The history of an idea in America. N.Y.: Schocken Books, 1971. P. 76—81.

¹⁸ О критике аргументов Раштона, показывающей их слабую доказательность, см.: Horowitz Irving. The Rushton file // The Bell Curve Debate. P. 179—200. Показательно, что с этой критикой выступил директор издательства, опубликовавшего книгу Раштона. Сегодня Раштон является директором Пионерского фонда, учрежденного в 1937 году американским текстильным королем Уиклиффом Дрейпером, большим поклонником евгеники. Этот фонд щедро поддерживает расистские исследования. См.: Miller Adam. Professors of hate // The Bell Curve Debate. P. 162—178; Tucker William. The funding of scientific racism: Wickliffe Draper and the Pioneer Fund. Urbana: University of Illinois Press, 2002. О Дженсене см. ниже. О психологических тестах с расистской подоплекой см.: Майлз Роберт, Браун Малкольм. Расизм. М.: РОССПЭН, 2004. С. 64—67.

¹⁹ О нем см.: Шнирельман В. А. Этничность, цивилизационный подход, «право на самобытность» и «новый расизм» // Социальное согласие против правого экстремизма Вып. 3—4. М.: Институт социологии РАН, 2005.

Выставляя себя сторонником полигенизма²⁰, он рисует происхождение современных рас следующим образом: «Представители более “высоких” человеческих этажей вступали в половую связь с представителями “низших”, неандертальских, этажей, в результате какого скотоложества и произвели на свет “ублюдков-мутантов”, затем численно обособившихся до уровня целых народов и рас, что и породило общее “эволюционное многообразие рода Ното”». Так якобы и возникли все остальные группы человечества, что, по словам Авдеева, объясняет не только их иной физической тип, но и их «врожденную духовную ущербность», «низкие интеллектуальные способности», не позволяющие понять и усвоить некие «высшие ценности».

Однако вопрос о происхождении *Homo sapiens* окончательно не решен, и каждое новое открытие лишь усложняет эту проблему. Еще меньше мы сегодня можем сказать о происхождении отдельных рас. На этот счет имеются самые разные гипотезы, однако их недостаточно для сколько-нибудь однозначных выводов. Споры продолжаются, а потому утверждение Авдеева лежит за рамками современной науки, не говоря уже о его сомнительности с точки зрения человеческой морали.

Но Авдеева все это нисколько не останавливает. Отсюда такие рассуждения: «Истоки современного сепаратизма басков нужно искать в особенностях их антропологии», ибо они якобы позаимствовали свой «примитивный» язык напрямую у кроманьонца²¹. Аналогичным образом, Авдеев и чеченцам приписывает кровожадность, якобы имеющую «генетическую основу». Он утверждает, что их «племенные принципы организации» якобы «наследственно закреплены в особенностях расового строения». Ему не приходит в голову, что развитие социальной организации не имеет никакого отношения к генетике. Иначе и германцам, и славянам пришлось бы до сих пор жить племенной жизнью в силу их «расового строения».

Авдеев объясняет рост этносепаратизма и «этнического бандитизма» «наследственной несовместимостью различных расовых групп». Чем же тогда объяснить тот факт, что в российском криминальном мире и, прежде

²⁰ Расцвет полигенизма в США пришелся на 1840–1850-е годы. С появлением дарвинизма начался его быстрый упадок, и даже один из его патриархов, Джосайя Нотт, признал свое поражение. См.: Stanton William. The leopard's spots: scientific attitudes toward race in America, 1815–1859. Chicago: Phoenix, 1966.

²¹ Авдеев не хочет знать, что большинство басков — не сепаратисты и уже давно перешли на испанский язык, да и баскский язык не имеет никакого отношения к кроманьонцам. А известные сторонники расовой теории, экономист Уильям Рипли и антрополог Генри Ф. Осборн, которым Авдеев обязан своими знаниями о баскском языке, лингвистами никогда не были.

всего, в Москве и Московской области безраздельно господствуют славянские преступные группировки?²² С кем они здесь несовместимы?

Заявляя о решительной победе идеи полигенизма, Авдеев находит ее защитников главным образом среди авторов первой половины — середины XIX века, то есть до важнейших открытий в области антропогенеза и до появления таких наук как археология, палеоантропология, генетика. Между тем он утверждает: «В 20-е и 30-е годы XX века с началом бурного расцвета биологии и первых успехов в области генетики старые идеи антропологов-полигенистов получили подтверждение на качественно новом уровне, и особенно после возникновения в середине века так называемой синтетической теории эволюции». Но все обстояло прямо противоположным образом. Именно в эти годы идеи полигенистов были окончательно опровергнуты специалистами²³, и только нацистские псевдоученые всеми силами пытались их спасти.

Что же касается экскурсов Авдеева в этнографию, то они отличаются откровенным дилетантизмом. Он всерьез полагает, что любые фантазии, озвученные 100–200 лет назад, сохраняют свою «истинность» и сегодня. Для него расовые теоретики XIX века, как жена Цезаря, вне подозрений.

Авдеев неоднократно обращается к рассуждениям польского этнолога Людвика Крживицкого, который якобы интервьюировал каннибалов, деливших с ним своими вкусовыми ощущениями. Однако сегодня специалистам известно, насколько осторожно следует подходить к такой информации ранних путешественников, грешившей фантазиями, заблуждениями и преувеличениями²⁴.

Неосведомленность Авдеева в предмете его «исследований» поражает. Так, он глубокомысленно рассуждает: «Традиционно русский квас на основе черного хлеба: ну чем это не очередное доказательство природно-нордического происхождения русских?» Он, похоже, не знает, что рожь происходит из Малой Азии!

²² Мухин Алексей. Российская организованная преступность и власть: история взаимоотношений. М.: Центр политической информации, 2003.

²³ В Великобритании полигенизм утратил свои позиции с появлением теории Дарвина. Долше он продержался во Франции и особенно в США. В США, где этот дискурс подпитывался тревогами по поводу массовой иммиграции в конце XIX века, псевдонаучные построения полигенистов служили обоснованием для введения дискриминационного иммиграционного законодательства. См.: Gould Stephen Jay. The mismeasure of man. P. 39–72; Stocking George. Race, culture and evolution. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 38–40, 44–68; Lorimer Douglas. Theoretical racism in Late Victorian anthropology, 1870–1900 // Victorian Studies. 1988. Vol. 31. No. 3. P. 405–430.

²⁴ Arens William. The man-eating myth: anthropology and anthropophagy. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1979.

Авдеева коробит обычай выставления трупов для поедания хищными птицами. Он не ведает о том, что этот обычай практиковался зороастрийцами, к которым, как мы знаем, он питает необычайную слабость вплоть до того, что предлагает русским «вернуться» к заветам пророка Зороастра.

Особую подозрительность Авдеев проявляет к «сеμίтам», ибо западные антисемиты научили его видеть их во всем противоположными «арийцам». Чтобы донести эту мысль до читателя, он обращается к книге нацистского министра земледелия Рихарда Вальтера Даррэ, доказывавшего, что «*ритуальное запрещение вкушать свинину у (кочевых семитов и тюрков. — В.Ш.) является генетической памятью об ущербности кочевых южан по сравнению с оседлыми северянами*». Но и здесь прокол: Авдеев не знает, что свининой питались семиты-хананеи Палестины в бронзовом веке и что она с древности служит излюбленным кушаньем китайцам и папуасам, которых наш «расолог» отнюдь не относит к «высшей расе».

Он всеми силами стремится перенести «конфронтацию арийцев с семитами» на русскую почву. Для этого он придумывает титаническую борьбу, которую в советские годы русские ученые вели против евреев: «*С подлинно русским терпением и подвижническим благоразумием был дан убедительный ответ внукам и правнукам все тех же местечковых портных и шинкарей, очередной раз сменивших черту оседлости своих убеждений*». Суть этого ответа остается скрытой от читателя. Зато известно, что среди советских антропологов были люди разного этнического происхождения и никакой конфронтации между ними не наблюдалось.

Не определяя четких критериев «белой расы» и «нордической расы», Авдеев сознательно путает «арийцев», «европеоидную расу», «северный вариант европеоидной расы», а «нордиков» отождествляет с «белой расой», не понимая, что последнюю ученые делят на многочисленные подтипы, включая восточносредиземноморский, к которому относятся семитские народы Ближнего Востока. Вслед за расистской традицией, идущей от Артюра де Гобино и Хьюстона Чемберлена, он намеренно допускает такое таксономическое смешение, чтобы противопоставить постоянную культуротворческую роль «белой расы» разрушительной стихии «цветных рас». Бесконечные экскурсы в прошлое имеют для него актуальное современное звучание. Ведь «*печальный опыт античности мы, к сожалению, наблюдаем и в условиях разложения современной так называемой Западной цивилизации*». Но Авдеев не объясняет, как случилось, что, не меняя своего физического типа, германцы вначале участвовали в разгроме римской цивилизации, а затем внесли весомый вклад в строительство современной европейской²⁵.

²⁵ Подробнее о фантастических представлениях Авдеева об истории, физической антропологии и других науках см. в полном варианте статьи.

Сколь бы странно ни звучали сегодня все эти рассуждения, Авдееву они нужны для возведения величественного здания «расологии». Цели этой доселе невиданной у нас «науки» Авдеев определяет следующим образом: «*Под расологией нужно понимать единую философскую систему, находящуюся на стыке естественных, точных и гуманитарных наук, посредством которой все социальные, культурные, экономические и политические явления человеческой истории объясняются действием наследственных расовых различий народов, данную историю творящих*». Ничего нового в этом нет; ведь это, по сути дела, попытка возрождения получившей некоторую популярность на рубеже XIX–XX веков «антропосоциологии» или «политической антропологии», ведущими теоретиками которой были немцы Отто Аммон и Людвиг Вольман, французы Поль Брока и Жорж Ваше де Ляпуж и их последователи. Новое заключается лишь в том, что, если эти ученые проводили самостоятельные исследования и разрабатывали свои собственные, пусть и весьма сомнительные и противоречивые, концепции, то Авдеев никаких исследований не проводит и проводить не собирается. Свою роль он определяет просто: «*Не фиксировать, но оценивать и объяснять — вот задача расологии*». Именно в этом он видит «великую провиденциальную задачу» русской науки, подчеркивая, что она якобы должна «открыто встать на защиту интересов того первоисточника, из которого вышла, то есть европеоидной расы». Авдеев пытается соблазнить ученых красивой метафорой: «*Расолог — цепной пес расы, предупреждающий о чужаках даже тогда, когда хозяин не бросает ему костей*».

Ратая в своей борьбе с «интернационализмом» за сугубо «русскую науку» и утверждая, что «*чуждая мысль — это почти всегда психическая инфекция*», Авдеев без тени смущения позволяет себе обильные заимствования из трудов немецких, французских, английских и других ученых. Мало того, хотя «дети местечковых портных и шинкарей» вызывают у него приступы ярости, его «арийский патриотизм» и страх «психической инфекции» не мешают ему неоднократно ссылаться на идеи ученых еврейского происхождения, если они, как ему кажется, работают на его концепцию.

Следуя за давно опровергнутыми идеями ранних антропологов, Авдеев, во-первых, делает акцент на классификационных признаках и рассматривает расы как неизменные во времени, а во-вторых, пытается расставить расы на разных ступеньках эволюционной лестницы и говорит о «примитивных расах». При этом он не учитывает эволюционных изменений и вовсе не знает об исследованиях антропологической вариативности, вызванной адаптацией, мутацией, генным дрейфом и т.д.

Подход, которому он следует, утратил свою легитимность уже около века назад, ибо массовые обмеры продемонстрировали значительную индивидуальную вариативность. Это показало, что «раса» является не «биологическим телом» со строгими границами, а статистической категорией, не сводимой к сумме составляющих ее индивидов. Поэтому, как писал известный советский антрополог Валерий Алексеев, *«раса представляет собой не индивидуально-типологическое, а групповое понятие, что и находит отражение в представлении о расе как популяции»*. Поэтому ни отдельно взятый череп, ни отдельный индивид не дают возможности судить о каких-либо устойчивых «расовых признаках»²⁶. *«Индивидуум, — подчеркивал Алексеев, — не является носителем расовых свойств, значит попытка определения его расового типа — научная фикция»*²⁷.

Мало того, сегодня представляется аксиомой то, что человек как вид не является биологически неизменным, и процесс изменений постоянно продолжается. Огромную роль в этом играют процессы адаптации, и в последние годы жизни Алексеев подчеркивал особую важность *«биологического приспособления [человека] к окружающей его многообразной природной и социальной среде»*²⁸. Но именно это Авдеев всячески отрицает.

Соблазн расовой теории

Концепция Авдеева содержит все основные положения расовой теории, лежавшей в основе расистской идеологии и практики XX века. Это, во-первых, вера в гомогенную и неизменную биологическую расу, которая представляется Авдееву целостным организмом. Человеческую расу он уподобляет породе животных и утверждает, что социальные общности исконно формировались на основе «единства крови и ареала».

Во-вторых, идею «единства человеческого рода», разделяемую сегодня всеми специалистами, он объявляет «политизированной химерой». Для него не человечество в целом, а именно раса представляется «видом» (*«различные человеческие расы — суть различные человеческие виды»*). Именно поэтому Авдеев с энтузиазмом хватается за давно отброшенную наукой гипотезу полигенизма, согласно которой разные

²⁶ Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Изд-во полит. лит., 1984. С. 317. Забавно, что Авдеев, напротив, выставляет Алексеева противником популяционной генетики.

²⁷ Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия. М.: Наука, 1985. С. 246. См. также: Lewontin Richard, Rose Steven, Kamin Leon. Not in our genes. Biology, ideology and human nature. N.Y.: Pantheon Books, 1984. P. 119–127.

²⁸ Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия. С. 101.

расы происходили от разных предков и обречены вечно сохранять свои исконные расовые качества.

В-третьих, он настаивает на неразрывной связи телесного с духовным и всячески пытается реабилитировать понятие «психологии расы», в чем прямо опирается на исследования нацистских ученых. У него не вызывает никаких сомнений то, что «расовая принадлежность» будто бы жестко определяет ценности, мировоззрение, политическую позицию человека и предопределяет его поведение. Если убеждение в наличии такой связи вдохновляло основателей физической антропологии в XIX веке, то с тех пор специалисты отвергли такой подход как примитивный и безосновательный. Сегодня его разделяют лишь неисправимые расисты. В этом отношении показательно болезненное внимание Авдеева к давно отвергнутой теории Чезаре Ломброзо о «физическом типе» преступника²⁹. В поисках союзников Авдеев пытается изобразить сторонником идей Ломброзо патриарха советской антропологии Виктора Бунака. Но Бунак полностью их отвергал, писал о неудовлетворительности имеющихся данных и слабой разработанности методик. В итоге советский ученый отрицал возможность установления какого-либо единого физического или расового типа преступника³⁰.

Поэтому, в-четвертых, Авдеев провозглашает биологию основой социальной, культурной и политической истории. Соответственно он биологизирует этнос и культуру и пишет о «врожденных расовых различиях народов» (*«любая культура есть результат биологической жизнедеятельности исторически сложившегося сообщества»*, а *«расология... акцентирует свое внимание на социокультурном и политическом аспектах различий»*). Однако нет никаких оснований для безоговорочного выведения «национальной общности» из «этноса», как это делает Авдеев, ибо этнос представляет собой этнокультурную общность, а нация — общественно-политическую. Из этого следует, что нации, за редким исключением, складываются на основе нескольких этнических групп и не имеют отношения к какому-либо «доминирующему расовому типу». Но и этническая группа не равнозначна тому, что в биологии понимается под популяцией.

В-пятых, представляя расу интегрированным единством всех составляющих, Авдеев доказывает вред расового смешения, якобы вносящего в эту систему губительный дисбаланс, который ведет к ее разрушению. Он пишет о «несовместимости культур», к чему якобы приводит *«наплыв»*

²⁹ Подробно о критике теории и методов Ломброзо см.: Gould S.J. The mismeasure of man. P. 123–145.

³⁰ Бунак В.В. Антропологическое изучение преступника, его современное положение и задачи // Архив криминологии и судебной медицины. Харьков, 1927. Т. 1. Кн. 2–3. С. 535–569.

афро-азиатских мигрантов», будто бы страдающих опасным наследственным пороком³¹, и априорно упрекает их в беспричинной агрессивности и необычайной склонности к преступному поведению³².

В-шестых, Авдеев выступает за иерархию рас, придание им разного качества и разной ценности.

В-седьмых, он объявляет все цивилизации плодом активности «высшей расы» и безапелляционно заявляет, что *«империи создают расово-чистые народы, а помеси эти империи разрушают»*. В этом он следует такому же, как он, дилетанту, французскому аристократу Гобино, который пытался объяснять развитие истории биологическими факторами³³.

Наконец, в-восьмых, Авдеев придает своей концепции огромное прикладное значение, ибо она якобы способна оказать помощь в «расовой борьбе за существование». Он пускается в рассуждения о «наследственной политической преступности» и в приступе ностальгии «вспоминает», что *«в НКВД времен Л.П. Берии учитывали те же признаки для вынесения приговоров врагам народа, то есть наследственным политическим преступникам»*.

В связи с этим Авдеев делит население России на «высшие» и «низшие» расы: *«Российская империя, так же как до этого Великая Русь, были основаны великорусским племенем, у которого в силу его наследственно обусловленных расовых признаков сам процесс и очередность зарастания черепных швов происходит по модели, свойственной “высшей” расе, в то время как у “иностранцев России” преобладает модель, позволяющая отнести их преимущественно к “низшим” расам»*. При этом он доказывает, что *«принадлежность к государствообразующей нации — понятие не социокультурное и не мистическое, а расово-биологическое, измеряемое по множеству параметров, но более всего отражаемое в весе, сложности устройства и эволюционной ценности мозга ее представителей»*.

³¹ Утверждение о «несовместимости культур» стало типичным для современного расизма. См.: Шнирельман В.А. «Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 183–222.

³² При этом он, в частности, ссылается на мнение американского ультраконсерватора (или просто расиста) Патрика Бьюкенена. Однако на поверку такие мнения оказываются мифом. См., например: Шнирельман В.А. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. М.: Центр «СОВА», 2007. С. 107–149.

³³ Biddiss Michael. Father of the racist ideology. The social and political thoughts of Count Gobineau. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1970; Гофман Александр. Элитизм и расизм (критика философско-исторических воззрений А. де Гобино) // Расы и народы. 1977. Вып. 7. С. 128–142.

Мало того, одна лишь борьба между расами Авдееву явно скучна. Ведь *«мировая история — это не только борьба больших рас, но в еще большей степени — борьба расовых ядер со своей собственной генетической периферией»*. Чем же определяется эта борьба и почему она необходима? Авдеев отвечает: *«Именно на расовое ядро народа приходится основная историческая нагрузка в процессе государственного строительства и созидания культурных ценностей. У представителей метисной периферии, не прошедших антропозстетический отбор на соответствие усредненному расовому идеалу, государственнический инстинкт ослаблен, и, как следствие, из числа бастардов формируются легионы всякого рода отступников и прозелитов. Именно расовое ядро народа представляет собой средоточие приложения исторических сил, а не внерасовый, разноплеменный шлак, в который, будто в песок, уходят все благие помыслы вождей и религиозных лидеров»*. Но кто и как будет определять «расовое ядро народа» и его «периферию», если сами эти понятия достаточно условны и никаких строгих методов для их определения не имеется? Ясно, что «генетическую периферию» будут определять сам Авдеев и ему подобные, как в свое время Герман Геринг определял, кто еврей, а кто нет.

Авдееву видятся очертания новой «нордической (арийской) науки», призванной создать *«новую сверхсовершенную белую расу на основе лучших биологических компонентов существующей белой расы»*. Мало того, историю как науку заменят «расовая историософия и ревизионизм». Он верит, что *«на основе современной науки социобиологии можно идентифицировать и высчитать народы-доноры и народы-паразиты, и тогда самым естественным образом возникнут, например, такие науки, как социальная паразитология, эволюционная паразитология и биологическая культурология»*. И далее: *«Не гуманитарии отныне должны будут вырабатывать моральные критерии в обществе, а биологи и инженеры-системотехники»*, — и наконец-то забытый своими коллегами инженер Авдеев найдет достойное дело, соответствующее его способностям и желаниям. «Цепной пес расы» явно готовится к прыжку, но ... «не вставая с дивана», где он собирается «создавать новые государства», осуществляя *«точный расчет оптимальной расово-этнической структуры для данной территории и данного ландшафта»!*

Свою книгу Авдеев заканчивает на поистине оптимистической ноте. Он вещает: *«Нам осталось лишь вызвать к жизни былинного русского Иванушку Дурачка, не обремененного “по глупости” общечеловеческими гуманистическими идеалами и поэтому способного включить генетическую программу (инорасовых. — В.Ш.) Кашеев на самоуничтожение, чтобы мгновенная агония паразитов вычеркнула их из нашего времени раз и на-*

всегда». Иными словами, перед нами выработанная на родном диване программа, вполне достойная нацистских вождей, которой Авдеев всеми силами старается придать «научность».

Сам Авдеев наотрез отказывается считать свою концепцию расистской. Он пытается спрятаться за спины авторитетов, заявляя, что опирается на «корифеев мировой и отечественной классической антропологии, которую никто и никогда не обвинял в расизме, что автоматически и с нас снимает всякую ответственность». Между тем сегодня в десятках книг доказываются, что это была расовая наука, служившая расистским целям.

Современные специалисты понимают под классическим (биологическим) расизмом концепцию, во-первых, возводящую все различия между народами (в культуре, поведении, мировосприятии) к их «расовым истокам», то есть к физическим признакам, таким как кровь, форма носа, цвет волос, разрез глаз и пр., а во-вторых, утверждающую на этом основании извечное неравенство рас и настаивающую на подведении под это правовой базы³⁴. Как замечала Рут Бенедикт, расизм — это прежде всего вера в то, что человеческая судьба предопределяется биологией³⁵. Этот расизм, порожденный эпохой колониализма, исходил из понятия о высших и низших расах и, вопреки всем имеющимся научным данным, утверждал, что именно расовые различия определяют ход развития истории и культуры. Нетрудно заметить, что основные положения концепции Авдеева идеально удовлетворяют всем определениям «научного расизма», известным науке.

Провозглашая приоритет «русской расовой мысли», российские расологи почему-то испытывают особый пиетет к немецким антропологам эпохи нацизма и настаивают на том, что те якобы хранили верность «подлинной науке», никак не поддерживали нацистский режим и оставались в стороне от живодерской нацистской практики³⁶. Однако это не так. Сегодня имеются десятки монографических исследований, свидетельствующих об активном участии немецких специалистов самого разного профиля в бесчеловечных опытах над заключенными концлагерей и в проведении политики «расовой гигиены», не говоря уже о поддержке нацистской расовой теории³⁷.

³⁴ Шнирельман В.А. Расизм: вчера и сегодня // Pro et Contra. 2005. № 2. С. 41–42.

³⁵ Benedict Ruth. Race and racism. L.: George Routledge & Sons, 1942. P. 98.

³⁶ Авдеев В.Б., Севастьянов А.Н. Раса и этнос. М.: Книжный мир, 2007. С. 120; Савельев Андрей. Время русской нации. М.: Книжный мир, 2007. С. 166.

³⁷ Weinreich Max. Hitler's professors: The part of scholarship in Germany's crimes against the Jewish people. N.Y.: Yiddish scientific institute, 1946; Saller Karl. Die Rassenlehre des

Грезы о «чистой расе»

Авдеев утверждает, что «русские — расово чистая в своей основе, го-могенная, преимущественно нордическая ветвь европеоидной расы». В то же время для него «русский народ — совокупность людей с повышенным процентом одного и того же гена биохимического кода». Следовательно, «тот, кто записался в русы, — это пришлый элемент, вот отсюда вся славяница как раз и берётся. Вот это всё и надо выгонять. Оставлять чистое расовое ядро. А пришлые помеси никого не интересуют и не должны рассматриваться ни в каком контексте»³⁸. При этом «указания на мнимую биологическую вторичность русских и их смешение с финнами и тюрками с незапамятных времен исходит от недругов белой расы».

Не давая строгого определения «расе» как категории анализа, Авдеев более всего заботится о «расовом ядре». При этом, путая генотип с фенотипом, он стремится просветить читателя: «Как было доказано американским биологом Артуром Дженсенем, расово-соматический облик человека на 80 % формируется его наследственностью и только на 20 % — окружающей средой». Даже здесь Авдеев не удержался от искажения, ибо Дженсен писал не о «расово-соматическом облике», а об «умственных способностях»³⁹. Но Авдеев идет еще дальше и ссылается на генетичес-

Nationalsozialismus in Wissenschaft und Propaganda. Darmstadt: Progress-Verlag, 1961; Proctor Robert. From Anthropologie to Rassenkunde in the German anthropological tradition // Bones, bodies, behavior. Essays on biological anthropology. Madison, 1988. P. 156–166; Burleigh Michael, Wippermann Wolfgang. The racial state. P. 52–55; Von Papen Maria Patricia. “Scholarly” antisemitism during the Third Reich: The Reichsinstitut's research on the “Jewish question”, 1935–1945. Ann Arbor, MI: Bell & Howell, 1999; Александров Д.А. Наука и нацизм // Фашизм в Европе — прошлое и настоящее. СПб., 1996; Рёдер Томас, Киллибус Фолькер, Бёрвелл Энтони. Психиатры: люди за спиной Гитлера. М.: АНВИК, 2004. С. 50–201; Колчинский Э.И. Биология Германии и России-СССР. С. 344, 353–360, 433, 465–466, 494–512, 526–560. Подробнее об этом, а также о современном понимании расизма см. в полном варианте статьи.

³⁸ «Россия никогда не была православной страной» // Портал-Credo.Ru. 2005. 11 января (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=29897&cf=>).

³⁹ Дженсен — не биолог, а психолог, и сфера его профессиональных занятий — психология образования. Ничего в области биологии он «доказать» не мог. А психологические работы Дженсена отвергнуты американской наукой как безусловно расистские, и критика этих работ даже включена в американские вузовские учебники. Один известный американский ученый даже назвал такие подсчеты «нумерологией, а не наукой». См.: Layzer David. Heritability analyses of IQ scores: science or numerology? // Science. 1974. 29 March. Vol. 183. P. 1259–1266. См. также: Brace Loring, Livingstone Frank. On creeping Jensenism // Race and intelligence Anthropological studies. No. 8. Washington D.C.: American Anthropological Association, 1971; Race and intelligence: the fallacies behind the Race-IQ controversy. Baltimore: Penguin, 1972; Race and IQ. L.: Oxford

кий фактор для объяснения мировоззрения человека, которое, на его взгляд, тоже должно соответствовать «чистоте расы». Между тем ему не приходит в голову, что, если мировоззрение и поведение обусловлены генами, а раса определяется «повышенным процентом одного и того же гена биохимического кода», то никакой индивидуальной вариативности быть не может.

Далее, утверждая, что окружающая среда, включая природную, не оказывает никакого влияния на биологические особенности «расы» (следовало бы говорить о генетическом наследии человека), Авдеев готов полагаться на некие психологические методы для «исцеления» русских. Настаивая на «чистоте расового ядра», он в то же время отрицает какое-либо единство «белой расы», ибо, по его мнению, в западном мире «белые нордические инстинкты поставлены на службу семитской системе ценностей»⁴⁰. Но, если дело обстоит так плачевно, то есть если «раса» способна поддаться влиянию каких-то иных ценностей, то о каких генах и каких «природных основах» поведения и мировоззренческих установок может идти речь? На удивление, никаких противоречий Авдеев здесь не видит⁴¹.

Однако специальные антропологические исследования опровергают мнение о какой-либо «расово-чистой русской расе», и «недругами» оказываются все современные профессиональные антропологи.

Ведь на самом деле русские включают несколько близких антропологических типов. Одни из них относятся к северным европеоидам, другие — к южным, и ни о какой «нордической ветви» говорить не приходится. При этом на границах ареала русских в эти антропологические типы входят и соседние группы нерусского населения. Иными словами, в Восточной Европе нет строгого соответствия между этническими группами и биологическими популяциями, как нет и резких границ между соседними популяциями. В частности, выяснилось, что дерматоглифические отличия между русскими и рядом западнославянских народов, с одной стороны, и некоторыми финно-угорскими и прибалтийскими

Univ. Press, 1975; The IQ controversy. N.Y.: Pantheon Books, 1976. Сегодня ни один профессиональный биолог, имея в виду фенотипическую вариативность, зависящую как от внутренних (генетическая предрасположенность), так и от внешних факторов (условия, способствующие или препятствующие реализации генетической предрасположенности), не отважится давать такие строгие цифры, как это делает со ссылкой на Дженсена Авдеев.

⁴⁰ Будучи неоязычником, Авдеев связывает христианство с внедренной извне «иудейской идеологией». Его не смущает то, что сегодня многие русские отождествляют себя с православием.

⁴¹ Авдеев В. Надо учиться прикладной биологии // Завтра. 2005. № 32.

народами — с другой, достаточно малы. Самые близкие расстояния отмечаются между русскими и мордвой⁴². В свою очередь, одонтологические исследования показывают определенные сходства между русскими и финскими по происхождению группами, что говорит о наличии в составе русских отчетливого финно-угорского субстрата. В то же время на юго-востоке Восточной Европы у русских обнаруживается рост признаков восточного происхождения⁴³. Все это свидетельствует о том, что в ходе своего расселения восточные славяне активно смешивались с местными группами населения.

От «русской расы» к «Белому фронту»

В начале 2005 года книги серии «Библиотека расовой мысли», включая «Расологию», рассматривались Симоновской межрайонной прокуратурой Москвы. Редакторы и авторы соответствующих книг, не являющиеся специалистами в области генетики и физической антропологии, убеждали прокуратуру в их «академическом, научном, исследовательском и просветительском» характере. А многочисленные благожелательные эксперты, среди которых также не было ни одного специалиста по генетике, этнологии или истории, доказывали, что книги посвящены «слабо изученной тематике» и являются «достижением антропологической науки». Единственный специалист по физической антропологии, привлеченный к экспертизе, на суд не явился, но письменно сообщил, что изданные книги активно используются в учебном процессе в ряде московских вузов. Иными словами, никакого расизма в этих книгах тщательно подобранные эксперты не нашли, и прокуратура не стала возбуждать уголовное дело⁴⁴.

Действительно, прямые погромные призывы найти в книге Авдеева непросто. Однако вот что пишут о расизме специалисты: «*Возвеличивание “белыми” себя — в США, нацистской Германии, Южной Африке, Европе и пр. — часто считается более грозным и коварным явлением, чем типы расизма, ставящие во главу угла принижение “Другого”...*»⁴⁵

⁴² Долинова Наталья. Дерматоглифика восточных славян // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., Научный мир, 1999. С. 60–79.

⁴³ Гравере Рита. Одонтология восточнославянских народов // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., Научный мир, 1999. С. 85–87.

⁴⁴ Благодарю Виктора Дашевского за переданный мне текст постановления прокуратуры.

⁴⁵ Майлз Р., Браун М. Расизм. С. 107.

Разумеется, признание того, что человечество делится на отдельные расы, обладающие своими биологическими особенностями, расизмом не является. Даже если бы ученым удалось доказать наличие у отдельных человеческих популяций каких-либо биологических характеристик, несовместимых друг с другом, это был бы научный факт, не имеющий отношения к расизму. Однако таких фактов не существует, и даже деление человечества на расы ставится сегодня немалым числом специалистов под сомнение. В то же время сознательное стремление использовать непроверенные, сомнительные или давно отброшенные наукой гипотезы и подходы как основание для глобальных историософских построений, а тем более — для практических политических рекомендаций в отношении тех или иных «расовых (этнических) групп» высвечивает очевидную расистскую тенденцию. И если эксперты ее не заметили, то это говорит либо о низкой квалификации экспертов, либо о том, что они разделяют ту же самую идеологию.

Между тем, опираясь на свои сомнительные рассуждения, Авдеев предсказывает, что «будущее человечества — это расовые войны»⁴⁶, и его познания в «расовой науке» не остались незамеченными. По приглашению Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками он выступал 23 ноября 2004 г. перед народными избранниками, посвящая их в «расовый смысл» мировых событий⁴⁷.

Похоже, депутаты не ведают о том, что у них под боком закладывают основы Всемирного белого фронта, расистского сообщества, облюбовавшего Москву местом своих ежегодных встреч. Одна из первых ознакомительных встреч белых расистов состоялась в российской столице 26—27 августа 2004 г. Активное участие в ней, наряду с Авдеевым, приняли с российской стороны А. Севастьянов, П. Тулаев, Станислав Терехов и самозванный архиепископ Русской православной катакомбной церкви о. Амвросий⁴⁸. Из зарубежных гостей выделялись бывший Великий дракон Ку-клукс-клана Дэвид Дюк⁴⁹ и известный ревизионист

⁴⁶ О расовых войнах рассуждали и германские нацисты, представляя большевизм в «азиатском» или «татарском» облике. Это и легитимировало их мечты о завоевании «жизненного пространства» на Востоке. См.: Essner C. Im "Irrgarten der Rassenlogik". S. 86—88.

⁴⁷ Степанищев Сергей, Чарный Семен. Национализм, ксенофобия, антисемитизм в Государственной Думе РФ (Обзорный доклад Московского бюро по правам человека) // Религия и СМИ. 2005. 9 февраля (<http://www.religare.ru/document14408.htm>)

⁴⁸ О его организации см. статью А. Шеховцова в этом сборнике. — Примеч. ред.

⁴⁹ О нем см.: Шнирельман В. А. Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). М.: Academia, 2005. С. 307—346.

Холокоста швейцарец Юрген Граф⁵⁰. Свою первую конференцию в Москве расисты сумели провести 8—10 июня 2006 г., причем помещение ей предоставил Международный фонд славянской письменности и культуры, очевидно, посчитавший антихристианскую риторику российских «расологов» совместимой со своей приверженностью православию. Мероприятие проходило под девизом «Белые люди всего мира, объединяйтесь!», а во избежание непредвиденных эксцессов «чистоту крови» у участников было доверено проверять «известному расологу» В. Авдееву.

Наконец, 20—21 июля 2007 г. в Москве в Доме Союза писателей прошла очередная Международная конференция борцов за «белую расу»⁵¹. На этот раз, помимо российских, в ней участвовали делегаты из Бельгии, Германии, Франции, США, Испании, Греции, Болгарии, Украины и Финляндии. И, разумеется, одной из знаковых фигур там снова, как и прежде, стал Дэвид Дюк, осевший в Киеве, где, изгнанный из США, он числится профессором известной своим антисемитизмом Межрегиональной академии управления персоналом. Конференцию вел неоязычник П. Тулаев, настаивавший на объединении европейских народов «на родовой, расовой основе» для «защиты нашей расы от вымирания». Почетным докладчиком был один из нынешних идеологов французских «новых правых» Гийом Фай, к вящей радости русских участников причисливший русских к «арийцам». Кульминационным моментом конференции стала эмоциональная речь Д. Дюка, назвавшего евреев главным злом современного мира и объявившего «разрешение еврейского вопроса наиважнейшей задачей». Мало того, Дюк убеждал русских делегатов в том, что именно это должно стать их главной целью. Не обошлось и без В. Авдеева, который наконец-то высказал свои потаенные мысли, тщательно вуалировавшиеся наукообразным кружевом «Расологии». Теперь он открыто заявил: «Никакого Запада нет и никогда не было. Запад — это оживленный Север!» Очевидно, теперь именно на этом фундаменте он будет строить свою «русскую науку».

⁵⁰ О нем см.: Альтман Мария. Отрицание Холокоста: история и современные тенденции. М.: Фонд «Холокост», 2001. С. 61—63. Как пишет Альтман, в книге Графа «сведения специалистов, вырванные из контекста, либо неправильно интерпретируются, либо необоснованно (используя абсурдные доводы) отрицаются». Похоже, и «расологи», и «ревизионисты» работают одними методами.

⁵¹ Белые всех стран, соединяйтесь! В Москве прошла конференция Белого движения с участием Дэвида Дюка // Живой журнал Дмитрия Зубова. 2007. 23 июля (<http://d-zubov.livejournal.com/2740.html>). Благодарю российских правозащитников за эту информацию.

Сегодня дело уже не ограничивается одними псевдонаучными публикациями и тусовками маргиналов; новоявленные «расовые теоретики» мечтают о продвижении своих идей в массы. Весной 2007 года издательство «Книжный мир» приступило к изданию серии «Высшие курсы этнополитики», в которой запланирован выпуск брошюр, предназначенных для учебных целей. Авторами этих брошюр являются уже известный нам Авдеев, а также журналист Александр Севастьянов, именующий себя то «идеологом русского национализма», то «известным социологом и политологом», но более известный как сопредседатель Национально-державной партии России (НДПР). Открывает упомянутую серию, предназначенную для разрабатывающегося Севастьяновым учебного курса, брошюра «Раса и этнос». В ней читатель найдет краткое популярное изложение расовой концепции Авдеева, рассмотренной выше.

Похоже, что Авдеев уже забыл свои недавние рассуждения об исключительной важности «расовых предрассудков». Гордясь своим свободомыслием, авторы брошюры заявляют, что они «против любых предрассудков вообще». Но «наихудшими» им кажутся «антирасовые предрассудки», которые «антинаучны и базируются лишь на невежестве и злом умысле отдельных лиц». Так, в разряд «отдельных лиц» и «злоумышленников» попадают все современные специалисты, вовсе не горящие желанием пополнить ряды носителей «расового сознания». А «диванные расологи», не имеющие никакого понятия о том, как проводятся научные исследования и, похоже, даже не открывавшие ни одного современного учебника по археологии, истории первобытного общества или древней истории, уже мыслят себя властителями дум и готовятся передать свой «богатый опыт» подрастающему поколению.

А. Севастьянов уже нашел для себя подходящую образовательную площадку и пытается просвещать скинхедов по части «расовых отношений» и «расовой истории». Он стремится пробудить в них «расовое сознание», то есть сознание своей принадлежности к «высшей расе», якобы противостоящей генетически иным и потому «ущербным» обитателям Африки и Азии⁵². Заряжаясь «расовым сознанием», его воспитанники не намерены сидеть, сложа руки. Они активно действуют, и число жертв новоявленных «арийцев» с каждым годом все возрастает⁵³.

Антон Шеховцов

Религиозно-националистический радикализм и политический процесс

На примере Русского православного национал-социалистического движения

Говоря об угрозах со стороны ультранационалистических организаций, представляющих непосредственную или косвенную опасность для гражданского общества как в России, так и за ее пределами, необходимо иметь ясное представление о сущности той или иной разновидности правого радикализма и возможных стратегиях участия ультранационалистических организаций в политическом процессе. От того, насколько адекватным и корректным будет понимание данной проблемы, зависит реализация демократических принципов, заложенных в основу самого гражданского общества, так как оно, сталкиваясь с проявлениями национальной и/или религиозной нетерпимости, становится объектом сразу двух угроз: внешней и внутренней. Внешнюю угрозу представляют сами праворадикальные организации, а внутреннюю — некорректность решения проблем, связанных с подобными организациями, когда государство начинает в чрезмерных масштабах реализовывать свое неотъемлемое право на насильственное подавление деятельности тех или иных праворадикальных образований, но делает это не всегда эффективно, тем самым покушаясь на сами принципы существования гражданского общества — свободу слова, собраний, передвижения и др. Ни одна из этих угроз не должна заслонять другую, необходимо сбалансированное понимание последствий того или иного политического шага. Тем не менее, учитывая узкие эвристические рамки данного исследования, в нашей статье мы не стремимся к обсуждению каких-либо конкретных мер в отношении той или иной ультранационалистической организации.

Данная статья была впервые представлена на Пятой общей конференции «Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах постсоветской Евразии», проводившейся Евразийской сетью политических исследований при поддержке Института философии РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук 2–3 февраля 2007 г. в Москве.

⁵² Степенин Максим. Расследование // The New Times/Новое время. 2007. 2 апреля.

⁵³ Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007. С. 93–96.

Предметом статьи является Русское православное национал-социалистическое движение (РПНСД), которое является наиболее типичным представителем одного из видов правого радикализма, а именно религиозного ультранационализма. В первой части статьи рассматриваются история создания движения, его идеология и организационная природа, что необходимо для понимания тех факторов, которые оказывают непосредственное (и, как доказывается, негативное) влияние на способности РПНСД к интеграции в политическую систему Российской Федерации. Во второй части подробно анализируются те стратегии, которые движение способно реализовать, стремясь к участию в реальных политических процессах.

В исторической перспективе можно выделить два источника возникновения РПНСД.

Первый – это сформированная в середине 1990-х годов лжекатакомбная секта¹ истинно-православных христиан (ИПХ) под управлением Алексея Борисовича Сиверса² (1966 г.р.). Настоящая биография руководителя секты неизвестна, что вполне соответствует практике мифологизации собственной биографии харизматическими лидерами. Однако не вызывает сомнений, что в конце 1980-х годов Сиверс работал в Троице-Сергиевой лавре, где проводил сбор материала, компрометирующего Русскую православную церковь – Московский патриархат (РПЦ МП), затем с начала 1990-х годов пытался установить связи с представителями Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), а после неудачных попыток получить архиерейскую хиротонию от архиепископа Берлинского Марка Арндта юрисдикции РПЦЗ присвоил себе в 1994 году сан «Епископа Готфского Катакомбной Церкви ИПХ (старого и нового обрядов)»³. В дальнейшем Сиверс пытался легитимировать свой статус «епископа» через лидеров старообрядческих общин различных ветвей, но потерпел фиаско. Тем не менее, ему удалось привлечь на свою сторону небольшое количество сторонников и создать – уже в

¹ Несмотря на то что сами представители секты называют себя «церковью», термин «секта» используется в статье исключительно в соответствии с типологией религиозных организаций, описанной И.Н. Яблоковым и В.И. Гараджой, о чем речь пойдет ниже.

² В российской прессе его часто именуют также «Смирнов», однако в 1990 году А.Б. Смирнов сменил фамилию на «Сиверс», поэтому полагаем правильным указывать именно последний вариант. Сам Сиверс также называет себя Амвросием Сиверсом.

³ Именно необоснованное с канонической точки зрения присвоение титула характеризует лжекатакомбную сущность религиозной организации Сиверса.

сане «архиепископа» – собственную общину, члены которой проживают в Москве, Санкт-Петербурге, а также в Пермской области, Чувашии и некоторых других областях и республиках РФ. В 2003 году Сиверс признал неканоничность присвоения себе сана, однако в 2005 году продолжил свою «церковную» деятельность в качестве «архиепископа». Не все общины положительно восприняли это возвращение Сиверса и вышли из-под его влияния. В настоящее время лжекатакомбная секта Сиверса, якобы являющаяся преемницей андреевской ветви ИПХ⁴, но не признаваемая подавляющим большинством религиозных организаций РФ, существует в условиях жесткой оппозиции не только к РПЦ МП и РПЦЗ, но также ко многим старообрядческим, катакомбным и даже лжекатакомбным общинам.

Второй источник создания РПНСД – раскол Русского национального единства (РНЕ) осенью 2000 года, когда пермское отделение организации во главе с бывшим членом Центрального Совета РНЕ, отставным армейским подполковником Владимиром Валерьевичем Носковым (1956 г.р.) поддержало созданную Олегом Кассиным – одним из инициаторов раскола – националистическую организацию «Русское возрождение»⁵. Затем В.В. Носков, начавший к тому времени издавать газету «Мировоззрение», объявил свою пермскую организацию региональным представительством «Опричного братства во имя святого преподобного Иосифа Волоцкого»⁶. Однако вскоре газета стала главным печатным органом РПНСД – новой организации Носкова, созданной 26 ноября 2001 г. в качестве Свято-Михаило-Архангельской общины ИПХ (старого и нового обрядов). Необходимо отметить, что даже до раскола РНЕ у его пермского отделения складывались сложные отношения с РПЦ МП, особенно с либерально настроенным архиепископом Пермским Афанасием, поэтому соратники Носкова сначала перешли под омофор

⁴ Основанная в 1926 году уфимским архиепископом Андреем (Ухтомским) андреевская ветвь ИПХ была одной из крупнейших групп Истинно-православной церкви (ИПЦ). Андреевцы были инициаторами двух первых (1948 и 1961) соборов катакомбной церкви, однако с середины 1980-х годов андреевская ветвь (равно как и ИПЦ в целом) практически лишилась своих иерархов в силу естественных причин, в результате чего в 1990-х годах многие андреевцы приняли главенство иерархов РПЦЗ.

⁵ Лихачев Вячеслав, Прибыловский Владимир. Русское Национальное Единство. История и идеология, 1990–2000. Т. 1. Stuttgart: Ibidem. 2005. С. 204.

⁶ Там же. С. 128. «Опричное братство» – религиозно-расистская организация, созданная Анатолием Макеевым в 1992 году. По словам Макеева, в «Опричное братство» входят как миряне, так и клир РПЦЗ, ИПЦ и РПЦ МП. Основной печатный орган – газета «Царский опричник». См.: <http://oprichnoebratstvo.narod.ru>.

РПЦЗ, а затем вошли в состав пермской старообрядческой общины⁷. Переход в «Катакомбную Церковь ИПХ» Сиверса и создание Свято-Михаило-Архангельской общины в Перми стали результатом недовольства Носкова и его радикально настроенных союзников аполитичностью других религиозных организаций.

С точки зрения идеологии РПНСД является преемником РНЕ и «Опричного братства», однако, по мнению исследователей, РПНСД является более радикальной организацией, чем ее предшественники⁸. Действительно, опубликованные в «Мировоззрении» «Основы идеологии и деятельности», а также «Основные положения Программы РПНСД», серьезно отличаются от других российских праворадикальных идеологий. По мнению активистов РПНСД, целью движения является создание православно-теократического государства, политический строй которого определяется как национал-социализм⁹. При этом православие понимается как «религиозно-расовая доктрина», а человечество разделяется на два типа — люди (истинные христиане, которыми могут быть только белые народы — потомки Сима и Иафета) и нелюди (небелые народы, потомки Хама)¹⁰. Члены движения считают себя «Новым Израилем», подлинными евреями (в отличие от народа, который общепринято называется еврейским), рассматривают Святое Писание как описание истории Богоизбранного народа, то есть истинных христиан. В случае прихода к власти лидеры РПНСД планируют установить режим апартеида, учредить единый государственный банк в условиях плановой экономики, ввести наказания за «религиозно-расовые преступления», создать «*Православную армию с всеобщей воинской обязанностью*»¹¹.

⁷ Там же. С. 202; Гладышев Владимир. Образ чужака витает над Пермью // Личное дело. 2003. № 3.

⁸ Например, Надежда Горбачева считает, что «несмотря на определенную долю преемственности, РПНСД имеет существенные отличия, которые иллюстрируют больший радикализм этой партии, что и стало одной из причин выделения ее из РНЕ» (см.: Горбачева Н.Г. Эволюция крайне правых партий (на примере РНЕ и РПНСД) // XII Международная конференция студентов и аспирантов «Ломоносов-2005». Тезисы. 2005, <http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/Stud/LMNS2005/gorbacheva.pdf>), а Сергей Степанищев и Семен Чарный указывают на то, что «РПНСД официально исповедует самые жесткие взгляды» по отношению к представителям других рас, см.: Степанищев Сергей, Чарный Семен. О проявлениях неонацизма в стране, победившей фашизм // Курс «Противодействие ксенофобии и этнической дискриминации». Ч. 1. М.: Московская Хельсинкская группа. 2005. С. 217.

⁹ Основы идеологии и деятельности РПНСД // Мировоззрение. 2003. № 2.

¹⁰ Сиверс А. Священное Писание и жида // Мировоззрение. 2005. № 17.

¹¹ Основные положения Программы РПНСД // Мировоззрение. 2003. № 2.

В определенной степени идеологические положения РПНСД отражают мировоззрение Сиверса, который благословил основателей движения на создание общины Архангела Михаила¹². Сопоставление материалов «Мировоззрения» и текстов, представленных на интернет-сайте «Катакомбной Церкви», указывает на то, что идеи Сиверса являются не только первичными по отношению к идеологии РПНСД, но и доминируют в ней¹³. Например, идеализация РПНСД нацистской Германии¹⁴, на которую указывает Н.Г. Горбачева¹⁵, является продолжением идейной линии Сиверса, которую он проводил в 1994–1997 годах в рамках «Освященных Соборов Катакомбной Церкви». Адольф Гитлер представляется Сиверсу и его сторонникам «Христоробивым Вождем», посланным Богом для спасения арийской (то есть подлинно еврейской) расы в целом и русского народа в частности. В такой перспективе, которая, помимо прочего, подразумевает отождествление истинного православия с «позитивным христианством», о приверженности которому говорилось в 24 пункте программы Национал-социалистической рабочей партии Германии¹⁶, нападение фашистской Германии на СССР в 1941 году рассматривается не как акт внешнеполитической агрессии, но как поход «Богоизбранного Вождя» против богоборческих сил в

¹² Беседа с основателем Русского Православного Национал-Социалистического Движения (РПНСД) в редакции газеты «Мировоззрение» // Мировоззрение. 2006. № 6.

¹³ См.: Сиверс А. Православный догмат о священной власти // Русская Катакомбная Церковь Истинных Православных Христиан. 1997 (<http://katakomb.ru/cms/index.php?set=content&mc=2>); Сиверс А. Царь или вождь? // Русская Катакомбная Церковь Истинных Православных Христиан. 1999 (<http://katakomb.ru/cms/index.php?set=content&mc=4>).

¹⁴ «*Фюрер возродил подлинную библейско-расовую доктрину и заключил Завет с Господом от имени всей Арийской Расы. Адольф Гитлер есть новый Моисей, призванный спасти остатки Дома Израилева и учредить теократию на Земле*» (см.: Киприн Яр. Вождь Адольф Гитлер: пророк-освободитель // Мировоззрение. 2002. № 12).

¹⁵ Горбачева Н.Г. Международные отношения в мировоззрении крайне правых партий Прикамья (на примере Русского Православного Национал-социалистического движения) // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора К.Б. Виноградова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

¹⁶ Из п. 24 программы НСДАП от 25 февраля 1920 г.: «*Партия как таковая стоит на позициях позитивного христианства, не связывая себя с какой-либо определенной религиозной конфессией*» (http://svonz.lenin.ru/szcf/Das_Partieprogramm_der_NSDAP_vom_25_Februar_1920_rus.pdf). Об амбивалентности понятия «позитивное христианство» см. главу «Positive Christianity: The Doctrine of the Time of Struggle» в: Steigmann-Gall Richard. The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2003. P. 13–50.

лице советской власти и РПЦ с целью восстановления истинного православия.

Однако необходимо отметить еще один важный идеологический компонент РПНСД, который игнорируется в других исследованиях. На формирование как религиозного, так и политического мировоззрения РПНСД и «Катакомбной Церкви» Сиверса оказало огромное влияние протестантское учение англоизраилизма, особенно в его американской, политизированной версии — в доктрине «идентичных христиан», которая лежит в основе таких религиозно-политических расистских организаций, как «Арийские нации», «Порядок», «Поссе комитатус» и др. Мы не ставим целью проведение глубокого сравнительного анализа РПНСД и американских «идентичных христиан». Отметим лишь, что три идейные концепции, выделенные крупнейшим исследователем «идентичных христиан» Майклом Баркуном, в полной мере относятся также к РПНСД: 1) «идентичные христиане» считают себя потомками библейских колен Израиля и, таким образом, выполняют волю Божию на Земле; 2) евреи не имеют ничего общего с израильтянами, но являются отпрысками дьявола; и 3) мир находится в преддверии апокалиптической битвы между Добром и Злом, в которой арийцам придется ради спасения мира сразиться с еврейским заговором и его сторонниками¹⁷. Таким образом, идеология РПНСД, хотя и имеет преемственные связи с другими российскими праворадикальными организациями (в первую очередь с РНЕ и «Опричным братством»), представляется в большей мере заимствованной у американских расистов. Подтверждением этой гипотезы, целостное обоснование которой требует отдельного исследования, могут служить публикации и материалы «Мировоззрения», в которых содержится не только переписка представителей РПНСД с «Арийскими нациями», но и переводы программных текстов американских «идентичных христиан»¹⁸.

Организационно РПНСД представляет собой одновременно политическую «группускулу» и религиозную секту. Согласно Роджеру Гриффину «группускулой» является малая изолированная ультранационалистическая группировка, которая управляется малочисленной элитой, имеет

¹⁷ Barkun Michael. Religion and the Racist Right: The Origins of the Christian Identity Movement. Chapel Hill and L.: The University of North Carolina Press. 1997. P. x—xi.

¹⁸ «Единственной организационной структурой, которая сможет вести Вас путём Истины, является Готфская Архиепархия Катакомбной Церкви» // Мировоззрение. 2003. № 7; Ответ от Арийских Наций // Мировоззрение. 2004. № 2; Борцы за идентичное христианство // Мировоззрение. 2004. № 16; Христианская идентичность // Мировоззрение. 2006. № 8; White Power // Мировоззрение. 2007. № 2.

крайне ограниченное активное членство и пользуется минимальным общественным признанием, но при этом эффективно ведет пропаганду, направленную на узкие целевые группы, через интернет, листовки и подпольные газеты¹⁹. Действительно, РПНСД, как и многие другие российские праворадикальные организации²⁰, малочисленна, масштаб деятельности ее, намеренно завышаемый в пропагандистских целях, не может сравниться с масштабом работы любой полноценной партии, однако именно «группускулярная» природа данного движения позволяет ему на определенном этапе сохранять собственный идеологический фундамент и оставаться конкурентоспособным игроком на ультранационалистическом «рынке кустарных промыслов».

В отношении организационной сущности РПНСД близким к определению «группускулы» — но уже не в политическом, а религиозном значении — является понятие «секта». В терминах В.И. Гараджи Свято-Михаило-Архангельская община ИПХ, тождественная по своему составу РПНСД, является религиозной сектой, так как она противопоставляет себя миру, не приемлет его культуру и не стремится к универсальности, желая быть общиной «избранных», в которую «принимают в зависимости от соответствия определенным критериям, необходимым для вступления»²¹. Община возникла как течение, оппозиционное по отношению к РПЦ МП, для нее характерна претензия на исключительность своей роли и идейных принципов, а также тенденция к изоляционизму; лидерство в общине является харизматическим²², что, по мнению И.Н. Яблокова, также является отличительными чертами секты²³.

¹⁹ См.: Griffin Roger. Net Gains and GUD Reactions: Patterns of Prejudice in a Neo-Fascist Groupuscule // Patterns of Prejudice. 1999. N 33. Vol. 2. P. 31—50; Ibidem. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice. 2003. N 37. Vol. 1. P. 27—50 (на русском языке эту статью Гриффина см. в данном сборнике).

²⁰ Умланд Андреас. «Негражданское общество» в России. Некоторые концептуальные рассуждения на тему социального контекста и политического потенциала трансформации постсоветских праворадикальных сил // Цена ненависти: Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «Сова». 2005.

²¹ Гараджа В.И. Социология религии. Москва: Наука, 1995. С. 117—118.

²² Признание Сиверса в неканоничности присвоения сана поставило точку в вопросе об апостольской преемственности его «Церкви», и, следовательно, лидерство в ней в качестве «епископа», а затем и «архиепископа» должно считаться исключительно харизматическим. Данный тезис также справедлив в отношении В.В. Носкова, который сначала был «рукоположен» в сан «священника», а затем — «преосвященного Ноя епископа Пермского».

²³ Яблоков И.Н. Основы теоретического религиоведения. М.: Космополис, 1994. С. 205.

Многоуровневая идеология, основывающаяся на двойном иррациональном кодировании объективной реальности, то есть на одновременной этнизации и сакрализации мира, а также политическое сектантство, обусловленное организационными особенностями РПНСД, являются ограничивающими факторами в процессе легального влияния движения на политическую систему страны. В современной России правый радикализм вынужден существовать в «агрессивной» либерально-демократической среде, и подчеркнутый расизм и крайняя религиозная нетерпимость РПНСД не позволяют движению сформировать массовую общественную структуру, необходимую не только для реализации поставленных идеологами движения задач, но даже для создания фундамента такой реализации. Однако эти ограничивающие факторы, в свою очередь, определяют курс движения на участие в нелегальных или полунелегальных политических процессах, и только масштаб этого участия определяет возможное влияние движения на политическую систему.

М. Баркун в своей работе выделял шесть форм политической деятельности «идентичных христиан»²⁴. Учитывая различия в политической системе РФ и США, мы сосредоточим внимание на четырех из них:

- 1) поддержка политических деятелей, чьи позиции считаются совместимыми с мировоззрением «идентичных христиан»;
- 2) организация самодостаточных «сюрвайвалистских»²⁵ коммун, поддерживающих минимальные контакты с остальным обществом;
- 3) планирование и организация попыток свержения федерального правительства посредством терактов и партизанской войны;
- 4) стремление к территориальному сепаратизму.

Учитывая «группускулярную» природу РПНСД, при анализе ее стратегий мы должны принять во внимания три функции «группускул», выделенные Р. Грифффином: 1) прибежище маргинальных и асоциальных элементов общества, 2) воспитание новых кадров для более крупных политических организаций, 3) участие в децентрализованной международной ультранационалистической сети в рамках так называемого безлидерного сопротивления²⁶.

Если исключить вариант самороспуска РПНСД, мы, основываясь на методологических разработках М. Баркуна и Р. Грифффина, выделяем три

²⁴ Barkun M. Religion and the Racist Right. P. 200.

²⁵ Английское слово survivalism не имеет полноценного аналога в русском языке. «Сюрвайвалистами» называют людей, которые стремятся обеспечить себя всем необходимым для выживания в дикой местности перед лицом угрозы катастрофических происшествий (Collins English Dictionary, 1995).

²⁶ Griffin R. Net Gains and GUD Reactions. P. 43–44.

основные возможные стратегии участия РПНСД в политическом процессе: создание одной или нескольких автономных общин на территории РФ; участие в более крупных националистических движениях и блоках; террористическая деятельность.

1. Пропагандистский аппарат РПНСД напрямую настаивает на создании автономных общин сторонников РПНСД. В одном из интервью, опубликованных в газете «Мировоззрение», основатель движения (его имя не называется, но, по всей видимости, это сам Носков) утверждает, что одной из основных задач движения, «с решением которой приближается созидание христианского государства, является создание христианских общин, в которых будет выстраиваться жизнь согласно Божьим законам даже на ограниченных территориях в окружении безбожных сил»²⁷. Кроме того, в интервью указывается, что «всероссийская организация РПНСД ... состоит из региональных общин», которые являются «самодостаточными образованиями» и управляются лидерами, обладающими «всей полнотой духовной и светской... власти»²⁸.

Несмотря на то что о создании общин в интервью говорится как о свершившемся факте, необходимо учитывать пропагандистский характер издания и, в частности, самой публикации. Тем не менее, у членов Русской Катакомбной церкви, образовавшейся в 1920-х годах после выхода из-под юрисдикции Московского патриархата вследствие радикального неприятия сотрудничества с советскими властями, действительно имеется большой опыт изолированного, самодостаточного проживания. Кроме того, в XX веке некоторые катакомбные общины объединились с общинами старообрядческими, у которых подобный опыт еще больше. Учитывая претензии лидеров РПНСД на подлинность своей «Катакомбной церкви», автономные общины являются для РПНСД естественной формой организации. Кроме того, сектантский характер РПНСД также является фактором, обуславливающим стремление к созданию изолированных сообществ, в которых, по мнению Грифффина, находят убежище асоциальные элементы.

Необходимо также отметить важный момент, который, возможно, более убедительно, чем другие, объясняет настойчивость руководства РПНСД в вопросе автономных общин. В 2003 году в одном из номеров «Мировоззрения» была опубликована статья «Белая борьба» (вероятно, переводная), посвященная практикам, принятым на вооружение

²⁷ Беседа с основателем Русского Православного Национал-Социалистического Движения (РПНСД) в редакции газеты «Мировоззрение» // Мировоззрение. 2006. № 6.

²⁸ Там же.

«Арийскими нациями». В статье, в частности, рассказывается об одном из членов организации Льюисе Биме, который предложил использовать стратегию «сетей призрачных ячеек», или «подразделений с автономным самоуправлением», чтобы перевести деятельность организации в поле «безлидерного сопротивления» и избежать ошибок другой «идентично-христианской» организации «Порядок» (разгромленной в результате действий полиции, эффективности которых способствовала чрезмерная централизация)²⁹. «Арийские нации» и другие американские «идентичные христиане» действительно практикуют автономное проживание или сюрвайализм, создавая собственные фермерские хозяйства, дающие возможность абсолютной изоляции и самодостаточности.

Таким образом, идея РПНСД о создании автономных общин имеет два источника происхождения: объективный, так как автономное проживание присуще членам катакомбных и лжекатакомбных групп, и субъективный, заимствованный у американских единомышленников.

Как уже упоминалось, подобные общины нужны РПНСД в качестве инструмента подготовки к созданию христианского государства, «государства в государстве. Государства — состоящего из православных общин, объединенных истинно-православной верой и идеологией национал-социализма»³⁰. Создание христианского государства на территории РФ, несмотря на иллюзорность данной идеи, вне всяких сомнений, возможно лишь при реализации сепаратистских тенденций. Поэтому идеологи РПНСД подчеркивают, что создание автономных общин может быть особенно актуальным в связи с «неизбежным разделением России», предсказываемым автором статьи «Мы — Они»: «Для готовности действовать в новой ситуации всем региональным подразделениям РПНСД необходимо: ... 3. создание христианских сообществ, в которых должно проходить духовное и физическое становление христиан; жизнь должна быть организована по Божьим законам, с молитвой, естественным трудом, самодисциплиной и дисциплиной; ... 7. организовать максимально возможное автономное существование, в основном в сельской местности»³¹. Следовательно, в случае дестабилизации общественно-политической ситуации в РФ общины РПНСД и/или могут выступать одним из акторов регионального сепаратистского движения.

2. Несмотря на то что автор одной из статей «Мировоззрения» считает, что «ИПЦ не нуждается ни в каких партиях и движениях», но является «самодостаточной структурой, во главе которой невидимо для безбожников

²⁹ Белая борьба // Мировоззрение. 2003. № 13.

³⁰ Православное Государство // Мировоззрение. 2004. № 1.

³¹ Мы — Они // Мировоззрение. 2005. № 10.

*стоит Сам Вождь — Воин Иисус Христос»*³², шестой пункт «Основ идеологии и деятельности РПНСД» гласит, что движение «*может сотрудничать с другими политическими и религиозными организациями для достижения своих (выделено в оригинале. — А.Ш.) целей*»³³.

Кажущаяся противоречивость этих цитат в действительности отражает серьезную дилемму, на которую указывал Александр Дезе в работе, посвященной месту правоэкстремистских партий в демократических политических системах. Дезе отмечал, что правоэкстремистские организации, стремящиеся к увеличению влияния на политическую систему посредством объединения с другими движениями или партиями, сталкиваются с проблемой выбора между верностью идеологии и компромиссом с участниками альянса, которые также имеют собственный идеологический фундамент³⁴. От способности и готовности РПНСД блокироваться с другими организациями зависит возможность выхода движения на уровень полноценного влияния на политическую систему РФ.

Лидеры движения осознают эту необходимость. Еще в 1999 году, то есть до создания РПНСД, Сиверс в одном из интервью выражал политические симпатии к Русской национальной партии под руководством Александра Федорова, бывшего члена руководства РНЕ, подчеркивая, что в этой партии «*принимаются наши (то есть «Катакомбной Церкви»; в оригинале курсив. — А.Ш.) воззрения в политической плоскости*»³⁵. Осенью 2005 года в Перми во время митинга праворадикальных организаций было объявлено о создании националистического объединения под названием Авангард патриотической молодежи, вступить в которое выразили желание члены Либерально-демократической партии России (ЛДПР), Национально-державной партии России (НДПР), Национально-народной партии (ННП), РПНСД, РНЕ и ряда других праворадикальных организаций³⁶. Сохранение связей РПНСД с бывшими активистами РНЕ демонстрирует также факт

³² Церковь или партия? // Мировоззрение. 2004. № 16.

³³ Основы идеологии и деятельности РПНСД // Мировоззрение. 2003. № 2.

³⁴ Dézé Alexandre. Between Adaptation, Differentiation and Distinction: Extreme Right-wing Parties within Democratic Political Systems // Western Democracies and the New Extreme Right Challenge. L. and N.Y.: Routledge. 2004. P. 20.

³⁵ Ответы архиепископа Готфского Амвросия на вопросы Свято-Дмитровской катакомбной общины ИПХ // Русская Катакомбная Церковь Истинных Православных Христиан (http://gothia.katakomb.ru/ru/Amvros_otvet.html).

³⁶ Габидулина Юлия. Положение национальных меньшинств // Права человека в Российской Федерации: доклад о событиях 2005 г. М.: Московская Хельсинкская группа. 2006. С. 89.

(в некотором смысле парадоксальный)³⁷ назначения Сиверса духовником созданной летом 2006 года Партии защиты российской конституции «Русь» (ПЗРК «Русь»), в руководство которой вошли бывшие лидеры РНЕ Александр Рашицкий и Юрий Васин, а также члены фракции ЛДПР в Государственной Думе Михаил Бурлаков и Владимир Давиденко³⁸ и руководитель московского отделения Евразийского союза молодежи (ЕСМ), теперь уже бывший, Юрий Горский.

Таким образом, мы видим, что РПНСД и его лидеры в соответствии с «Основами идеологии и деятельности РПНСД» стараются сотрудничать с более крупными националистическими организациями и участвовать в их деятельности, отдавая предпочтение тем, в руководство которых входят не только бывшие и действующие лидеры РНЕ, но и члены ЛДПР — легальной российской партии, представленной в Государственной Думе.

3. Еще одной важной задачей РПНСД является осуществление террористической деятельности, направленной против «безбожных властей» и «расовых врагов». Эта идея движения имеет несколько источников. Во-первых, терроризм является неотъемлемым аспектом деятельности некоторых христианских расистских групп в США. Как мы показывали выше, эти группы имеют большое влияние на РПНСД, и «белый террор» куклуксклановцев, «идентичных христиан» и «христианских патриотов» в отношении афроамериканцев, представителей сексуальных меньшинств и сотрудников клиник по производству абортотворных препаратов часто воспеваются на страницах «Мировоззрения» и подается в качестве примера для подражания³⁹. Во-вторых, несмотря на то что ислам был объявлен Сиверсом «страшнейшим врагом для христиан»⁴⁰, РПНСД соглашаются с путем террора, на который встали некоторые исламисты для достижения своих политических и религиозных целей.

Террор рассматривается лидерами движения через призму «подлинной религиозности»: «Если ты христианин, ты также занимаешься политикой в любой форме. Это может звучать странно, но это может быть чем угодно: листовки, террор, подкуп должностных лиц — что

³⁷ Парадоксальность назначения Сиверса духовником партии заключается в том, что большинство ее членов являются прихожанами РПЦ МП, по отношению к которой «Катакомбная Церковь» Сиверса находится в непримиримой оппозиции.

³⁸ Савельев Андрей. Партия «Русь» звала националистов в катакомбы // Стрингер. 2006. 21 августа (<http://www.stringer.ru/Publication.mhtml?Part=37&PubID=6280>); Новая «Русь» — ПЗРК // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 21 августа (<http://www.xeno.sova-center.ru/45A29F2/7D14C31>).

³⁹ См.: Белая борьба // Мировоззрение. 2003. № 13; Терроризм // Мировоззрение. 2004. № 23.

⁴⁰ Наш враг // Мировоззрение. 2003. № 6.

угодно, потому что ты находишься в перманентном конфликте с существующим обществом. ...Древние христиане были вне закона, мыслились, фактически, как “алькайда”, как террористическая организация»⁴¹. Отсылки к исламистской практике террора вместе с акцентированием религиозного смысла насилия звучат и в термине «ортодоксально-православный Русский джихад», который, по мнению автора статьи «От протеста — к Сопrotивлению», является единственной возможностью «спасти Россию»⁴².

Вне всяких сомнений, призывы к осуществлению террористической деятельности являются в первую очередь проявлением вербального экстремизма, необходимого РПНСД для поддержания радикалистского имиджа. Тем не менее, пропаганда террора имеет и свое первоначальное назначение: оказание эмоционального воздействия на членов движения и других читателей, которые в силу своих психологических особенностей действительно способны на проведение терактов. Это особенно актуально в контексте «группускулярной» сущности РПНСД, так как именно через участие — даже временное — в мелких праворадикальных организациях в обществе появляются «одинокие волки», которые, не будучи действующими членами того или иного движения, могут самостоятельно осуществлять нападения по религиозному или национальному признаку⁴³.

Многие аспекты функционирования и возможного поведения РПНСД требуют дальнейшего исследования. Тем не менее, на основе анализа этого движения можно сделать определенные выводы в отношении вероятной стратегии радикальных религиозно-националистических организаций вообще. Многоуровневая идеология и сектантская организационная природа таких движений оказывают негативное влияние на их способность и вероятность участия в политической системе государства. Религиозным ультранационалистам для реализации своих задач и намерений остаются полуправовые и нелегальные способы, среди которых мы выделяем три основные:

- 1) создание автономных общин, которые при определенных обстоятельствах могут участвовать в сепаратистском движении;
- 2) вхождение в более крупные праворадикальные организации и блоки;
- 3) террористическая деятельность.

⁴¹ Интервью владыки Амвросия, архиепископа Готфскаго и всех северных земель // Мировоззрение. 2005. № 2.

⁴² Бычков Руслан. От протеста — к Сопrotивлению // Мировоззрение. 2005. № 3.

⁴³ Griffin R. From Slime Mould to Rhizome. P. 27–50.

Несмотря на то, что прямую угрозу обществу несет только третья перспектива, две первых также нельзя недооценивать, особенно если речь идет о становлении и развитии гражданского общества в молодых демократических государствах. В целом, несмотря на ограниченные возможности для участия в политическом процессе, религиозно-националистический радикализм, взятый на вооружение политическими сектами, является потенциально опасной для общества и государства разновидностью праворадикальных идеологий, так как в нем сочетаются религиозная нетерпимость и иррациональный политический активизм.

Роджер Гриффин

От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой

Не заслуживают упоминания

В традиционных исследованиях, посвященных роли правого экстремизма в современной истории, значение имеет лишь величина организации. В контексте межвоенной Европы это вполне логично. Если бы процент голосов, отданных за Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП) на всеобщих выборах 1932 года, продолжал варьировать вокруг жалких 2,6 % (как это было в 1928 году), а не превысил 34 %, партия никогда бы не смогла стать инструментом для так называемого захвата власти Гитлером, а многочисленные исследователи не посвятили бы свою профессиональную деятельность разгадке тайны внезапного и опустошительного успеха нацистов после стольких лет политических неудач. Однако цунами человеческих трагедий и разрушительных потрясений 1914–1945 годов, нашедшее выражение в «законном» пути Гитлера к установлению диктатуры, по-видимому, настолько глубоко затронуло коллективную западную душу, что для изучения эволюции правого экстремизма после смерти Гитлера до сих пор применяется ущербная понятийная структура. Сменились три поколения, но ученые и средства массовой информации по-прежнему оценивают угрозы демократическому строю со стороны небольших экстремистских формаций с точки зрения их способности получить массовую поддержку и, следовательно, стать значимыми электоральными или революционными силами.

Статья впервые была опубликована в 2000 году: Griffin Roger. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // *Patterns of Prejudice*. 2003. N 37. Vol. 1. P. 27–50. Публикуется с разрешения издателя (Taylor & Francis Ltd, <http://www.informaworld.com>). При подготовке перевода для этого сборника автор внес некоторые изменения и дополнения.

Мы хотели бы поблагодарить Джеффри Бейла, Кевина Кугана, Маркуса Матьюла и Мартина Дерхема за полезные комментарии к черновику данной статьи. Разумеется, мы несем полную ответственность за ее понятийную структуру, основную суть аргументации и за возможные фактические ошибки (если читатели обнаружат их, предлагаем связаться с нами по адресу: rdgriffin@brookes.ac.uk).

В результате мириады крошечных и зачастую эфемерных, совершенно не запоминающихся группок, которые в изобилии представлены в разнообразных исследованиях правого экстремизма в западных послевоенных демократических странах, рассматриваются исключительно как зародышевые фашистские или нацистские партии, которые остановились в своем развитии еще до обретения зрелости¹ и, таким образом, остались на задворках современной истории. Так, профессор Мартин Блинкхорн, один из наиболее авторитетных британских исследователей межвоенного правого авторитаризма и представитель непреклонной академической ортодоксии, описывает спектр послевоенного правого экстремизма, начиная с таких весьма заметных значительных партий, как Movimento Sociale Italiano (Итальянское социальное движение, ИСД, *ит.*), которое временами впечатляет своими вторжениями в легитимное пространство демократической политики, и заканчивая областью, которая «*кипит обилием группускул, которых так много, что и не перечислить, а большинство из них так мало, что и не достойно упоминания*», причем некоторые из них «*одержимы насилием*»². Надеемся, однако, что, несмотря на степень их незаметности в мире традиционной политики и политического анализа, эта статья, а также специальный выпуск журнала *Patterns of Prejudice*, посвященный исследованию конкретных правых группускул³, где сделана попытка разработать общую понятийную структуру для их анализа, внесут свой вклад в малый «парадигмальный сдвиг» в восприятии группускул⁴. Если

¹ См., например, Ó'Maoláin. *The Radical Right: A World Directory*. L.: Longman. 1987; Algazy Joseph. *La Tentation néo-fasciste en France 1944–1965*. P.: Fayard. 1954; Ferraresi Franco. *La destra radicale*. Milan: Feltrinelli. 1984.

² Blinkhorn Martin. *Fascism and the Right in Europe, 1919–1945*. Harlow: Pearson. 2000. P. 112.

³ Специальный выпуск журнала «*Patterns of Prejudice*» (2002. N 3), в котором были опубликованы статьи о Европейском освободительном фронте, «Новом сопротивлении», Национальном альянсе, Национал-большевистской партии и «Арктогее», а также мое краткое вступление в качестве приглашенного редактора. См. также другие номера журнала, в которых публиковались исследования данного феномена: *Patterns of Prejudice*. 2005. N 4; 2003. 1; 2004. 3. Мы рассматривали Groupe Union Defense v: Griffin R. *Net gains and GUD reactions: patterns of prejudice in a neo-fascist groupuscules* // *Patterns of Prejudice*. 1999. N 2. P. 31–50. — Примеч. автора.

⁴ Здесь следует подчеркнуть, что в данной статье никоим образом не утверждается, что группускулярность свойственна исключительно послевоенному правому экстремизму. Напротив, мы надеемся, что приводимая в статье аргументация откроет новые результативные направления в исследовании феномена группускулярности, которая является скрытой или фактической характеристикой всех контркультурных разновидностей антисистемного мышления и активизма в современном мире, особенно в ситуации, когда они не могут сформировать ядро более или менее значимых

такой сдвиг произойдет, то для ученых будет крайне непрофессионально (как для хранителей академического знания) и безответственно (как для

популистских движений (проблема группускулярности в премодерне в данной статье не рассматривается). Современный бунт против позитивизма и упадка создал собственные очаги группускулярности, так же как это сделал социализм в некоторых капиталистических странах. Сейчас мы наблюдаем стремительное развитие средств глобальной коммуникации и рост числа культурной продукции, наметившиеся с конца Второй мировой войны, распространение английского языка в качестве международного средства общения и неумолимое расширение интернета. Данные факторы значительно увеличили потенциал группускул, содействуя развитию того, что в данной статье будет называться «ризоматическими характеристиками». Сами группускулы стали обладать качествами наднационального, метаполитического «сверхорганизма». Например, если мы рассмотрим лишь один аспект данного процесса, то увидим, что взаимная осведомленность и система связей между экстремистскими группами в различных культурах и политических контекстах препятствует сохранению узконационалистической сосредоточенности на идеях упадка и возрождения, а также приспособлению революционных программ к национальным партийно-политическим движениям. С данной точки зрения, ризоматическая группускулярная правая является сугубо послевоенным феноменом. Тем не менее, указанное обстоятельство не противоречит тому факту, что правоэкстремистские группускулы существовали до 1945 года (как указывается ниже, Deutsche Arbeiterpartei, существовавшая до появления Гитлера, является хорошим претендентом на принадлежность к данному явлению, так как в период своего становления она обладала скорее группускулярными, чем партийно-политическими качествами). Однако мы можем предполагать, что они — или же тот коллективный организм, который они образовывали — находились в подчинении массовой полувоенной политической партии и в любом случае не имели полноценных ризоматических свойств. В заключение следует отметить, что с момента окончания Второй мировой войны в левых и других экстремистских движениях (например, исламском политическом экстремизме) также развились как элементы группускулярности, так и — благодаря современным технологиям — «ризоматические» качества. Было бы чрезвычайно интересно узнать от исследователей коммунизма, революционного социализма и политизированных религий, благожелательно относящихся к подходу, демонстрируемому в данной статье, насколько феномен «группускулярной левой» можно рассматривать в качестве эквивалента «группускулярной правой», а также насколько группускулярность является характерной чертой так называемого религиозного фундаментализма. Возможно, этому препятствует наличие традиционной наднациональной централизованной власти и иерархии, свойственное как ортодоксальному марксизму, так и ортодоксальному исламу. Тем не менее, исследования, проведенные на основе концепции «ризоматической группускулярности» в качестве эвристической понятийной структуры, могут, к примеру, пролить свет на взаимоотношения таких групп, как Социалистическая рабочая партия и Прогрессивная рабочая партия, с официальными коммунистическими партиями. Они также могут объяснить ту роль, которую играют их наиболее активные отделения и ячейки в поддержании традиции революционного социализма в демократическую эпоху, в которой гегемония капитализма представляется непреодолимой. И, вне всяких сомнений, они могут дать нам новое понимание могущества сети «Аль-Каиды» и ее неуязвимости перед традиционными контртеррористическими мерами.

«сторожевых псов» демократии) по-прежнему относиться ко всем право-экстремистским формациям с незначительным количеством членов как к абортивным массовым движениям, имеющим ограниченную значимость и представляющим минимальный интерес⁵. Иначе это будет то же самое, как если бы астрономы изучали только такие небесные объекты, как галактики, сверхновые и красные карлики, но игнорировали бы пояса астероидов, субатомные частицы и «темное» вещество, которое, согласно последним исследованиям, составляет большую часть физической Вселенной.

Определение «группускулы»

Со времени смерти Гитлера и Муссолини в политической культуре и общественной сфере, в контексте которых революционной правый пришлось реализовать свои амбиции по низвержению статус-кво и установлению нового порядка, произошли радикальные изменения. Это повлекло за собой необходимость серьезной адаптации идеологии, политического стиля, организации и тактики. Так как процесс приспособления к новым условиям зашел достаточно далеко, возникла эвристическая потребность в выдвигании на политологическую повестку дня нового таксономического рода — «группускулярной правой», — структура и динамика которого отличается от массовых вооруженных партий и тоталитарных режимов, типичных для межвоенного периода. Возможно, полезно предложить дискурсивное определение концепции, являющейся основным объектом исследования данной статьи. К такому определению следует относиться в духе ницшеанских афоризмов, то есть не как к выводам исследования, но как к отправной точке для дальнейшего анализа. Следовательно, при рассмотрении конкретных эмпирических явлений

⁵ Следует подчеркнуть, что в этой статье мы не пытаемся доказать, будто абсолютно все группускулы достойны пристального академического внимания для раскрытия их микроскопических тайн. В своем комментарии к черновику данной статьи Джеффри Бейл писал: «Только те группускулы, которые являются новаторами в идеологической или культурной сфере; члены которых впоследствии приобретают значительное политическое влияние; которые тайно сотрудничают с государственными органами или службами безопасности; которые стремятся и действительно способны на осуществление террористической деятельности, выделяются из множества мелких объединений мечтателей, выдумщиков, неудачников и фантазеров, которые не выдумывают ничего нового и не способны к активным действиям, то есть бесчисленных специалистов по «прямому бездействию». Возможно, все группускулы должны появляться на наших академических радарах, но не все они заслуживают большого внимания с нашей стороны. Некоторые даже по группускулярным меркам являются крайне нерелевантными».

эта дефиниция будет нуждаться в совершенствовании и уточнении буквально с того самого момента, когда она сойдет с клавиш клавиатуры на экран монитора.

В контексте современной правоэкстремистской политики группускулы в сущности представляют собой небольшие политические образования (зачастую находящиеся в русле метаполитики, но никогда не участвующие в партийной политике напрямую), стремящиеся к реализации палингенетических (то есть революционных) идеологических, организационных или активистских задач; их конечной целью является преодоление предполагаемого упадка существующей либерально-демократической системы. Несмотря на то что группускулы являются полностью сформировавшимися и автономными, они обладают незначительным количеством активных членов и имеют в лучшем случае минимальную поддержку и заметность в обществе. Тем не менее, их влияние и значение расширяются благодаря той легкости, с которой они способны объединяться (пусть даже исключительно в мечтах политических экстремистов) с другими группками, идеология и тактика которых в достаточной мере подходит для осуществления совместной деятельности, направленной на установление нового типа общества. В результате группускула обретает образ двуликого Януса, совмещающая организационную автономность и способность к объединению или усилению влияния других схожих формаций⁶. Таким образом, мы видим, что это позволяет группускулам — в ситуации их совокупного влияния на политику и общество — образовывать неиерархическое, бесцентровое (или, скорее, многоцентровое) движение с постоянно изменяющимися компонентами, не имеющее лидера и обладающее подвижными границами. «Группускулярной правой» скорее свойственны характеристики политической и идеологической контркультуры, чем традиционного движения как субъекта партийной политики, что делает ее в условиях относительно политической стабильности идеально приспособленной для сохранения революционно-экстремистских амбиций, провозглашаемых в идеологии и в некоторых случаях реализуемых через политическое насилие, какими бы утопичными ни выглядели конечные цели с прагматической точки зрения.

⁶ Во вступительной статье к специальному выпуску журнала в июле 2002 года (Griffin R. The incredible shrinking ism: the survival of fascism in the post-fascist era // *Patterns of Prejudice*. 2002. N 3. P. 3–8) мы подчеркивали важность концепции «отдельной сущности» Артура Кестлера для объяснения данной амбивалентной характеристики. См.: Koestler Arthur. *The Ghost in the Machine*. L.: Hutchinson. 1967.

Как всякая дефиниция, данный выше обзор группускулы направлен на то, чтобы включать или исключать тот или иной феномен из рамок данной концепции. Очевидно, что термин не может использоваться по отношению к любой политической организации, которая насчитывает несколько сотен членов и имеет минимальные или вообще отсутствующие поддержку и авторитет в обществе. Итальянская организация *Fasci di Combattimento* (Союз борьбы, *ит.*) была практически незаметна до того, как вес приобрели скуадри (*squadrismo*)⁷. Однако имеются документы, подтверждающие, что Муссолини всегда планировал превратить скуадри в основу массовой элитарной силы национального масштаба и делал все, чтобы реализовать свой план: в 1921 году он даже решился даже на преобразование своей «антипартии» в политическую партию. Тем не менее, существует необходимость проведения интересного исследования, призванного установить, не функционировала ли *Deutsche Arbeiterpartei* (Немецкая рабочая партия, НРП, *нем.*) Антона Дрекслера в качестве элемента веймарской группускулярной правой в рамках движения «Фёлькише» до того, как с приходом Гитлера она была в конечном итоге трансформирована в основу массовой военизированной НСДАП.

Наше определение «группускулы» также не относится к «группировкам», действующим в рамках крупного политического движения, например, националистам, синдикалистам и футуристам, боровшимся за усиление влияния на ранний итальянский фашизм, или же «социалистической» фракции, образовавшейся вокруг Грегора Штрассера и среди штурмовиков Эрнста Рема до того, как они были уничтожены в ходе «Ночи длинных ножей»; фракции не обладают автономностью, которая является признаком группускулы⁸. Группускулы также нельзя путать с отдельными ячейками больших разветвленных организаций, например, бригадами скуадри или — приведем примеры из неправоэкстремистской сферы — ячейками Движения Сопротивления во времена нацистской оккупации Европы или исторической Ирландской республиканской армии (ИРА). Несмотря на то что они могут сохранять значительную независимость, такие формации по определению интегрированы в более

⁷ Боевые фашистские отряды. — Примеч. перев.

⁸ Тем не менее бывают случаи, когда группускулы в тактических целях могут начать функционировать в качестве фракции более широкой коалиции правых сил, как это показывает статья Джеффри Бейла о «Новом сопротивлении» (хотя использование термина «фракция» может некоторым образом стереть то различие, которое проводится в нашей статье): Bale Jeffrey M. «National revolutionary» groupuscules and the resurgence of «left-wing» fascism: the case of France's Nouvelle Résistance // *Patterns of Prejudice*. 2002. N 3. P. 24–49.

крупные организационные структуры посредством формальных связей и подобия иерархического командования. Даже полуавтономные ячейки «подлинной ИРА» подчинялись некоему центральному командованию.

Другими политическими субъектами, выходящими за рамки определения, являются непартийные общенациональные движения и их местные отделения, которые действуют в качестве групп давления. К таким движениям в России в 1990-х относились годами казачьи формирования и Движение в поддержку армии. То же самое относится к одному из первых постперестроечных ультранационалистических движений России Национально-патриотическому фронту «Память», так как его местные отделения, стараясь произвести впечатление на население, функционировали в качестве составных элементов более широкого движения и стремились к массовой поддержке. Мы также исключаем исследовательский центр *Groupement de recherche et d'études de la civilisation européenne* (Группа исследования и изучения европейской цивилизации, ГРЕСЕ, *фр.*), так как эта группа слишком тесно связана через совместные проекты и кадры с другими компонентами французской «новой правой», чтобы считаться автономной. А кроме того, общественный статус организации столь высок, что ее можно считать составной частью мейнстримной политической и интеллектуальной культуры Франции⁹.

Смысл концепции будет более понятным, если мы приведем два примера, которые подходят под наше определение. Американское движение «Идентичных христиан» (ИХ), чье идеологическое смешение белого супремасизма и христианского фундаментализма напоминает гибридный вариант фашизма¹⁰, в начале XXI века состояло примерно из 102 групп, действовавших на территории 35 штатов, причем на каждую «церковь» в среднем приходилось по 500 членов. ИХ не имеют центральной власти или «синода», однако обладают широкой сетью связей как между самими группами, так и с другими представителями правого экстремизма, наделяя его «группускулярными» признаками. Другим примером — географически более близким к родине этого журнала¹¹ — является объединение *Blood & Honour*, занимающееся организацией концертов *White Noise* в Великобритании. Созданное в 1988 году Яном Стюартом из *Screwdriver*, это

⁹ Следует указать, что «новая правая» в качестве международной силы, резко критикующей гегемонию либеральных и «западных» ценностей, демонстрирует признаки группускулярности, когда она рассматривается как единое образование, сформированное отдельными национально-ориентированными «новыми правыми».

¹⁰ См.: Griffin R. *Fascism* // *Encyclopedia of Fundamentalism*. Berkshire Reference Works Series. N.Y.: Routledge. 2001.

¹¹ Имеется в виду *Patterns of Prejudice*. — Примеч. перев.

объединение было, по словам одного специалиста, «не новой фашистской партией, а организацией без членства»¹². С тех времен субкультура White Noise стала международным движением, охватывающим широкий спектр крайне правых последователей, работающих в таких стилях, как скинхедский Oi!, панк, хеви-метал и блэк-метал, распалаяющих ритуальную ненависть к расовым и идеологическим врагам (и это вполне соответствует практике глубокого искажения изначальных политических тенденций жанра). Структура Blood & Honour выстроена вокруг многочисленных автономных, но взаимосвязанных ячеек – концертных организаций, выступлений, выпуска и распространения продукции. Это позволило объединению быстро развиться в международную, бесцентровую культурно-политическую формацию, обладающую скорее группускулярным, чем иерархическим устройством. В этом качестве она продолжает играть важную, хотя и не всегда обнаруживаемую роль в деятельности международной правой (особенно в США, Великобритании, Скандинавии и России) посредством привлечения расистов, восприимчивых к идеологическому «переобучению», и благодаря связям с другими группускулами правого толка. Немалое значение здесь также имеет взаимодействие с такими мейнстримными британскими партиями, как Национальный фронт и Британская национальная партия. (Возможно, есть определенный символизм в процессе группускуляризации традиционного партийного фашизма в целом; так, в 1970-х годах название White Noise носила промо-сеть расистской панк-музыки, которую напрямую контролировал британской Национальный фронт.)

Вспомогательные понятия

Мы надеемся, что введение трех дополнительных концепций сделает рамки дефиниции, используемой в данной статье, более понятными.

Первая концепция – это «негражданское общество». Понятие гражданского общества, ставшее общепринятым термином в политологии, относится к общественной сфере, прилегающей к пространству, которое занимает официальная партийная политика, и является ключевым механизмом реализации гуманистических ценностей, а также институализации и усвоения демократических традиций в либеральных обществах. Не так давно некоторые ученые абсолютно обоснованно ввели в

¹² Silver Steve. Blood and Honour 1987–1992 / White Noise. L.: Searchlight. 1998. P. 13. См. также: Moynihan Michael, Söderlind Didrik. Lords of Chaos: The Bloody Rise of the Satanic Metal Underground. Venice, CA: Feral House. 1998.

оборот термин «негражданское общество» – понятие, призванное помочь осмыслить тот сегмент гражданского общества, без которого идеи внепарламентского протеста, антилиберальные идеологии и антисистемная политика не могут принять организационные формы. Существуют две основные статьи, в которых доказывается утверждение, что в настоящее время именно «негражданское общество», а не партийная политика выступает в качестве важнейшего инструмента возникновения и инкубации правоэкстремистских идеологий в современных демократических государствах¹³. Кроме того, данная концепция уже продемонстрировала свою особую ценность в ходе анализа того массового недовольства Веймарским правительством в немецком гражданском обществе, благодаря которому стал возможен приход Гитлера к власти¹⁴. «Негражданское общество» также имеет значительный потенциал для углубления нашего исторического понимания причин возникновения в начале XX века организованного правого политического популизма в таких европейских странах, как Франция, Италия, Германия и Румыния, например, когда оценивается роль движения «фёлькише» в становлении нацизма¹⁵.

Вторая концептуальная тонкость возникает при попытках прояснения крайней двусмысленности, которой обладает термин «движение» (эта двусмысленность свойственна большинству европейских языков)¹⁶. Данный термин может использоваться для определения строго лимитированных, однородных и иерархических идеологических сил, имеющих четко сформулированные цели, которые, возможно, даже постулируются в коллективных манифестах. Примерами таких движений могут служить движения за гражданские права, чартисты и суфражистки. Для удобства данный тип движения мы будем называть «монархическим», так как он обладает единой осью управления. Термин «движение» может также упот-

¹³ Pedahzur Ami, Weinberg Leonard. Modern European democracies and its enemies: the threat of the extreme right // Totalitarian Movements and Political Religions. 2001. N 1. P. 52–72; Umland Andreas. Towards an uncivil society? Contextualizing the decline of post-Soviet Russian extremely right-wing parties // Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2002. N 2–3 (http://svonz.lenin.ru/books/Andreas_Umland-Toward_an_Uncivil_Society.pdf).

¹⁴ Berman Sheri. Civil society and the collapse of the Weimar republic // World Politics. 1997. N 3.

¹⁵ Cp.: Mosse George L. The Nationalization of the Masses. N.Y.: Howard Fertig. 1975.

¹⁶ Французы используют два различных термина: mouvement и mouvance. Последний термин относится к тому, что в данной статье я называю «монархическим» движением. Однако mouvement обычно относится как к поликратическим, так и монархическим движениям, поэтому мы не можем использовать эти французские термины, так как их использование приведет к еще большей путанице.

ребляться по отношению к нечетко лимитированному, неоднородному, плохо скоординированному и, следовательно, «поликратическому» выражению идей и ценностей. Признаками такого движения, охватывающего большинство «измов», знакомых из истории культуры, идей и искусства (Возрождение, декаданс, модернизм и т.д.), равно как и широкий ряд крайне размытых общественных кампаний (вроде феминизма, «нью-эйджа», антиглобализма и обществ по защите прав животных) является минимум координации из центра и ограниченное количество общих целей, в результате чего эти движения порождают бесчисленные внутренние фракции, группировки, конфликты и «диалекты» центральных представлений. Еще больше усложняет проблему то, что движения, для определения которых используются родовые понятия, обычно относятся к неоднородным идеологическим и художественным «поликратическим» движениям (футуризм, межвоенный фашизм), даже несмотря на то что они вполне могут состоять из отдельных «монархических» движений (футуризм Маринетти, Британский союз фашистов). Так, в годы становления НСДАП была монархическим движением, функционировавшим одновременно в рамках движений *Los von Weimar* (Свободные от Веймара, нем.) и «фёлькише», которые были поликратическими, а нацизм, в свою очередь, как сейчас утверждают многие исследователи, сам являлся частью межвоенного поликратического фашистского движения.

Третьей и, вероятно, наиболее важной вспомогательной концепцией, которая может помочь нам пролить свет на эфемерную природу «группускулярной правой», является понятие ризомы. Впервые оно получило интерпретацию в духе постструктуралистского радикализма у Жюль Делеза и Феликса Гваттари. В своих работах авторы попытались с помощью данной концепции углубить наше понимание социальных феноменов, которым — по крайней мере, в форме метафоры — можно приписать характеристики сверхличностных органических жизненных форм, к которым не подходят древовидные или дендритические метафоры вследствие недостаточности иерархичности связей и систематичности взаимоотношений¹⁷. Когда мы применяем концепцию ризомы к группускулярной правой, мы подчеркиваем ее динамическую природу в качестве поликратического движения, указывая на то, что она не функционирует

¹⁷ О «ризоме» см.: Deleuze Gilles, Guattari Felix. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1987. Читатели также могут ознакомиться со статьями в интернете: Hamman Robin B. *Rhizome@Internet // Cybersociology Magazine*. 1996. May 28 (<http://waste.informatik.hu-berlin.de/koubek/netze/handapparat/rhizom/RhizomeInternet.html>) и DeleuzeGuattari (http://web.archive.org/web/20040603203503/http://cs.art.rmit.edu.au/deleuzeguattariary/r.html).

как единый организм, имеющий, подобно дереву, главный корень, ветви, листовой полог или же четко определенные внутренние и наружные части, начало и конец. Напротив, она ведет себя как запутанная корневая система травянистых или корнеплодных растений, демонстрируя «множественные источники и начала, которые переплетаются и соединяются друг с другом»¹⁸, постоянно отрастая новыми побегами, приходящими на смену старым, следуя непредсказуемым и асимметричным законам роста и разложения. Если политическая сеть имеет ризоматическую политическую структуру, то она принимает форму сети, не имеющей лидера, строго определенных границ, формальной иерархии и внутренней организационной структуры, которые могли бы наделить ее единым разумом.

Применяя все три концепции к группускулярной правой, мы можем расширить первоначальную дефиницию и определить исследуемый феномен как движение поликратического и ризоматического характера, чьим естественным ареалом является негражданское общество — в отличие от общества политического или даже гражданского.

Исторические проявления группускулярной правой

Даже такая условная дискурсивная дефиниция позволяет нам точно определить проявления группускулярной правой в современной истории. Естественно, мы можем предположить, как это сделали Джеффри Каплан, Леонард Вайнберг и Тед Олсон в своем исследовании Мировой церкви

¹⁸ Цит. по: <http://web.archive.org/web/20040821160019/http://cs.art.rmit.edu.au/deleuzeguattariary/r/pages/rhizomic.html>. См. также: Wray Stefan. *Rhizomes, nomads, and resistant Internet use // Electronic Civil Disobedience*. 1998. July 7 (<http://www.thing.net/~rdom/eccd/RhizNom.html>). Вдобавок к тому, что Рей разъясняет понятие «ризомы» с редкой изящностью, он показывает, как «временные автономные зоны» Хаким-Бея и Сапатистская армия национального освобождения используют ризоматическую структуру в своей борьбе с целью свержения Системы. Реакция одного из ведущих «третьепозиционистских» идеологов на концепцию ризомы, кажется, подтверждает ее уместность. Особенно он был поражен ссылкой на «множественные начала», когда в своем электронном сообщении от 1 сентября 2002 г. писал нам: «Это стратегия [моей группускулы]: обновляться и преобразовываться. Не для того, чтобы отсрочить стагнацию, но потому что это элемент органической цепи развития. Это напоминает выращивание различных семян от главного растения. Если мы кладем яйца в разные корзины, то, конечно, это увеличивает шансы на развитие и успех. Мы также можем привлечь более разнообразную группу лиц». Следует упомянуть, что некоторые историки, особенно в Германии, весьма критично относятся к использованию биологических метафор, вследствие крайнего злоупотребления ими в нацистских научных кругах, где они служили оправданием геноцида.

Создателя (МЦС)¹⁹, что группускулярная правая имеет сходство с «культурной средой», которая складывалась в определенные моменты истории, в особенности в Иудее, оккупированной римлянами (раскольнический антиримский фронт, который так оскорбительно пародировался в фильме «Монти Пайтон» «Жизнь Брайана»), а также в рамках религиозной контркультуры движения Реформации, вызвавшей к жизни миллениаристские секты, которые изучал Норман Кон в «Погоне за тысячелетним царством»²⁰. Тем не менее, следует указать, что эзотерические свойства МЦС в целом не типичны для группускулярной правой и существуют глубокие различия между относительно однородными религиозными культурами, порождающими «культовые среды», и секуляризированной, фрагментированной и бесцентровой современностью, в которой возник феномен правой группускулы. Кроме того, когда мы подчеркиваем вклад, который внесла в развитие современности «культовая среда», сложившаяся в рамках контркультурного движения 1960-х годов, мы не должны забывать, что первые полноценные группускулы, в которых укоренились революционно-националистические идеи, возникли более чем за десятилетие до появления «Битлз»²¹.

Мы придерживаемся точки зрения, что группускулярная правая — прежде всего продукт «постфашистской» эпохи. Современное понимание идеологической трансформации и усовершенствованная теория родового фашизма являются двумя ключевыми концептуальными инструментами, необходимыми для осмысления очевидной ценности данного подхода. Первый инструмент нам дает теория Майкла Фридена об «идеологической морфологии»²². Эта теория подразумевает, что любое конкретное проявление родовой политической идеологии состоит из блока «неустранимых», а также совокупности случайных (смежных и периферийных) компонентов. Вполне естественно, что организационные и институциональные формы, стиль и специфическое содержание программ и стратегий, избираемых идеологами социализма или либерализма, будут меняться не только из эпохи в эпоху, но и в зависимости от национального контекста. Однако в центре каждой

¹⁹ Kaplan Jeffrey, Weinberg Leonard, Oleson Ted. Dreams and realities in cyberspace: White Aryan Resistance and the World Church of the Creator on the Internet // Patterns of Prejudice. 2003. N 2.

²⁰ Cohn Norman. The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists in the Middle Ages. 4th ed. N.Y. and Oxford: Oxford Univ. Press. 1990.

²¹ Bale Jeffrey M. «National revolutionary» groupuscules; Coogan Kevin. Lost Imperium: the European Liberation Front (1949–54) // Patterns of Prejudice. 2002. N 3. P. 9–23.

²² Freedman Michael. Political concepts and ideological morphology // Journal of Political Philosophy. 1994. N 2.

идеологии лежит простая или сложная концепция, которая не оспаривается скорее по причинам традиционным (номиналистским, культурным), чем эссенциалистским (идеалистическим, реалистическим).

Так, во всех разновидностях социализма мы обязательно обнаружим провозглашаемую приверженность равенству и социальной справедливости, хотя во взглядах на функции, приписываемые таким понятиям, как государственное планирование и государственный контроль капитализма (в некоторых типах социализма эти понятия будут смежным, а в остальных — периферийными), будут наблюдаться глубокие расхождения; то же относится и к подходам к проблеме возобновляемых источников энергии (эта проблема периферийна, но, возможно, когда-нибудь она станет смежной) или к идее школ, в которых ученики являются приверженцами одной и той же религии (эта идея периферийна для социализма). В других идеологиях, например, либеральном консерватизме или экологизме, эти же концепции будут занимать либо центральные, либо периферийные позиции. Руководствуясь данным методом, мы можем распознавать «одинаковые» идеологии вне зависимости от форм, которые они принимают в той или иной стране, и проследить их эволюцию, на которую десятилетиями оказывали влияние сложные исторические и социальноэкономические факторы.

На протяжении многих лет тот хаос, который наблюдался в области исследования фашизма, делал практически невозможным применение аналитического метода Фридена к родовому фашизму — вследствие полного отсутствия консенсуса в отношении «неустранимого» блока понятий, которые его определяют. В последнее десятилетие в среде тех, кто занимается данным вопросом, распространяется признание — эксплицитное (теоретически сформулированное) и имплицитное (прагматическое) — того факта, что перманентное ядро фашизма составляет образ возрождения политической культуры и национального сообщества, осуществленного в постлиберальную эпоху²³. Понимание фашизма как формы ультра национализма, основанной на культурном палингенезе (повторном рождении), дает нам возможность увидеть, что действительные формы, которые принимал фашизм в межвоенную эпоху, были зависимы от специфического и, следовательно, недолговечного исторического контекста.

²³ См.: Griffin R. The primacy of culture. The current growth (or manufacture) of consensus within fascist studies // Journal of Contemporary History. 2002. N 1. Существенным исключением из растущего консенсуса являются марксисты, которые из идеологических соображений считают защиту (сохранение?) капитализма и контрреволюционную (антисоциалистическую?) агрессию «неустранимыми» — а не смежными или периферийными — элементами фашистской идеологии.

Именно системный кризис либерализма, наступивший после Первой мировой войны, в сочетании с русской революцией и «национализацией масс», подъему которой в большой степени способствовала война, создал те уникальные условия, в которых стало возможно появление революционного, популистского варианта национализма, фашизма как нового типа партийно-политической силы. Глобальное и чрезвычайно отчетливое ощущение того, что в естественном развитии современной цивилизации и истории наблюдается глубокий структурный кризис, означало, что межвоенный фашизм сочетал интенсивную идеологическую производительность с мощным стремлением к динамизму и активизму; элитистский кадровый аспект — с популистским «массовым»; социально конформистские, консервативные интересы — с анархическим, революционным порывом; полувоенный характер организации — с электоральным. Все эти элементы слились воедино в рамках иерархического движения, имеющего тенденцию к монархизму. Наиболее удачными примерами такого типа движения были гитлеровская НСДАП и Partito Nazionale Fascista (Национальная фашистская партия, ПНФ, *ит.*) Муссолини — в большей степени благодаря харизматической энергии, которой наделили своих лидеров те, кто был готов на все ради жизни в новой исторической эпохе, избавленной от упадка и хаоса современности.

Из этого анализа следует два ключевых вывода.

Во-первых, несмотря на то, что такие особенности, как вооруженная партия и полувоенная униформа ее членов, наличие харизматического лидера, ультрашовинистическая риторика и зрелищный, «эстетический» политический стиль были не только универсальными для фашизма тех времен, но и отчетливо ассоциировались с его «сущностью». Эти особенности были лишь случайными, сопутствующими свойствами в контексте дискуссии о родовом фашизме. Кроме того, корпоратизм, антисемитизм и евгеника всегда были лишь периферийными вопросами для родового ядра фашизма — вне зависимости от того, насколько центральными они были для конкретных проявлений данной идеологии. Когда специфическая комбинация факторов, определившая течение межвоенной истории, исчезла, фашистская идеология была вынуждена претерпеть радикальное изменение внешней формы.

Во-вторых, партийно-политическая организация фашизма в качестве «тотальной» силы, сочетавшей электоральный тип партии с полувоенным характером движения, была возможна лишь в условиях острого структурного кризиса, одинаково затронувшего как либерально-демократические системы, так и консервативные режимы.

Теперь настало время для еще одной биологической метафоры. Мы вводим ее в качестве эвристического инструмента, необходимого для осмысления сложных исторических процессов, а не для того, чтобы вызвать к жизни некую органическую реальность, лежащую под поверхностью событий. Слизевики (миксомицеты) — это гибридная форма жизни, состоящая из бесчисленного множества одноклеточных организмов, которая бурно развивается в чрезвычайно сырых местах, например, в заброшенных английских дачных домиках. Несмотря на отсутствие центральной нервной системы, она обладает примечательным свойством превращаться в безмозглый слепой сверхорганизм, способный перемещаться подобно моллюску или же слизи, руководствуясь одним лишь сознанием²⁴. Только исключительный характер ситуации в межвоенной Европе позволил самым различным аспектам правого экстремизма слиться в некоторых странах в партийно-политический эквивалент слизевиков — мощное массовое движение, чья пропагандистская машина представляла собой единый целеустремленный организм, обладавший сплоченностью и витальностью. Однако такие классические свойства межвоенного фашизма, как харизматический лидер, наличие молодежного движения или масштабные собрания, которые охотно копировались межвоенными парафашистскими консервативными режимами (например, режимом Франко в Испании), мы, в соответствии с данной «структурной» перспективой, можем отнести не к неустрашимым, а скорее к периферийным компонентам, полностью зависящими от среды, в которой возрождение национального сообщества было главным предметом коллективных устремлений.

На основе вышеизложенного можно предположить, что послевоенная «группускулярная правая» обязана своим существованием главным образом новой комбинации исторических факторов, возникшей вместе с победой либеральной демократии и Советской России над державами Оси и, в частности, видимым успехом капитализма в устранении ощущения неотвратимого крушения Запада, охватившего европеизированный мир в межвоенную эпоху. Чрезвычайно важно, что возвращение либе-

²⁴ Слизевики (миксомицеты) — это группа одно- и многоклеточных организмов, которую традиционно классифицируют как гриб, хотя она имеет признаки и растений, и животных. Миксомицеты размножаются спорами, но их клетки могут передвигаться, подобно амебе, и питаются, захватывая частицы пищи. Некоторые слизевики являются настоящим бедствием для садоводов, образуя студенистую пленку на траве. Цит. по: All sorts of interesting facts about fungi (http://www.nifg.org.uk/facts_a.htm), где также рассказывается об эксперименте, в котором слизевики успешно преодолевали лабиринт в поисках еды.

ральной капиталистической системы к относительной стабильности и гегемонии после 1945 года совпало с тем фактом, что риторика национального возрождения стала для целого поколения ассоциироваться с умышленными бесчеловечными деяниями невообразимого масштаба независимо от того, насколько чуждой была геноцидальная агрессия нацистов, направленная на расовое вырождение, для большинства разновидностей межвоенного фашизма. Данная ассоциативная связь явилась причиной резкого сокращения «политического пространства» функционирования революционной правой. В последующие десятилетия культурный климат стал для революционной правой еще менее благоприятным, так как широкие слои населения Запада все больше и больше деполитизировались и «денационализировались». С этого момента они приобрели иммунитет к лозунгам ультранационализма, милитаризма и жертвенности, которые были причинами возникновения в 1914 году феномена «военной лихорадки» и доминирование которых стало предпосылкой к подъему фашизма. Само национальное государство потеряло свою важность под воздействием глобализации, а с завершением «холодной войны» и крушением советской империи правый экстремизм лишился основной причины своего непрерывного существования.

Подобное стечение обстоятельств радикальным образом преобразило политическую культуру, в рамках которой должен был маневрировать правый экстремизм. Ситуация, в которой ему теперь пришлось выживать, характеризовалась отсутствием объективных причин для системного кризиса, благодаря которому призывы к установлению «нового порядка» на основе тотального политического и культурного обновления находили широкий резонанс с настроениями общества после 1918 года. В результате в большинстве стран сократилось количество избирателей, стихийно поддерживавших революционный национализм, лишив его критической массы для функционирования в русле харизматической политики или, другими словами, в форме современной «политической религии». Составные компоненты, необходимые для образования правоэкстремистского массового движения, уже не могли создать единое целое. Источник харизматической популистской энергии иссяк. Эпоха ультранационалистических «слизевиков» — огромных свержорганов, которые когда-то устраивали бесконечные парады и безбрежной массой заполняли площади городов, — закончилась. В определенном смысле Эрнст Нольте был прав, когда писал, что фашизм в той форме, в которой он впервые появился в «Аксьон Франсез», а затем утвердился в итальянском фашизме и германском нацизме, был

«эпохальным феноменом», который фактически прекратил свое существование в 1945 году²⁵.

Однако фашизм не умер в гитлеровском бункере. Следуя дарвинистской логике мутации, по-видимому, одинаково справедливой как для политических, так и для биологических явлений, в «постфашистскую эпоху» силы революционного национализма инстинктивно выбрали две стратегии выживания. Одна заключалась в том, чтобы попытаться сохранить электоральную привлекательность путем снижения или отказа от революционного программного накала и перевода его — в допустимых пределах — на язык либеральной демократии. Результатом этого стало возникновение любопытного гибрида, который сочетал демократическую форму с антилиберальным содержанием и сделал возможным сговор радикальных (реформистских) и экстремистских правых²⁶. Следствием стало появление партий, причисленных к широкой категории «неопопулистских». Другая стратегия была направлена на то, чтобы оставить всякие надежды на образование ядра массового движения и, напротив, принять форму кадровой организации, управляемой малочисленной элитой активистов-самовыдвиженцев, которая преследует идеологические, организационные или антиправительственные цели. В соответствии с данной тактикой призрачные перспективы на реальность революционного влияния на общество поддерживались в таких группах путем стратегии открытости: образовывались ассоциации с другими правоэкстремистскими единомышленниками, а посредством эффективной пропаганды, направленной на тех избранных, которые готовы ждать наступления волшебного исторического момента, когда революция правых станет возможной, рекламировалось собственное существование²⁷. Так возникли послевоенные правые группускулы.

Фашизм избрал новый тип агрегации идеологической и активистской энергии — полностью в соответствии с теми трансформационными

²⁵ Отметим, что Эрнст Нольте завершает свою книгу (Nolte Ernst. Three Faces of Fascism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1965) утверждением, что человеческое общество сможет перейти в «постфашистскую» эпоху только тогда, когда оно достигнет полной гармонии и эмансипации (Р. 454). Это наделяет феномен чем-то вроде загробной жизни, хотя мы считаем, что группускулярная правая представляет собой гораздо более динамичную форму выживания, чем мог представить себе Нольте, когда делал свое заключение.

²⁶ См.: Griffin R. The post-fascism of the Alleanza nazionale: a case-study in ideological morphology // Journal of Political Ideologies. 1996. N 2.

²⁷ См.: Griffin R. Interregnum or endgame? Radical right thought in the «post-fascist» era // Journal of Political Ideologies. 2000. N 2. P. 163–178. Перепечатано в: Freedon Michael. Reassessing Political Ideologies. L.: Routledge. 2001.

процессами, которым он подвергся в ходе адаптации к ситуации, когда обширные зоны политического пространства перестали быть для него доступными и вынудили ютиться во всех углах и закоулках гражданского общества, которые он мог только отыскать. Одним из важнейших процессов стала метаполитизация его идеологии, сопровождаемая сознательными нападками на культурную гегемонию либерализма, а также далеко идущая интернационализация революционных взглядов. Данная стратегия проявилась в таких феноменах, как призыв к видению Европы в качестве основы всех этнических наций, универсализация нацизма и укрепление так называемой третьей позиции, направленной на объединение международных (включая страны «третьего мира») союзников в борьбе против единственной оставшейся сверхдержавы²⁸. Это привело к росту сотрудни-

²⁸ При этом необходимо отметить, что термин «третья позиция» возник в период «холодной войны», когда наднационально настроенные революционные националисты хотели создать «объединенную Европу», которая могла бы сотрудничать с «антиимпериалистическими» странами «третьего мира» в борьбе против двух блоков сверхдержав — капиталистического и коммунистического. Мы предлагаем бегло взглянуть на тот безудержный синкретизм, характерный для наиболее склонных к идеологическим авантюрам правых группускул, стремящихся преодолеть разделение на левых и правых, а также присвоить себе культовые фигуры крайне левых. Для этого мы процитируем отрывок из текста, взятого с веб-сайта экстремистской и явно не приспособившейся к новым веяниям революционной левой организации «Lefty» Hooligan. What's left? March 2001; MRR #214, <http://web.archive.org/web/20050408231031/http://www.huahuacoysl.com/march.html>), в котором демонстрируется вся поразительная «низость» упомянутого явления: «1960-е годы были временем подъема не только “новых левых”, но и “новых правых”, что подразумевало возрождение неофашизма. И именно странный синкретизм фашизма доставляет сейчас наибольшее беспокойство. Сегодня наблюдается возрождение левого нацизма, основанного на идеях национал-большевиков и братьев Штраасеров. Левые культовые фигуры, например, Че Гевара и субкоманданте Маркос вошли в пантеон неофашистов, которые позиционируют себя как национальных революционеров; многие сейчас серьезно пытаются пропагандировать нацизма, основанный на “фашистской диктатуре пролетариата”. Современные фашисты поддерживают Ирландскую республиканскую армию, RAF, Ливию Каддафи и “борьбу палестинского народа против сионизма”. Фашистская солидарность с национально-освободительной борьбой в странах “третьего мира” — особенно если она обусловлена расовыми, этническими или религиозными факторами — контрастирует с поддержкой фашистами внутренних расовых сепаратистских организаций, как “Нация ислама” Фаррахаана, в русле концепции “самоопределения всех народов”, естественно, включая белых. Даже экономический дистрибутивизм фашистской “третьей позиции” целиком и полностью заимствован из гильдейского социализма. А еще есть национал-анархизм — возможно, самый странный оксюморон на сегодняшний день. Национал-анархисты заимствуют фашизм справа и слева. Справа — это индивидуалистский анархизм Штирнера, аристократический радикализм Ницше, революционный консерватизм Юнгера и элитарный традиционализм Эволя. Слева — тайный бунт Бакунина, пропаганда действия

чества и экуменизации отдельных групп и фракций — процессу, который может показаться «постмодернистским», но в действительности является глубоко антипостмодернистским, так как в его основе лежит стремление к синкретизму и синтезу²⁹. В течение 1990-х годов возникло два новых фактора, появление которых словно было специально обусловлено стремлением группускулярной правой к консолидации в рамках современной политики. Эти факторы позволили группускалам соответствовать доминирующему на Западе духу времени — усиливающемуся в обществе ощущению всепроникновения культурной глобализации и капиллярному просачиванию интернета в нервную систему планеты. Оба этих фактора обеспечили каждой группускуле — вне зависимости от ее размера — возможность функционирования в качестве узла широкой, постоянно развивающейся сети экстремистских организаций, имеющей гораздо большее значение, чем простая сумма ее частей, — группускулярной правой.

Приоритет группускулы в контексте послевоенного фашизма

Эмпирическое подтверждение данного аналитического направления обеспечивается тем фактом, что пока условия острого общественно-политического кризиса позволяли — как это было, например, в Южной Африке в преддверии многодневных выборов, посткоммунистической России и постсоветской Югославии — правый экстремизм самоуверенно возвращался к форме популистских движений и массовых партий, напоминающих те, которые возникали в межвоенной Европе во времена ожесточенных восстаний. Однако «знаменем времени» можно назвать то обстоятельство, что даже в условиях сильнейшего системного кризиса, характеризовавшего в самом начале посткоммунистическую Россию, параллельно с возникновением ряда традиционных политических партий, представляющих правоэкстремистские и праворадикальные разновидности национализма, в молодом гражданском и негражданском обществах быстро сформировалась сложная группускулярная правая. Одним из факторов, усиливших ее быстрый рост, была готовность российских элит к сотрудничеству с европейскими «новыми правыми» и экстремистскими группускалами в целях распространения своего анализа национального кризиса.

Кропоткина, мифическое насилие Сореля и синдикалистский мютюзелизм Прудона. Террористический аспект они берут из заговорщического нигилизма Нечаева и антииндустриального луддизма Качинского».

²⁹ См.: Griffin R. Interregnum or endgame?

Другими словами, интернационализация и метаполитизация соединились с глобализованными формами электронной коммуникации, позволившими крайне специализированным вариантам фашизма проникнуть в те бреши, которые так явно обнаружили в политической системе России, а также в те пространства — как обширные, так и капиллярные — которые открылись для гражданских и негражданских форм культурного и идеологического производства. В то же время страстное желание создать либерально-демократическое, капиталистическое общество в духе *laissez faire* после 80 лет государственного контроля над политической и экономической сферами не позволило революционным националистическим течениям слиться в единое движение наподобие НСДАП. В результате сразу после падения советской империи в России возник самый благоприятный в мире климат для возникновения как группускулярных, так и негруппускулярных ультралиберальных формаций, обладающих ошеломительным разнообразием отдельных идеологических компонентов. А после того как партийно-политический фашизм и неопопулизм пошли на спад вследствие установления определенной стабильности, группускулярная правая стала более активной в процессе эксплуатации негражданского общества в стремлении отстоять идею национальной революции³⁰.

Россия служит примером базового принципа функционирования правого экстремизма во всем западном мире со времени поражения нацизма. Мы повсеместно сталкиваемся с тем, что именно группускула, а не партия становится типичной организационной единицей, в форме которой в настоящее время проявляет себя фашизм. Это хорошо показывает путь, который проделал по изменчивому ландшафту британского правого экстремизма один из наиболее ярких и самоуверенных британских идеологов — Трой Саутгейт³¹. Еще одним знаменем времени является то, что Саутгейт рассказал о своей эволюции от партийного активиста британского Национального фронта до плодовитого группускулярного идеолога, активно вовлеченного в сферу национал-большевизма и неоанархизма, в статье, которая была опубликована в англоязычной версии российской интернет-газеты «Правда»³². Сейчас газета специализируется на публи-

³⁰ См.: Umland A. Towards an uncivil society?

³¹ Southgate Troy. Transcending the beyond: from third position to national-anarchism // Pravda.ru. 2002. January 17 (<http://english.pravda.ru/main/2002/01/17/25828.html>).

³² Показательно то, как Трой Саутгейт отреагировал на наше заявление, сделанное в исходном черновике данного исследования, что его статья выражает «утопическое видение». В своем электронном сообщении от 31 августа 2002 г. он написал, что считает «национал-анархизм прагматическим ответом на грядущий коллапс западной цивилизации. Другими словами, это не эскапистская идея, и мы не прячем голову в песок, а просто пытаемся как-то справиться с тем, что мы считаем неизбежностью».

кации таких аналитических заметок о международном положении, от которых редакторы ее советской тезки переворачиваются в гробу.

Подводя итоги, отметим, что доминирующим проявлением фашизма в межвоенный период была вооруженная электоральная партия, преследовавшая цель создания массовой базы для революционного свержения либеральной системы. В некоторых странах (особенно в Италии, Германии и Франции) широкая общественность была предварительно подготовлена к такому ходу развития вследствие наличия солидного рынка ультралиберальной культурной продукции, который, как видится в ретроспективе, содержал элементы группускулярности. С 1945 года именно группускула стала доминирующим проявлением бескомпромиссного, аутентичного революционного национализма. Ее эффективность в качестве инкубатора и резервуара экстремистской активности увеличивается благодаря реальной или потенциальной взаимосвязи каждой отдельной группускулы с другими правыми группускулами, а также конечной интеграции в группускулярную правую, имеющую ризоматическую, а не древовидную структуру. В настоящее время ее партийно-политическая реализация либо сведена до незначительного уровня, либо обрела «неопопулистскую» внешнюю форму, которая делает эту реализацию периферийной по отношению к революционной миссии правого экстремизма.

Неоднородность группускулы

Чтобы определить группускулу как идеальный тип и постараться обнаружить ее в истории революционного национализма, нам по-прежнему требуется большое количество идеографической плоти, чтобы облечь номотетический скелет. Как видно из дальнейших исследований по данному вопросу³³, у каждой правой группускулы — свой неповторимый стиль поведения. Прежде всего, каждая из них обладает специфическим сочетанием трех основных направлений деятельности: во-первых, разработкой идеологии и пропагандой; во-вторых, координированием связей с другими правыми партиями, организациями и группускулами; в-третьих, проведением акций протеста или осуществлением подрывной деятельности против системы или агрессии против идеологических врагов. На основе имеющихся обзоров группускул мы можем сделать вывод, что некоторые выполняют по большей части идеологическую функцию, другие играют преимущественно координирующую роль, третьи сочетают одновременно

³³ См.: специальный номер журнала, посвященный группускулам: Patterns of Prejudice. 2002. N 3.

идеологическую и координирующую функции, а четвертые сочетают все три роли. Необходимо также подчеркнуть, что под фразами «акции протеста или осуществление подрывной деятельности» подразумевается крайне обширная сфера активности — от мелких символических действий (например, однажды члены Groupe Union Défense (Объединенный союз защиты, ГУД, *фр.*) прервали показ документального фильма «Шоа» о Холокосте, который проводился в одном из парижских студенческих общежитий) до взрывов на железнодорожной станции в Болонье, которые были частью «стратегии напряженности», проводимой итальянскими террористами³⁴.

Однако даже несмотря на то что идеологическая функция некоторых группускул является основной, они гораздо в большей степени заинтересованы в установлении контактов с широкими слоями населения посредством экзотерических, откровенно пропагандистских вариаций на тему центральной идеологии, чем другие организации, чьи декларации, сообщения и аналитические обзоры рассчитаны только на посвященных. Вследствие этого публичные биографии лидеров групп могут сильно отличаться друг от друга. Например, Том Метзгер (лидер Белого арийского сопротивления, БАС) широко известен в США, а Александр Дугин (лидер «Арктогеи») в середине 1990-х годов был официальным советником спикера российской Государственной Думы³⁵. В противоположность им другие группускулы функционируют на принципах безлидерного или, по крайней мере, анонимного сопротивления. Между этими полюсами находятся несколько групп, возглавляемые известными в правых кругах идеологами, которые, тем не менее, минимально известны или были известны общественности. К ним можно отнести Европейский освободительный фронт (лидер — Фрэнсис Паркер Йоки), Nouvelle Résistance (Новое сопротивление, НР, *фр.*; лидер — Кристиан Буше) и Национально-революционную фракцию (НРФ; лидер — Трой Саутгейт). Даже в самом экстравертном и медиагеничном группускулярном лидере нового поколения нет ничего «фюрерского».

Существует также значительно количество вариантов взаимоотношений группускул с демократическими институтами, так как некоторые из них, например, Национал-большевистская партия (НБП) в России или

³⁴ Исследование группускулярной сферы, в рамках которой действовали черные террористы с 1960-х по 1980-е годы, см.: Drake Richard. *The Revolutionary Mystique and Terrorism in Contemporary Italy*. Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press. 1989; Ferraresi Franco. *Minacce alla democrazia*. Milan: Feltrinelli. 1995; Ferraresi Franco. *Threats to Democracy*. Princeton: Princeton Univ. Press. 1996; Bale Jeffrey M. *The Secret Cold War and European Right-Wing Terrorism* (готовится к публикации).

³⁵ См.: Mathyl Markus. *The National-Bolshevik Party and Arctogaia: two neo-fascist groupuscules in the post-Soviet political space // Patterns of Prejudice*. 2002. N 3. P. 66.

Nordiska Rikspartiet (Партия нордического рейха, *шведск.*) в Швеции, как ни странно, выставляли в прошлом своих кандидатов на выборы. Это обстоятельство указывает либо на то, что у них по-прежнему остаются надежды прорваться в традиционное политическое пространство, либо на гибридный характер организации — смесь группускулярного и партийно-политического типов³⁶. Даже к предположению, что правый экстремизм является обязательно «антисистемным», следует относиться с осторожностью. Не так давно, когда антикоммунизм был движущей силой западной внешней политики, в Италии, Греции, Турции, Франции, Бельгии, Португалии и Испании, не говоря уже о Латинской Америке, отмечались случаи сговора, преимущественно тайного, между элементами «системы» — в основном военных и разведывательных кругов, а также судебного аппарата — и правыми террористами³⁷. Некоторые правореакционные группускулы в США, например «Воины-ополченцы» (Minutemen), получали тайную поддержку со стороны сил правопорядка и формировали отряды, имевшие целью не свержение власти, но увеличение ее эффективности в качестве защитника от угроз, исходящих от коммунизма и «расслабляющего» либерализма.

Имеет смысл подчеркнуть, что в контексте правого экстремизма существует значительное расхождение во взглядах на то, что именно считается «системой» и кто именно является врагами нации или расы³⁸. Так, несмотря на то что неонацистские группы вроде Национального альянса в США преимущественно критикуют дух либерализма за то, что он «сделал возможным» мультикультурализм и расовое смешение или «потворствовал» им, они не проявляют той же злобы по отношению к глобальному капитализму, которая отличает сторонников «третьей позиции»: первые критикуют капитализм как признак ЗОГ (ZOG, сионистское оккупационное правительство), а вторые настроены против него потому, что уверены в необходимости введения экономической альтернативы капитализму. Например, Британская НРФ и основанная в Бельгии Parti Communautaire National-Européen (Общеввропейская национальная партия, ПКН, *фр.*), наследница одной из первых партий

³⁶ Хотя мы и подчеркиваем, что группускулы не пытаются стать массовыми популистскими движениями, некоторые из них больше, чем другие, стремятся получить общественную поддержку посредством пропаганды и рекламы, а в некоторых случаях имеет место напряженность между самой природой группускул как кадровых объединений и их желанием навязать свое «правильное» видение проблем как можно большему количеству людей.

³⁷ Джеффри Бейл указывает на это сложное, лицемерное сочетание антигосударственного терроризма и терроризма, тайно спонсируемого государством, в своей статье: Bale Jeffrey M. *Right-wing terrorism // Europe since 1945: An Encyclopedia*. N.Y.: Garland. 2001.

³⁸ См.: Ramsay Robin. *Conspiracy Theories*. L.: Trafalgar Square. 2000.

«третьей позиции» 1960-х годов, *Jeune Europe* («Молодая Европа», *фр.*), открыто называют старомодных фашистских националистов, а также нацистов, не принадлежавших к крылу Штрассера, «реакционерами» или используют термин «фашизм» в уничижительном смысле, утверждая, что именно неспособность фашизма уничтожить капиталистическую систему скомпрометировала его революционный импульс.

Границы здесь кажутся туманными, а идеологические принципы больше похожи на песчаные дюны, чем на горы. БАС, например, смешивает идеологию «третьей позиции» с очевидными элементами арийского нацизма и биологического расизма. Еще один пример: согласно информации с веб-сайта группускулярного *Front Politique* (Политический фронт, *ФП*, *фр.*), в 2002 году ГУД вошел в тесную связь с двумя другими национально-революционными группускулами, *Les Cercles Résistance* (Круги сопротивления, *фр.*) и *Jeune Résistance* (Молодое сопротивление, *фр.*), и вместе они приняли решение «продолжать борьбу с левоэкстремистским сбродом»³⁹. ГУД появился в 1960-х годах, и тогда он представлял собой яростную антилевую студенческую группу, близкую к молодежному движению Национального фронта, однако в начале 1980-х годов — в соответствии с духом времени — он начал впитывать в себя влияние французских «новых правых». К концу 1990-х годов организация усвоила идеи «третьей позиции», также подвергшиеся влиянию «новых правых», и переняла политические концепции, далекие от официальных «лепенских» взглядов на «новый мировой порядок». Тем не менее, свойственный ГУД антикоммунизм до конца 1990-х годов никогда не был элементом идеологического разнообразия, характерного для двух остальных групп сопротивления и российских групп — «Арктогея» и НБП, близких к национал-большевизму⁴⁰. В свою очередь, на примере этих российских групп мы можем наглядно видеть, с какой легкостью в контексте нового глобализованного и группускуляризированного правого экстремизма импортируется и реэкспортируется критика господствующих ценностей, еще больше затрудняя возможность строго определенного таксономического анализа. Обе группы импортировали из Европы «новоправую» и «третьепозиционистскую» критику

³⁹ <http://web.archive.org/web/20020604021234/http://www.unite-radical.com/fp.htm>

⁴⁰ См.: Griffin R. Net gains and GUD reactions.

Национал-большевизм не является доктринальной прерогативой российских группускул, но в качестве идеологии восходит к немецким политическим течениям 1920-х годов. См.: von Klemperer Klemens. Towards a Fourth Reich? The History of National Bolshevism in Germany // *The Review of Politics*. 1951. N 2. P. 191–210; Van Ree Erik. The concept of «National Bolshevism»: an interpretative essay // *Journal of Political Ideologies*. 2001. N 3. P. 289–307. — Примеч. перев.

глобальной системы, а затем объединили ее с ультра национализмом и левоэкстремистской критикой капиталистического империализма в манере, свойственной исключительно постсоветской политической культуре. К концу 1990-х годов этот новый синтез стал источником осязаемого влияния на разнообразные западные «третьепозиционистские» группускулы, идеология которых в данный момент обнаруживают все больше и больше признаков национал-большевизма. Можно привести пример британской НРФ (которая многое сделала для того, чтобы познакомить читателей своего веб-сайта с «Арктогеями»), национал-анархистов и «Спартакус-Пресс», идеологические сегменты которых развивались в начале этого века, по-видимому, в направлении сложного синтеза классического фашизма, «третьей позиции», неоанархизма и новых форм антисистемной политики, возникших в контексте движения антиглобалистов⁴¹.

Что предстоит сделать:

характерные признаки группускулярной правой

Если на определение «классического» фашизма ушло несметное количество часов коллективного академического труда, то неудивительно, что данная статья указывает на невозможность мгновенного таксономического описания и строгой классификации проявлений «постфашизма» — постоянно растущей, видоизменяющейся, многогранной контркультуры. Мы предприняли попытку предварительного осмысления феномена, и независимо от того, в каком объеме будет пересмотрен в дальнейшем наш временный идеальный тип группускулы, эту попытку можно будет считать успешной, если благодаря ей читатели смогут выделить в своем воображении место для явления, которое в традиционной политологии по большей части игнорируется. В этом случае практическим результатом будет способность читателей отчетливо представить себе мелкие, узкоспециализированные и индивидуализированные группки, которые составляют значительный сегмент современного правого экстремизма и имеют гораздо большее значение в качестве единого целого,

⁴¹ См.: Southgate T. Transcending the beyond. Чтобы составить некоторое представление о сложной идеологической сети, образуемой современными группускулами в правоэкстремистском секторе интернета, см. страницу ссылок веб-журнала *Synthesis* (<http://www.rosenoire.org/links.php>), которая предлагает искателям метаполитической мудрости, необходимой для преодоления существующей «системы», неординарную подборку сайтов на такие темы, как анархия, антропология, антисоциализм, конспирология, окружающая среда, фортеана (так!), индоевропейцы, современная жизнь, «окультура», политика, психология, сюрвайвализм и Традиция.

чем суммы составных частей. Мы надеемся, что в процессе накопления эмпирического материала по мириадам отдельных разновидностей феномена, границы его определения станут менее туманными, а его неустрашимые, смежные и периферийные аспекты станут более отчетливыми. Тем временем уже сейчас мы можем выделить несколько признаков феномена, необходимых для лучшего понимания современного правого экстремизма и заслуживающих дальнейшего изучения.

Во-первых, мы увидели, что группускула характеризуется отказом от каких-либо попыток создать массовую базу последователей, притязаний на широкие круги электората, а также отказом от вхождения в альянс или достижения компромисса с организациями, функционирующими в пространстве традиционной политики, в целях оказания наибольшего влияния или достижения максимальной оперативной эффективности. Сосредоточиваясь на политической подготовке и мобилизации самовыдвиженческого кадрового состава, группускула становится основным сегментом послевоенного вестернизированного мира, в рамках которого образуются самые различные формы революционного национализма (например, глобальный нацизм) или новые гибриды «радикальных религий», которых отличает секулярная критика современного мирового порядка со стороны белых супремасистов (например, движение «Идентичных христиан») и левых экстремистов (национал-большевистские варианты «третьей позиции»). При этом группускулы не нуждаются в сохранении публичной привлекательности, политической корректности, электорального успеха и в поддержании «имиджа». В результате они получают свободу выражения своих взглядов на мир и, не прибегая к эвфемизмам, рисуют картины преследований, заговоров и мегаломании, типичные для так называемого параноидального стиля политики. Таким образом, именно группускулярная правая, а не современная «модернизированная» партия, репрезентирующая неофашизм (например, Британская национальная партия) или неопопулизм (например, французский Национальный фронт), стала резервуаром различных вариантов революционного национализма, фанатичной одержимости образами упадка и возрождения, жажды новой зари, близких по содержанию к тем идеям, которые два поколения назад вдохнули жизнь в самых непримиримых итальянских фашистов, нацистов, фалангистов и легионеров Архангела Михаила, а также их собратьев из других фашистских движений. Именно на их веб-сайтах исследователи могут в изобилии обнаружить свидетельства того, что штаммы палингенетического ультра национализма, вдохновившего «эпоху фашизма» в межвоенной Европе, не погибли, но, избавившись от необходимости говорить на лингва-франка массовых движений,

претерпели мутацию. (Несмотря на глобальное изобилие предлагаемых вариантов фашизма, невозможно скрыть тот факт, что с 1945 года революционная правая — если мы говорим об общем объеме идеологической энергии и народной поддержки — уменьшилась до лилипутских размеров по сравнению с Гулливером существующей демократии.)

Во-вторых, идеологический радикализм современной группускулы придает особую значимость активному использованию интернета, через который она распространяет свои принципы среди сторонников и налаживает связи с единомышленниками по всему миру. Так, подобная практика позволяет ей создать «виртуальное сообщество» активистов, уверенных в том, что они избраны для поддержания священного огня истины о существующем миропорядке, несмотря на господство иной идеологии, темные времена владычества которой им должно терпеть, пока это «междущарствие» не закончится. Виртуальное сообщество обладает способностью избегать «проверки на соответствие реальности», изолируя своих членов от контактов с внешним миром, которые могут явить им более релятивизированное и плюралистическое понимание современной истории. В частности, избавляя экстремистов от необходимости дебатов с оппонентами и чтения лекций на небольших собраниях своих сторонников⁴², группускулярность сохраняет экстремизм ультра националистического палингенетического мышления в безупречной чистоте. Тем самым группускулы внушают своим сторонникам абсолютно призрачные надежды на то, что правый экстремизм способен реализовать утопические проекты альтернативного миропорядка, восстановления культурной «укорененности» и расовой мощи. Авторам этих проектов уже не нужно приспосабливаться, как это было в межвоенной Европе, к миру, полностью поглощенному угрозой крушения христианской цивилизации и коллапса его странного попутчика — капитализма, страхом перед распространением советского коммунизма и ужасом перед разрушительными войнами между европейскими национальными государствами. Теперь их питает боязнь культурной гомогенизации, массовой миграции и планетарной экологической катастрофы⁴³. В то же время наличие ризоматической

⁴² Тем не менее, мы не можем сказать, что правоэкстремистские попытки сплочения рядов более традиционными способами безвозвратно ушли в прошлое. Одна из «третьепозиционистских» группускул была в числе главных организаторов «Ярмарки анархистских еретиков», которая состоялась в 2000 году в Брайтоне. Та же группа содействовала организации трех следующих собраний, где планировались выступления известных ораторов, впоследствии отмененные из-за угроз «антифашистов».

⁴³ Несмотря на то что корни правоэкстремистских группускул лежат в межвоенном фашизме, многие из них трансформировали идеологию национального возрождения

структуры, к которой в силу внешних обстоятельств был вынужден прибегнуть правый экстремизм, означает, парадоксальным образом, что группускулы достигли неуязвимости перед попытками демократических государств уничтожить их, так как они существуют в среде, которая скорее напоминает таинственный мир врагов Джеймса Бонда, чем политическую реальность, регулируемую планами по решению насущных задач. Правый экстремизм превратился в сеть, не имеющую лидера, строго определенных границ, формальной иерархии и внутренней организационной структуры, которые могли бы наделить ее единым разумом. Революционная правая больше не выгодна больше службам безопасности и разведки, так как она прекратила имитировать существование единого живого организма, как это таинственным образом делают слизевики. Вместо этого, следуя внутренней логике, которую способны смоделировать только самые продвинутые биологические науки, мелкие вспышки спонтанной активности, порождающие и питающие группускулы, образуют узлы силового поля или сети радикальной политической энергии, которая поддерживает жизнеспособность и жизнестойкость организма в качестве единого целого. Подобные качества отражают сами свойства интернета, который изначально заинтересовал американских военных стратегов тем, что его нельзя выключить, равно как и нельзя стереть информацию, которая в нем содержится, путем банального вывода из строя любого из его компонентов в связи с отсутствием в нем «центра управления полетами», который можно было бы уничтожить. Группускулярность современного правого

в такой степени, что стержневую тему их идеологии — озабоченность национальным упадком и возрождением — стало практически невозможно распознать. Таким образом, существует необходимость в более тщательном исследовании, чтобы очертить менее импрессионистские идеологические контуры современного правого экстремизма, чем те, которые предлагаются в данной статье. Одним из признаков того, что остатки «первоначального» фашистского мышления все еще присутствуют даже в панъевропейских и экстремистских национал-большевистских разновидностях группускулярной идеологии, является то, что они главным образом беспокоятся о культурном упадке, а не о социальной несправедливости или же неравенстве. Другим признаком является то, что когда левые фашисты (например, adeptы «третьей позиции», ориентированные на национал-большевизм) критикуют несправедливость — политическую, социальную или экономическую — или же осуждают эксплуатацию и империализм, они, тем не менее, считают, что причиной упадка современного мира является принцип эгалитаризма, а также размывание культурной и этнической идентичности. Третий признак — это то, что концепция европейского возрождения или победы арийцев над врагами по-прежнему эксплуатируется национальными и этническими ячейками (например, в США, Франции и Фландрии), которые требуют сохранности своей уникальной местной идентичности. Сравнение российских, итальянских, немецких и французских разновидностей европейской (и определенно не тэтчеровской) «новой правой» подтверждает эту модель.

экстремизма, в сущности, позволяет ему выживать и развиваться, даже если отдельные организации, составляющие его, объявляют вне закона, а их веб-сайты закрывают.

Эти соображения получают особый резонанс в условиях мирового порядка после разрушения «башен-близнецов». Подобно палингенетическому правому экстремизму, в основе «террористической сети» типа «Аль-Каиды» лежит специфический тип мышления, радикальное видение существующего мироустройства, а также напряженное, но географически крайне рассредоточенное силовое поле культурной и политической энергии, и эти качества далеки от строгой организационной структуры, знакомой теоретикам корпоративных моделей линейного управления. «Аль-Каиде» мешает достичь полной группускулярности то, что, по всей видимости, в ней существует некое иерархическое командование, в котором Бин Ладен до сих пор, несомненно, играл важную роль, даже если в будущем выяснится, что его декларации и приказы распространялись уже после его смерти. Выживать движению помогает именно его структура, так как она подразумевает, что его «базу» или «основу» (буквальный смысл слова «аль-кайда») нельзя обнаружить в какой-либо отдельной стране, ячейке или человеке, что стало возможно благодаря самой глобализации, от которой организация призвана защищать ислам. Если получится так, что «Аль-Каида» по-прежнему будет способна представлять угрозу западным демократическим государствам — даже если американским войскам специального назначения удастся (или уже удалось) превратить Бин Ладена в мученика, а не лидера из плоти и крови, — то это будет целиком и полностью заслуга ризоматической структуры организации.

В-третьих, несмотря на то что крайне разносторонним утопическим планам группускулярной правой на установление нового национального и мирового порядка никогда не суждено сбыться, нельзя недооценивать ее вклад во внедрение в структуру всех вестернизированных обществ субкультуры революционного экстремизма, которая порождает «расово мотивированные преступления» и нормализует акты насилия, направленные против предполагаемых врагов идеального порядка. Предлагая готовые идеи о необходимости преобразования существующей глобальной системы, группускулярная правая способна оказывать формирующее влияние на идеологическую эволюцию и политическую карьеру отдельных индивидов, находящихся в поиске больших нарративов и тотальных истин, путем трансформации смутного чувства обиды и ненависти в глубоко личное ощущение особого предназначения «сделать что-нибудь». В исключительных случаях группускулы вносили решающий вклад в превращение непокорных неудачников в «одиноких волков», готовых,

пренебрегая человеческими жизнями, на безжалостные террористические акты, направленные против символов общественного упадка.

Один из первых подобных терактов совершил Гундольф Колер в 1980 году, взорвав бомбу во время пивного фестиваля «Октоберфест». Изначально теракт приписали одиночке, действовавшему независимо от организованной правой, однако позже выяснилось, что Колер был членом западногерманской группускулы Wehrsportgruppe Hoffmann (Военно-спортивная группа Гофмана, нем.). Исполнитель другого теракта, Тимоти Маквей, устроивший взрыв в Оклахома-Сити, находился под глубоким влиянием процветающей в США группускулярной правой субкультуры. В частности, контакты Маквея с особой революционной субкультурой, сформированной патриотическими ополченцами, членами клубов любителей оружия и сюрвайвалистами, политизировали его неудовлетворенность положением страны, а его ощущение личного предназначения совершить какой-либо акт для спасения Америки от мертвой хватки ЗОГ приобрело окончательную форму после прочтения «Дневников Тернера» — книги, написанной Уильямом Пирсом, главой Национального альянса⁴⁴. Полиция, расследовавшая дело другого террориста, Дэвида Коупленда, взрывающего в Лондоне бомбы, начиненные гвоздями, сначала заявляла об отсутствии связей с организованной правой, но впоследствии обнаружилось, что на Коупленда сильно повлияло движение «Идентичных христиан» и британское Национал-социалистическое движение, а также «Дневники Тернера»⁴⁵. В его случае ключевую роль во вступлении в частное ополчение террористов-одиночек, преданных идее радикального изменения системы, сыграл интернет. Через интернет Коупленд нашел и необходимые инструкции по изготовлению бомб, начиненных гвоздями. Последним примером данного феномена, попавшим в передовицы, было покушение Максима Брюнери на Жака Ширака 14 июля (день взятия Бастилии) 2002 года. Среди группускул, оказавших влияние на Брюнери, были ГУД, «глобально-нацистская» Parti Nationaliste Français et Européen (Французская и европейская националистическая партия, *фр.*), а также более позднее Unité Radicale (Радикальное единство, *фр.*) Кристиана Буше, которое объединило последнее воплощение ГУД с «третье-позиционистским» Nouvelle Résistance, в большей степени ориентированным на национал-большевизм⁴⁶.

⁴⁴ Michel Lou, Herbeck Dan. American Terrorist — Timothy McVeigh and the Tragedy at Oklahoma City. N.Y.: Avon. 2001.

⁴⁵ McLagan Graeme, Lowles Nick. Mr Evil. The Secret Life of the Racist Bomber and Killer David Copeland. L.: John Blake. 2000.

⁴⁶ Статьи Грэма Аткинсона (Nazi shooter targets Chirac, The bad boys of GUD и Unité Radicale disunited) и Ника Лоуэlsa (Would-be assassin tells world to watch) опубликованы в: Searchlight. 2002. N 326. P. 5–7.

Примеры с Колером, Маквеем, Коуплендом и Брюнери имеют огромное практическое значение для стражей демократии, не говоря уже о том, что для эзотерически настроенных политических теоретиков изучение тайн группускулярной правой может стать источником феноменологических секретов и когнитивного удовольствия. Ее незаметное, призрачное присутствие в общественной и политической субкультуре обуславливает постоянный, непрерывно обновляющийся источник антисистемных взглядов на текущую местную, национальную и глобальную ситуацию. Те, кто не удовлетворен существующей матрицей реальности, могут получить доступ к этому источнику с той скоростью, с какой их беспокойные пальцы бегают по клавиатуре. Уже через несколько часов после атаки на «башни-близнецы» на веб-сайтах правозэкстремистских группускул появились собственные версии произошедшего. Даже в наши дни, не похожие на бурную межвоенную эпоху, «ризоматический» фашизм может оказывать практически невидимую поддержку действиям более заметных и менее застенчивых в отношении со СМИ приверженцев нового идеологического синтеза, обещающего спасение Запада от окончательного разложения, а в особенности поддержку действиям интеллектуалов из европейской «новой правой», а также более искушенных и радикальных идеологов неопопулизма.

Таким образом, не следует удивляться тому, что могут обнаружиться свидетельства о взаимодействии между группускулярной правой и «новой правой», как это демонстрируют случаи с ГУД и «Арктогеей»⁴⁷, или между исламистскими и европеизированными правыми экстремистами⁴⁸. Более того, пленка, отделяющая негражданское общество группускулярной правой от ортодоксальной партийной политики, временами может быть абсолютно негерметичной. Превращение крайне изолированного итальянского ИСД в «избирабельную» партию Alleanza Nazionale (Национальный альянс, *ит.*) Джанфранко Фини было предварено интенсивной группускулярной активностью на периферии основной партии, в результате чего в ней укоренились идеи «французских» и доморощенных эволаистских

⁴⁷ Хорошим кандидатом на обладание группускулярным статусом является The Scorpion — нерегулярное печатное издание и ассоциированный с ним веб-сайт, посвященные распространению «новой правой» критики существующего миропорядка (в данном случае негармоничной смеси французской «новой правой» и эволаистских идей) на английском языке. В основном журнал редактируется в Германии бывшим организатором Национального фронта Майклом Уокером — еще одно доказательство интернационализации и метаполитизации правого экстремизма, а также иллюстрация того, что в данной политической сфере на смену партийной эпохе приходит эпоха группускул.

⁴⁸ См. Michael George. The Enemy of my Enemy. The Alarming Convergence of Militant Islam And the Extreme Right. Lawrence: Univ. Press of Kansas. 2006.

«новых правых». В то же время случай с Александром Дугиным показывает, что даже группускула способна в определенной степени оказывать прямое влияние на правительственные круги и, следовательно, на выработку официальных политических решений⁴⁹. Мы живем в эпоху, когда в обществе наблюдается растущее беспокойство в отношении утраты идентичности, а антиглобализм, как это ни парадоксально, представляется подлинно массовой популистской силой во всем мире. Поэтому мы вряд ли погрешим против истины, если предположим, что наличие многочисленных правоэкстремистских ризом, проповедующих какофонические учения о чистоте культуры и примордиальных корнях (расовых, протоевропейских или атлантических) или критикующих упадок существующей глобальной системы, призывая к установлению нового порядка, может иметь «тайное» (но не таинственное) влияние на систему. Их совместные усилия напоминают всепроникающее «темное вещество», присущее либерально-капиталистическому обществу и обеспечивающее жесткую фиксацию центра гравитации западных демократических стран на правом фланге, являясь, таким образом, невидимым противовесом идеям человеческого содружества и всеобщей социальной справедливости.

11 сентября совершенно ясно продемонстрировало, что основные угрозы социальному миру и политической стабильности западных обществ могут исходить не от нового Гитлера или новой НСДАП, но от различных вариантов «фундаментализма» — секулярных или религиозных — принявших ризоматические формы, которые не поддаются традиционному анализу и не имеют военного решения. С этой точки зрения, в будущих исследованиях экстремизма группускулярную правую, возможно, будут рассматривать не как алогичное проявление загробной жизни классического фашизма, но как неуловимого, бесплотного предвестника экстремизма эпохи продвинутой современности. К тому времени исследования, по крайней мере *некоторых* элементов политического экстремизма, станут частью обычной академической практики, так как эти элементы будут «заслуживать упоминания» независимо от своего размера.

Перевод с английского Антона Шеховцова

⁴⁹ Приведем пример того, как группускулы проникают в традиционное политическое пространство: в начале 2002 года Люк Мишель, глава левофашистской национал-большевистской ПКН, был приглашен местным отделением ранее бескомпромиссной марксистской Partei des Demokratischen Sozialismus (Партия демократического социализма, ПДС, нем.) выступить на конференции в Берлине.

Коротко об авторах

Верховский Александр Маркович (р. 1962) — директор Информационно-аналитического центра «СОВА». До 2002 года — вице-президент Центра «Панорама». Автор книг «Государство против радикального национализма» (2002), «Политическое православие» (2003), соавтор ряда книг, включая «Политический экстремизм в России» (1996), «Национал-патриотические организации в России» (1996), «Национализм и ксенофобия в российском обществе» (1998), «Политическая ксенофобия» (1999), «Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России» (2002), «Цена ненависти» (2005) и др., ряда научных публикаций в России и за рубежом.

Гриффин Роджер (р. 1948) — доктор философии, политолог, профессор департамента истории факультета гуманитарных наук университета Оксфорд Брукс (Великобритания). Соредактор научного журнала «Totalitarian Movements and Political Religions». Автор книг «The Nature of Fascism» (1991), «Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler» (2007), главный редактор книг «Fascism» (1995), «International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus» (1998), «Fascism: Critical Concepts in Political Science» (2004) и «Fascism, Totalitarianism, and Political Religion» (2006), автор свыше пятидесяти глав и статей, посвященных фашизму, правому радикализму, терроризму и религиозному экстремизму.

Зверева Галина Ивановна (р. 1944) — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. Автор более ста публикаций по проблемам истории исторического знания, изучения современных культурных форм и практик, исследования национализма в России.

Кожевникова Галина Владимировна (р. 1974) — историк, кандидат исторических наук. Специалист по истории российской государственности. Заместитель директора Информационно-аналитического центра «СОВА», до этого — сотрудник Центра «Панорама». Автор ряда публикаций по проблемам национализма и ксенофобии в современной России, в том числе брошюры «Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее» (2004), других докладов по проблеме интолерантности в СМИ, а также

всех кварталных и ежегодных докладов Центра «СОВА» по преступлениям на почве ненависти и противодействию им.

Смирнова Татьяна Николаевна (р. 1986) — социолог и политолог, бакалавр программы «Международные отношения, политические науки и права человека» Смольного института свободных искусств и наук, студентка факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор статей о преподавании «толерантности» в школе и презентации образа «другого» в образовательных проектах, ориентированных на детскую аудиторию.

Шеховцов Антон Владимирович (р. 1978) — политолог, аспирант кафедры философских и социальных наук Севастопольского национального технического университета (Украина). Автор нескольких статей, посвященных фашизму, современному правому радикализму и религиозному экстремизму. Переводчик ряда философских и политологических статей, а также книги «Future Primitive» американского анархо-примитивиста Джона Зерзана.

Шнирельман Виктор Александрович (р. 1949) — этнолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, специалист по этничности, национализму и расизму. Автор книг «Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia» (1996), «The Value of the Past. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia» (2001), «The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s — 1990s» (2002), «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье» (2003), «Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России» (2004), «Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше)» (2005), «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» (2006) и др.